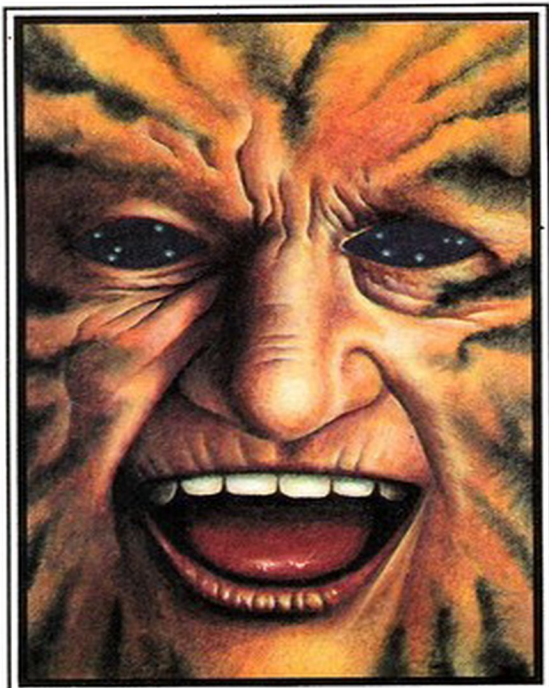
МИРЫ АЛЬФРЕДА БЕСТЕРА



Человек без лица (The Demolished Man)

Альфред Бестер

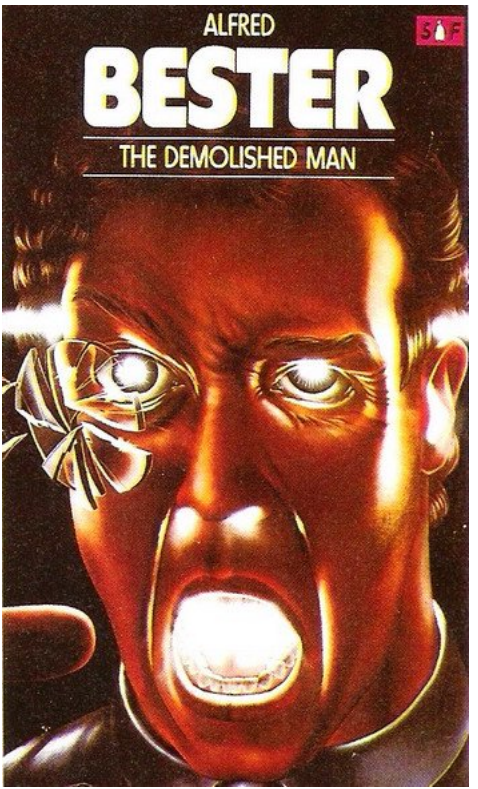
Аннотация
Альфред Бестер. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА. The Demolished Man
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17

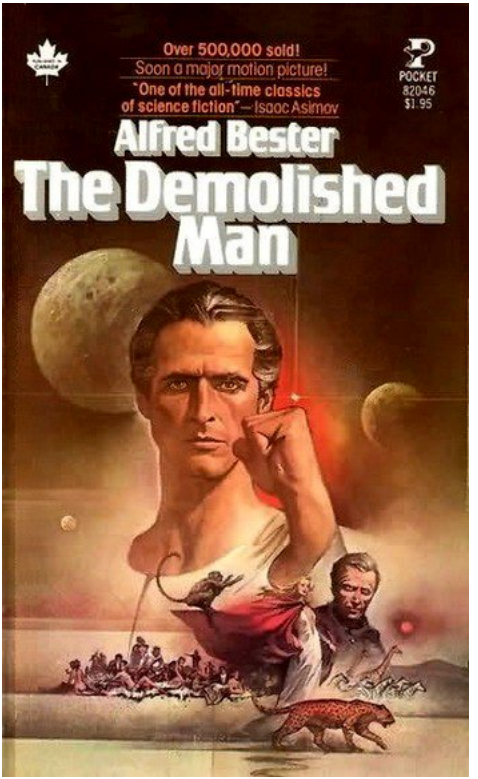
Аннотация

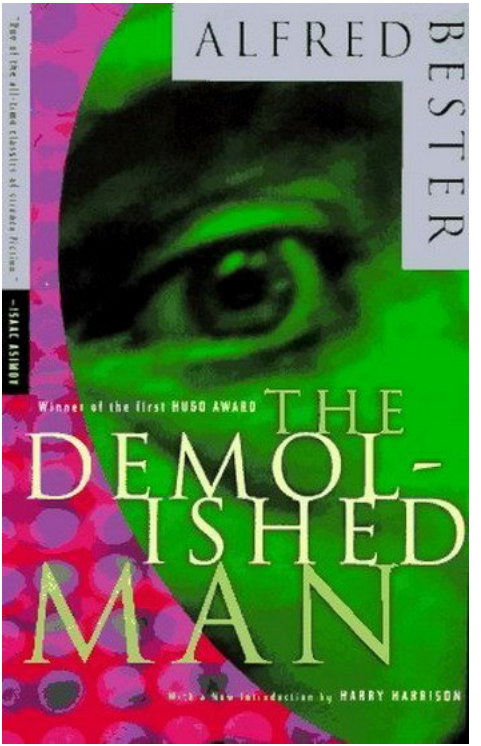
Alfred Bester. The Demolished Man. 1953.

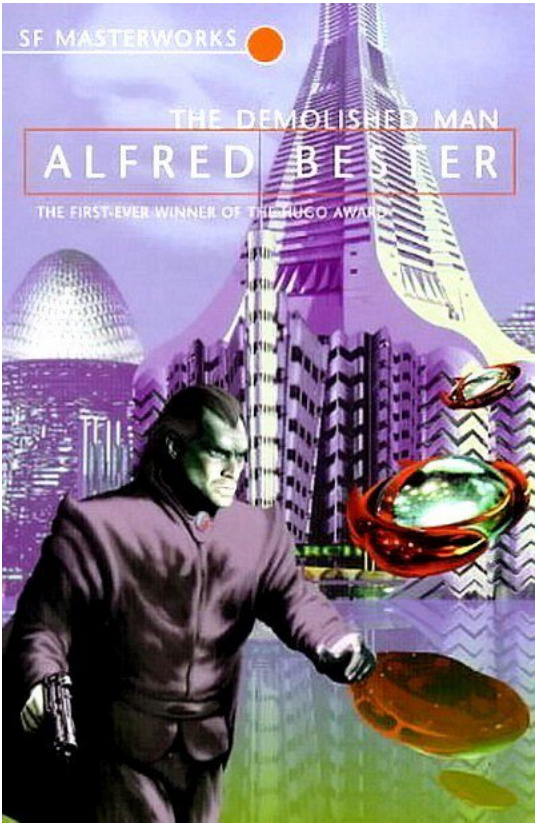
Альфред Бестер
ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

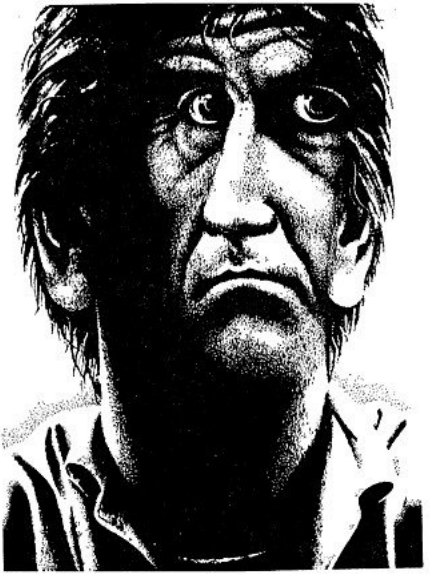
The Demolished Man




Over 500,000 sold!
Soon a major motion picture!
"One of the all-time classics of science fiction" — Isaac Asimov
POCKET
82046
$1.95
Alfred Bester
The Demolished Man


"One of the all-time classics of science fiction."
—ISAAC ASIMOV
ALFRED BESTER
Winner of the first HUGO AWARD
THE DEMOLISHED MAN
With a New Introduction by HARRY HARRISON


SF MASTERWORKS
THE DEMOLISHED MAN
ALFRED BESTER
THE FIRST-EVER WINNER OF THE HUGO AWARD



ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

1

Удар! Взрыв! Двери подвала настежь! Там, внутри, навалом денег. Хватай, тащи, тяни! Но кто это? Кто это там стоит? Бог мой! Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный. Безмолвный. Страшный. Бежать… Бежать…

Скорей бежать, а то я пропущу парижский пневматический и больше не увижу эту прелестную девушку, чье лицо как цветок, а тело создано для страсти. Я еще могу успеть. Но кто там у ворот? Это не сторож. Более! Снова он, Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный, Безмолвный… Только бы не закричать. Да перестань…

Но я и не кричу. Я пою на сцене, на ослепительной мраморной сцене, льется музыка, горят огни. А в зале ни души. Зал — пустая темная яма, и там один лишь зритель. Как пристально он глядит! Безмолвный, Огромный. Опять Человек Без Лица.

Он закричал. Теперь и вправду закричал.

Бен Рич проснулся.

Он лежал не двигаясь в своей гидропатической постели, и сердце его бешено стучало, а глаза, казалось бы, спокойно — хотя какое уж тут

спокойствие — оглядывали все вокруг. Нежно-зеленые стены, фарфоровый ночник — китайский мандарин, дотронься до него, он будет бесконечно кивать и кивать головой, — разнопланетные часы, фиксирующие время трех планет и шести спутников; и наконец, постель — кристально-прозрачный бассейн, где струится нагретый до 99,9 градуса по Фаренгейту карбонизированный глицерин.

Дверь тихо отворилась, в полумраке возник Джонас, тень в бордовой ночной пижаме, бесплотный дух с лошадиным лицом и манерами гробовщика.

— Опять? — спросил Рич.

— Да, мистер Рич.

— Громко?

— Очень громко, сэр. И так испуганно.

— Черт бы побрал ваши ослиные уши! — буркнул Рич. — Я никогда ничего не боюсь.

— Да, сэр.

— Убирайтесь.

— Слушаю, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Джонас сделал шаг назад, притворил дверь.

— Джонас! — крикнул Рич.

Лакей появился опять.

— Простите меня, Джонас.

— О, все в порядке, сэр.

— Нет, вовсе не в порядке. — Рич обаятельно улыбнулся. — Я обращаюсь с вами как с родственником. За такую привилегию я слишком мало вам плачу.

— Ну что вы, сэр!

— В следующий раз, когда я на вас заору, гаркните и вы на меня. Будем квиты.

— О, мистер Рич…

— Сделайте так, и вы получите прибавку. — Снова улыбка. — Это все, Джонас. Благодарю.

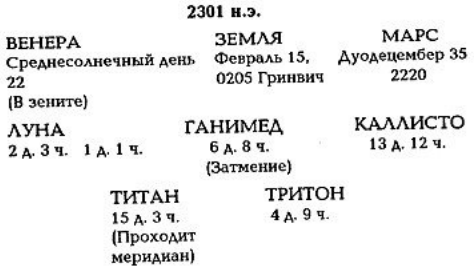
— Спасибо, сэр. — Камердинер ушел.

Рич вышел из постели и, обтираясь перед большим зеркалом, репетировал улыбку. «Выбирай себе врагов сам, а не заводи их случайно», — бормотал он. Рич внимательно разглядывал себя: мощные плечи, узкие бедра, длинные мускулистые ноги, влажные прямые волосы, большие глаза, точеный нос и капризный тонкогубый рот с жесткой складкой.

— Ну отчего? — спросил он. — Отчего? Внешностью я не поменялся бы и с дьяволом. Положением — не захочу меняться с богом. Отчего я ору?

Он надел халат и взглянул на часы, не ведая о том, что его предкам показалась бы непостижимой та бессознательная легкость, с которой

он единым разом охватил временно-числовую панораму солнечной системы. На циферблатах стояло:



Ночь, день, лето, зима… Рич мог с лету перечислить час и время года на любых меридианах всех небесных тел, входящих в солнечную систему. Здесь, в Нью-Йорке, отвратительное зимнее утро сменило полную безобразных кошмаров ночь. Несколько минут придется потратить на собеседование с психиатром Эспер Лиги, которого он нанял. Сколько еще можно вопить по ночам?

— «Э» — это «Эспер», — бормотал он. — Эспер — это экстрасенсорная перцепция. Телепаты, прощупыватели мыслей, щупачи! Предполагается, что врач из Эспер Лиги может отучить меня орать

во сне. Предполагается, что доктор медицины, умеющий влезать людям в мозги, даром денег не берет. Ему лишь стоит заглянуть ко мне в башку, и крикам конец. Этих проклятых щупачей считают венцом развития Homo sapiens'a. «Э» — это эволюция. Черта с два! Эксплуатация — вот Его трясло от ярости.

— Но я же не боюсь! — крикнул он, распахнув дверь. — Никогда ничего не боюсь.

Он вышел в коридор и звонко застучал подошвами домашних туфель по серебряным плиткам: ки-тат-ки-тат-ки-тат-ки-тат, — не тревожась о том, что жутковатый дробный стук, разбудив спозаранок прислугу, посеет страх и ненависть в двенадцати сердцах.

Толчком распахнув дверь в покои психиатра, Рич вошел и сразу лег на кушетку.

Карсон Брин, врач-эспер второй ступени, уже проснулся и ждал его. Будучи домашним психоаналистом Рича, он всегда спал «одним ухом», и во сне поддерживая с пациентом связь, готовый пробудиться по первому зову. Крик Рича разбудил его. Брин сидел возле кушетки, очень элегантный в своем роскошном вышитом халате (Рич платил ему 20 тысяч кредиток в год), и был полон внимания, поскольку знал, что нанима-

тель щедр, но требователен.

— Я слушаю вас, мистер Рич.

— Опять Человек Без Лица, — буркнул Рич.

— Кошмары?

— Влезь мне в голову, упырь проклятый, сам увидишь. Хотя нет, простите. Это глупо. Да, опять кошмары. Я пробовал ограбить банк. Потом догонял поезд. Потом кто-то пел. По-моему, я сам. Сейчас я вспоминаю все это как только могу подробно. Кажется, не пропускаю ничего…

Долгая пауза. Наконец Рич не выдержал:

— Ну! Нащупали что-нибудь?

— Вы продолжаете настаивать, мистер Рич, что не можете опознать этого Человека Без Лица?

— Как мне его опознать? Его лица я никогда не вижу. Я только знаю…

— Думаю, что вы могли бы его опознать. Вы просто не хотите…

— Послушайте-ка, вы… — Рича бесило ощущение, что доктор, очевидно, прав. — Я вам плачу двадцать тысяч. А вы мне тычете свои идиотские домыслы и не способны…

— Вы и вправду так полагаете, мистер Рич, или это просто общий синдром обеспокоенности?

— Да при чем тут обеспокоенность? — крикнул Рич. — Я не боюсь. Я никогда… — он замолчал,

почувствовав, как бесполезно защищать себя словами перед щупачом, чей разум мог с великой легкостью проникнуть сквозь словесные заслоны. — Вы все же ошиблись, — сказал он угрюмо. — Человек Без Лица. Вот все, что мне о нем известно.

— Вы все время обходите самые существенные пункты, мистер Рич. Вас надо натолкнуть на них. Прибегнем к способу свободных ассоциаций. Пожалуйста, без слов, просто мысли. Ограбление…

«Драгоценные камни — часы — бриллианты — слитки — соверены — фальшивые монеты — боны — акции — курт…»

— А это еще что?

«Простите, ошибка. Курс — наличные — шлифовка — драгоценность…»

— Нет, не ошибка, мистер Рич, а очень важная поправка или, вернее, переделка. Продолжим. Пневматический…

«Кондиционированный — длинный — вагон поезд — следует — катастрофа… Чепуха все это!»

— Не чепуха, мистер Рич. Подсознательная игра слов. Подставьте вместо «следует» — «наследует», и убедитесь сами. Продолжайте, прошу вас.

— Очень уж вы, щупачи, ловки. Что там у нас? Пневматический — *поезд — подземный*

— сжатый воздух — ультразвуковая скорость — «Мы транспортируем вас из транспорта в транспорт» — вот девиз… — как называлась эта фирма? Выскочило вдруг откуда-то…

— Из подсознания, мистер Рич. Еще одна проба, и вы поймете. Амфитеатр…

«Кресла — партер — ярус — ложи — балкон — стоячие места — стойло — лошади — марсианские лошади — марсианские пампасы…»

— Ну вот вам, мистер Рич, Марс. За последние полгода вам девяносто семь раз снились кошмарные сны с Человеком Без Лица. Он неизменно был вашим врагом, срывал все ваши планы, внушал вам ужас в этих сновидениях, которые объединены тремя общими знаменателями — Финансы, Транспорт и Марс. Все это повторяется снова и снова… Человек Без Лица и Финансы, Транспорт и Марс.

— Мне это ничего не говорит.

— И все же это не случайность, мистер Рич. Я думаю, что вы способны опознать эту пугающую вас фигуру. Зачем бы иначе вам так упорно избегать его лица?

— Я ничего не избегаю.

— В качестве ключа к разгадке можно использовать слово «курт», подставленное вместо «курс»,

и забытое вами название фирмы, девиз которой «Мы транспортируем вас…»

— Я уже сказал — не знаю! — Рич сердито встал с кушетки. — Вашими ключами ничего не отопрешь. Я не могу его опознать.

— Этот человек пугает вас не потому, что у него нет лица. Вы знаете, кто он. Вы его ненавидите, боитесь, но вы знаете, кто он.

— Тогда сами и скажите мне. Вы же щупач.

— Мои способности ограничены, мистер Рич. Без вашей помощи я не могу проникнуть глубже.

— Какая еще помощь? Вы лучший врач-эспер, которого я мог нанять. И если уж…

— Мистер Рич, не лукавьте ни со мной, ни с собой. Вы для того и наняли врача второй ступени, чтобы обезопасить себя именно в подобном случае. Сейчас вы расплачиваетесь за свою осторожность. Вылечить вас от кошмаров сможет лишь специалист первой ступени… Скажем, Огастес Тэйт, или Гарт, или Самюэль Экинс.

— Ладно, я подумаю, — буркнул Рич и пошел к двери. Когда он растворил ее, Брин сказал ему вслед:

— Да, кстати… «Мы транспортируем вас из транспорта в транспорт» — девиз картеля де Куртнэ. Вам не кажется, что это как-то связано с

оговоркой «курт» вместо «курс»?

— *«Человек Без Лица!»*

Быстро и решительно перехватив шальную мысль и задержав ее, Рич бросился по коридору к своим апартаментам. Приступ дикой ненависти охватил его. *«Он прав. Де Куртнэ — вот кто заставляет меня кричать во сне. Не потому, что я его боюсь. Я себя боюсь. Я всегда это знал. Знал в глубине души. Я чувствовал, что рано или поздно мне придется убить мерзавца. Я потому и не вижу лица, что это лицо убийства».*

Вскоре Рич, уже как следует одетый, но хмурый, вихрем вылетел из своих комнат, спустился вниз и оказался на улице, где его тотчас подхватил прыгун компании «Монарх» и грациозным прыжком перенес к гигантской башне, которая вмещала сотни этажей и тысячи сотрудников, обслуживающих Нью-йоркскую контору «Монарха». Башня «Монарха» являла собой нервный центр корпорации, неслыханной по объему. Корпорация эта колоссальной пирамидой возвышалась на разветвленной сети транспорта и связи, предприятий тяжелой и легкой промышленности, внешней и внутренней торговли, исследовательских и изыскательских работ. «Компания Монарх. Предприятия обществен-

ного пользования, инкорпорейтид» покупала и продавала, наделяла и обменивала, созидала и разрушала. Система ее филиалов и акционерных обществ была так сложна, что приходилось держать на ночном окладе бухгалтера-эспера второй ступени, обязанностью которого было следить за общей тенденцией циркуляции финансов.

Рич вошел в кабинет, куда за ним проследовала старшая секретарша (эспер-3), окруженная помощницами, которые тащили целый ворох утренней почты.

— Сбросьте все сюда и убирайтесь, — буркнул Рич.

Девушки свалили на его письменный стол бумаги и саморегистрирующие кристаллы памяти и торопливо вышли. Они не обиделись на шефа: к его вспышкам гнева здесь давно привыкли. Рич сел за стол, трясясь от жгучей, нестерпимой ярости к Крэю де Куртнэ. Наконец он пробормотал:

— Дам еще один шанс мерзавцу.

Рич открыл ключом стол, потом отпер ящик-сейф и вытащил оттуда административный справочник шифров, издание, распределенное только среди руководителей фирм, причисляемых Ллойдом к группе «4 А-1». Раскрыв справочник посредине, он сразу нашел все, что ему

требовалось:

QQBA ..... УЧАСТИЕ В ДОЛЕ
RRCB ..... ОБА НАШИ
SSDC ..... ОБА ВАШИ
TTED ..... СЛИЯНИЕ
UUFE ..... КАПИТАЛ
VVGF ..... ИНФОРМАЦИЯ
WWHG. ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО
XXIH ..... ОБЩЕПРИНЯТЫЙ
YYJH ..... ПРЕДЛАГАЮ
ZZKJ ..... СЕКРЕТНЫЙ
AALK ..... РАВНОПРАВНЫЙ
BBML ..... КОНТРАКТ

Заложив нужную страницу, Рич включил внутренний видеофон и, когда появилось изображение видеофонистки, распорядился:

— Дайте шифровальную.

Яркая вспышка, и на экране возникла небольшая комната, где плавал табачный дым и повсюду валялись книги и рулоны телетайпной ленты. Белесый мужчина в полинялой рубахе встрепенулся, взглянув на экран.

— Слушаю, мистер Рич.

— Здравствуйте, Хэссоп. Мне кажется, вам не мешает отдохнуть. — «Выбирай себе врагов

сам». — Слетайте на недельку на Космическую Ривьеру. Отпуск за счет «Монарха».

— Спасибо, мистер Рич. Большое вам спасибо.

— У меня секретная шифровка Крэю де Куртнэ. Передавайте… — Рич заглянул в справочник… — Передавайте:

YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQAB.

Ответ доставьте тотчас же. Понятно?

— Понятно, мистер Рич. Я мигом.

Рич выключил «видео». Запустив руку в груду лежавших на столе бумаг и кристаллов, он выудил один кристалл и включил его. Голос старшей секретарши произнес: «Компания „Монарх“: валовой доход понизился на 2,1134 процента. Картель де Куртнэ: повышение валового дохода на 2,1130 процента…»

— Черт бы его драл! — озлился Рич. — Так и гребет из моего кармана. — Он сердито щелкнул выключателем и вскочил. Его снедало нетерпение. Ответ придет лишь через несколько часов. Теперь вся его жизнь зависит от решения де Куртнэ. Он вышел из кабинета и начал бродить с этажа на этаж, из отдела в отдел с таким видом, будто просто проверял хозяйским строгим глазом, как идет работа. Эспер-секретарша скромно

и незаметно следовала за ним, как дрессированная собачка.

«Дрессированная сука!» — подумал Рич. И вслух:

— Простите. Вы это прощупали?

— Неважно, мистер Рич. Я поняла вас правильно.

— Вот как? Я и сам себя не понял. Чертов де Куртнэ!

В отделе найма проводились испытания, проверка и отсев, как всегда, многочисленных претендентов на должность. Тут находились клерки, мастера, специалисты, административные работники среднего масштаба и эксперты высшей квалификации. Все эти люди уже подверглись предварительному отбору, который был произведен и на этот раз из рук вон плохо, по мнению эспера-начальника отдела. Когда в кабинете появился Рич, начальник отдела найма, кипя от гнева, расхаживал из угла в угол. Он бровью не повел, приняв телепатический сигнал, посланный ему секретаршей еще из-за двери.

— Мною отведено десять минут для окончательного собеседования с каждым кандидатом, — распекал он одного из своих помощников. — Шесть человек в час, сорок восемь за день. Когда я бра-

кую по тридцать пять процентов испытуемых, я попусту трачу свое время, а точней — время «Монарха». Компания пригласила меня не для того, чтобы я отсеивал явно негодных кандидатов. Это ваше дело. Займитесь им. — Он повернулся к Ричу и с достоинством кивнул: — Доброе утро, мистер Рич.

— Привет. Неприятности?

— Все было бы в порядке, если бы мои сотрудники уразумели, что экстрасенсорная перцепция — отнюдь не чудо, а искусство, подлежащее почасовой оплате. Каково ваше решение по поводу Блонна, мистер Рич?

Секретарша:

«Он еще не читал вашей докладной записки».

«Позвольте вам, милейшая, заметить, что, не используя мои услуги с максимальной эффективностью, компания выбрасывает деньги на ветер. Докладная записка о Блонне пролежала на столе мистера Рича целых три дня».

— Что это еще за Блонн такой свалился мне на голову? — спросил Рич.

— Мистер Рич, сперва я обрисую вам общее положение. В состав Эспер Лиги входит около ста тысяч эсперов третьего класса. Каждый эспер-три способен проникать в область сознания объекта

и обнаруживать, что думает объект в данный момент. Это низший класс телепатов. Большая часть охраны и младший технический персонал компании «Монарх» — эсперы-три. Мы наняли более пятисот…

«Он это знает. Это каждому известно. Ближе к делу, трепач!»

«Осмелюсь испросить вашего позволения излагать дело так, как я считаю нужным».

— Далее: в Лиге числится около десяти тысяч эсперов второго класса, — ледяным тоном продолжал начальник. — Все эти специалисты, в том числе и я, способны проникать глубже сознательного уровня, добираясь до области подсознания. Большая часть эсперов-два — врачи, адвокаты, инженеры, педагоги, архитекторы, экономисты и так далее.

— И каждому из вас приходится платить целое состояние.

— А почему бы нету Наши услуги стоят того. Компания «Монарх» признает это. В данный момент компания держит на службе более ста эсперов-два.

«Вы перестанете болтать?»

— И наконец, в числе членов Лиги насчитывается менее тысячи эсперов первого класса.

Эспер-один обладает способностью проникать глубже областей сознания и подсознания… в область глубоких инстинктов. Все эти люди, конечно, занимают выдающееся положение на различных поприщах. Преподаватели, врачи, психоаналисты, такие, как Тэйт, Гарт, Экинс, Мозель, криминалисты, например Линкольн Пауэл из парапсихологического отдела полиции, руководители внешней торговли, специальные консультанты правительства и так далее. До сих пор у компании «Монарх» не было нужды приглашать на службу эспера-один.

— И что же? — буркнул Рич.

— Сейчас нужда возникла, мистер Рич, и я надеюсь, Блонн согласится. Короче говоря…

«Давно бы так!»

— Короче говоря, мистер Рич, «Монарх» пользуется услугами такого количества эсперов, что я предлагаю создать специальный отдел, комплектующий штаты служащих эсперов, и поставить во главе его какого-нибудь эспера первого класса, того же Блонна, к примеру.

«Он не понимает, почему вы сами не справляетесь».

— Я намеренно обрисовал вам общую картину, мистер Рич, чтобы объяснить, из-за чего я сам

не в состоянии справиться с такой работой. Я эспер-два. Нетелепатов я опрашиваю быстро и результативно, но моя результативность падает при опросе эсперов. Все эсперы имеют обыкновение блокировать телепатический опрос, и успешность этих контрманевров зависит от категории опрашиваемого. Чтобы основательно проверить эспера-три, мне требуется час. На собеседование с эспером второго класса уйдет три часа. А сквозь блок эспера-один мне, наверное, вообще не пробиться. Для всей этой работы мы должны пригласить эспера первого класса, такого специалиста, как Блонн. Разумеется, это будет стоить огромных денег, но у вас нет другого выхода.

— Вот как! Почему? — спросил Рич.

«Бога ради! Что вы делаете? Приводить ему этот довод — все равно что махать красным перед носом у быка. Вы его не раззадорите, а окончательно обозлите».

«Я выполняю свой долг, мадам».

— Дело в том, сэр, — пояснил начальник, обратившись к Ричу, — что мы с вами нанимаем далеко не лучших эсперов. Картель де Куртнэ уже не в первый раз перебегает нам дорогу. Из-за плохой постановки дела нам неизменно доста-

ются те, что поплоше, а тем временем де Куртнэ преспокойно снимает сливки.

— Чтоб вам сгореть! И вашему де Куртнэ тоже! — крикнул Рич. — Добро. Валяйте. Пусть теперь этот Блонн сам перебегает де Куртнэ дорогу. Да подключитесь заодно и вы.

Рич бросился к дверям и отправился в отдел информации. Здесь его тоже ожидали неприятные вести. «Компания Монарх. Предприятия общественного пользования» терпела поражение за поражением в единоборстве с картелем де Куртнэ. Он теснил их на всех фронтах: и в области рекламы, и в строительстве, и в исследовательских работах, и в информации. Дальше обманывать себя было нельзя. Рич понял, что его приперли к стенке.

Вернувшись к себе, он несколько минут как бешеный метался по кабинету.

— Хватит валять дурака! — пробормотал он. — Я знаю, что должен его убыть. Он не согласится на слияние. Да и зачем ему это? Он же отлично понимает, что положил меня на обе лопатки. Мне остается только убить его, а для этого нужен помощник. Помощник-эспер. — Он щелчком включил видеофон и распорядился: — Комнату отдыха!

На экране появился сверкающий никелем и эмалью зал со столиками для игры и с автоматическим баром. Судя по виду, в этом зале приятно было отдохнуть, и служащие «Монарха» действительно захаживали сюда с этой целью. В то же время зал являлся центром мощной сети шпионажа, обслуживающей компанию. Управляющий залом бородатый интеллектуал по фамилии Уэст, погруженный в обдумывание шахматной задачи, взглянул на экран и тут же встал.

— Доброе утро, мистер Рич.

Официальное обращение «мистер» было предупреждением, и Рич принял его к сведению.

— Доброе утро, мистер Уэст. Решил наведаться к вам для порядка (отеческая, так сказать, забота). Как развлекаются мои подопечные?

— Каждый по-своему, мистер Рич. Впрочем, сэр, я должен вам пожаловаться, что-то слишком стали увлекаться азартными играми. — Уэст озабоченно бубнил в видеофон до тех пор, пока двое ни о чем не подозревающих клерков скромно допили свои коктейли и ушли. После этого Уэст вздохнул с облегчением, опустился в кресло и сказал:

— Выкладывайте, Бен, путь свободен.

— Скажите, Эллери, Хэссоп уже раскодировал

секретную шифровку?

Бородач отрицательно покачал головой.

— Все еще возится?

Уэст ухмыльнулся и кивнул.

— Где сейчас де Куртнэ?

— Держит путь на Землю на борту «Астры».

— Вам известно, что он намерен тут делать? Где остановится?

— Не знаю. Выяснить?

— Пока не нужно. Это зависит…

— От чего? — Уэст с любопытством посмотрел на шефа. — Жаль, что чтение мыслей не осуществляется через «видео». Хотелось бы мне знать, что у вас сейчас на уме.

Рич угрюмо усмехнулся:

— Слава богу, хоть одно убежище у нас осталось. Как вы относитесь к преступлениям, Эллери?

— Так же, как все.

— Все люди?

— Как все члены Лиги. Наша Лига не одобряет преступлений, Бен.

— И что вы с ней так носитесь, с вашей Лигой? Вы же знаете цену успеху, деньгам. А Лига — что она вам даст? Не пора ли вам наконец обзавестись собственным мнением и не заглядывать в рот Лиге?

— Вам этого не понять, Бен. В Эспер Лиге все мы рождены, в ней мы живем и в ней умрем. У нас есть право избирать руководителей, единственное наше право. Зато деятельность каждого из нас находится в полном распоряжении Лиги. Эспер Лига учит и воспитывает нас, присваивает ступени, устанавливает этические нормы и следит за тем, чтобы мы соблюдали их. Так же как медицинские учреждения, Лига оберегает права непосвященных и тем самым оберегает посвященных, то есть нас. У нас есть своя Гиппократова клятва. Она называется Заветом Эспера. И да поможет бог тому, что рискнет этот завет нарушить… на что вы, кажется, меня подбиваете…

— Может быть, и так, — не улыбаясь, отозвался Рич. — Может быть, я подбиваю вас и намекаю, что вашу эспер-клятву стоит нарушить. Если речь пойдет о сумме… о такой громадной сумме, какой ни вы, ни кто-либо из ваших второстепенных щупачей в жизни своей не видывал…

— Оставьте это, Бен. Я пас.

— Но все же предположим, что вы нарушили Завет. Что вам грозит?

— Остракизм.

— И только-то? Подумаешь! Да ведь у вас в кармане будет огромный куш, целое состояние.

Те из щупачей, кто потолковее, давно порвали с Лигой. Их подвергли остракизму. Ну и что? Не разыгрывайте из себя младенца, Эллери.

Уэст снисходительно улыбнулся:

— Вы этого не поймете, Бен.

— Так растолкуйте мне.

— Вы говорите об отверженных… о людях вроде Джерри Черча. Не такие уж они толковые. Как бы вам пояснить… — Уэст задумался. — В ту пору, когда хирургия была в зачаточном состоянии, среди людей существовали группы увечных, называемых глухонемыми.

— Это те, что не могли ни говорить, ни слышать?

— Они самые. Между собой они общались языком жестов. А с остальными людьми общаться они не могли. Вы понимаете? Чтобы существовать, они должны были держаться друг за дружку. Человек лишится разума, если ему не с кем обменяться словом.

— Дальше.

— Дальше, кто-то из них додумался заняться вымогательством. Эти люди обложили еженедельным налогом самых богатых глухонемых. Тех, кто отказывался платить, подвергали остракизму. Но никто не отказывался. Каждый

предпочитал выложить деньги и спастись от перспективы медленно сходить с ума в полнейшем одиночестве.

— Значит, вы, щупачи, такие же глухонемые?

— О нет, Бен. Глухонемые — это вы. Если кому-нибудь из нас придется жить одному среди вас, то он спятит. Поэтому не нужно соблазнять меня и посвящать в ваши черные замыслы. Я знать их не желаю.

Уэст без церемоний выключил видеофон. Взревев от злобы, Рич схватил со стола золотое пресс-папье и с размаху запустил им в хрустальный экран. Осколки еще не осыпались, а он уже мчался по коридору к выходу.

Его эспер-секретарша знала, куда он уходит. Эспер-шофер знал, куда его везти. Дома его встретила эспер-экономка, которая тут же, составив меню в точном соответствии с невысказанным желанием Рича, распорядилась подать ленч. Поев и слегка поостыв, Рич прошествовал в свой кабинет и сразу направился к сейфу, мерцавшему в дальнем углу кабинета.

Сейф представлял собой небольшой открытый шкаф со множеством ячеек, расстроенный по фазе с некоторым ритмическим колебанием. Когда фаза сейфа и фаза колебания совпадали,

сейф вспыхивал ярким светом. Не успевал свет померкнуть, как новое совпадение фаз вызывало очередную вспышку. Таким образом сейф непрестанно пульсировал, излучая мерцающее силовое поле, которое не позволяло ни проникнуть в шкаф, ни даже увидеть его содержимое. Ключом к сейфу был отпечаток левого указательного пальца Рича, что исключало возможность подделки.

Рич коснулся пальцем точки, из которой излучалось сияние. Сияние померкло, появился шкаф. Не отрывая пальца, Рич вынул из одной ячейки черную записную книжечку, а из другой — большой красный конверт. Потом убрал палец, произошло фазовое рассогласование, и сейф замерцал снова.

Рич торопливо перелистывал страницы записной книжки: «авантюристы»… «анархисты»… «аферисты»… «банкроты (злостные)»… «взяточники (разоблаченные)»… «взяточники (потенциальные)». Под рубрикой «потенциальные» стояло пятьдесят семь фамилий именитых граждан, и в том числе Огастес Тэйт, эспер-врач первой ступени. Рич удовлетворенно кивнул.

Потом он вскрыл красный конверт и исследовал его содержимое. В конверте оказалось пять

листков, исписанных убористым старомодным почерком, каким писали несколько веков назад. Это было послание потомкам от основателя компании «Монарх» и клана Ричей. На четырех листках значилось «План А», «План В», «План С», «План Д». Пятый был озаглавлен «Вступление». Рич стал читать, не без труда разбирая старинные завитушки:

«Моим наследникам. Только слабые разумом спорят с очевидностью. Если ты открыл это письмо, мы поймем друг друга. Возможно, тебе пригодятся четыре плана убийств, подготовленные мной в общих чертах. Я завещаю их тебе как часть наследства Ричей. Это только схемы. Ты можешь сам детально разработать их, сообразуясь с требованиями времени, среды и обстоятельств.

Предупреждение: сущность убийства остается неизменной. Во все века убийство есть конфликт общества и убийцы, а ставкой является жертва. Основа этого конфликта с обществом всегда одна. Будь смелым, будь целеустремленным, будь дерзким, и общество не сумеет противопоставить тебе ничего.

Джеффри Рич».

Рич не спеша проглядел планы, искренне восхищаясь предусмотрительностью своего предка, который не упустил ни одной случайности. Сами схемы, хотя и оказались устарелыми, воспламеняли воображение; идеи одна за другой зарождались и зрели в его мозгу, он обдумывал их, находил уязвимые пункты и наконец отвергал. Потом его внимание привлекла одна фраза из послания.

«Не обдумывай свой план слишком подробно, если ты считаешь себя прирожденным убийцей. Доверься инстинкту. Разум может подвести тебя, но инстинкт убийцы непобедим».

— Инстинкт убийцы! — шепотом воскликнул

Рич. — Господом богом клянусь, этот инстинкт у меня есть.

Прозвенел видеофон, и тотчас заработал телетайп. Под торопливый треск рывками поползла лента. Рич бросился к столу и впился в нее глазами. Сообщение было коротким и убийственным.

Шифровка Ричу. Ответ:

WWHG.

— Отказ! Отказ! Я так и знал! — выкрикнул Рич. — Ну хорошо же, де Куртнэ. Держись! Не ты сживешь меня со света, а я тебя отправлю на тот свет.

2

Огастес Тэйт, эспер д.м.-1, получал за час психоанализа 1000 кредиток — не столь уж крупный гонорар, если иметь в виду, что редкий пациент решался больше часа злоупотреблять разрушительным для своего бюджета временем доктора. И все же ежедневный доход Тэйта составлял восемь тысяч кредиток, а в год он выколачивал два миллиона с добрым гаком. Мало кто знал, какую долю этой суммы забирала Эспер Лига на воспитание новых телепатов и осуществление Евгенического Плана Лиги, поставившего целью наделить экстрасенсорной перцепцией все человечество.

Огастес Тэйт, который эту цифру знал, не мог смириться с тем, что 91 процент заработанных денег уплывает из его рук. Поэтому он и стал членом Союза Эспер-патриотов, крайне правой группировки внутри Лиги, домогающейся сохранения автократии и неприкосновенности доходов эсперов высшего класса. Как и все члены этого Союза, Тэйт попал под рубрику «Потенциальные взяточники» в записной книжке Бена

Рича. Стремительно прошествовав в элегантный кабинет доктора Тэйта, Рич бегло взглянул на хозяина, чья щуплая и не вполне пропорциональная фигура выглядела изящной благодаря усилиям портных, затем сел и буркнул:

— Прощупайте меня, быстро!

Он сосредоточенно уставился на Тэйта, а миниатюрный психиатр-щупач, впившись в него заблестевшими глазами, отрывисто бросал фразу за фразой:

— Вы Бен Рич из компании «Монарх». Фирма стоит десять миллионов кредиток. Вы полагаете, что я слышал о вас. Это так. У вас идет смертельная борьба с картелем де Куртнэ. Верно? Вы люто ненавидите де Куртнэ. Так? Сегодня утром вы предложили ему объединиться. Послали шифровку:

YYJI TTED RRCB UUFE AALK QQBA.

Он ответил отказом. Верно? В отчаянии вы решили… — Тэйт осекся.

— Продолжайте, — сказал Рич.

— …убить Крэя де Куртнэ и сделать тем самым первый шаг к тому, чтобы завладеть его картелем. Вам нужна моя помощь… Мистер Рич, это смешно! Если вы не прекратите это думать, я

должен буду на вас донести. Закон вам известен.

— Так помогите мне обойти его. Не вас учить.

— Нет, мистер Рич, я вам помочь не могу.

— Не можете! И это говорит первостатейный эспер? Как я поверю вам, когда знаю, что вы способны провести любого хитреца, не одного — десяток, сотню… Если захотите, то и весь мир.

Тэйт улыбнулся.

— Подсластить пилюлю, — начал он. — Излюбленный прием…

— Прощупайте меня, — перебил Рич. — Не тратьте времени даром. Прочтите мои мысли. Ваш талант. Мои капиталы. Против вас никто не устоит. Бог ты мой! Пусть скажут мне спасибо, что я решил прикончить только одного. Да мы с вами могли бы распять всю Вселенную.

— Нет, — решительно ответил Тэйт. — Я не согласен. Мистер Рич, мне придется на вас донести.

— Погодите. Неужели вам не интересно, сколько я намерен предложить? Прощупайте-ка глубже. Нашли?

Тэйт закрыл глаза. Его бесстрастное, как у манекена, лицо окаменело в напряжении. Но вот глаза изумленно открылись.

— Вы шутите! — воскликнул он.

— Отнюдь, — негромко буркнул Рич. — И что самое главное: вы, надеюсь, поняли, что от обещанного я не отступлюсь.

Тэйт медленно кивнул.

— К тому же вам известно, что «Монарх» плюс картель де Куртнэ в состоянии осуществить все это.

— Готов вам поверить.

— Еще бы не поверить! Я пять лет финансирую ваш Союз Патриотов. Прощупайте меня поглубже, и вы поймете почему. Так же, как вы, я ненавижу эту сволочную Эспер Лигу. Ее этические установки наносят бизнесу смертельный вред. В бизнесе нельзя распускать сопли. Но рано или поздно ваш Союз расколошматит Эспер Лигу.

— Я уже прочел все это, — нетерпеливо прервал Тэйт.

— Человеку, которому принадлежат и компания «Монарх» и картель де Куртнэ, по плечу и более серьезные дела, чем помочь вашей фракции распатронить Лигу. Я назначу вас пожизненным президентом новой Лиги. Считайте, что этот пост вам обеспечен. В одиночку вы никогда бы не добились этого, но вдвоем со мной добьетесь.

Зажмурив глаза, Тэйт еле слышно произнес:

— Вот уже семьдесят девять лет как ни одно

преднамеренное убийство не прошло безнаказанно. Мало кому удается скрыть свои намерения от эсперов. Но даже если это удалось, убийца все равно разоблачит себя впоследствии.

— Эсперы не имеют права давать показания в суде.

— Это так, но если эспер нападет на след, он всегда сумеет найти объективные данные, подтверждающие то, что он нащупал. Линкольн Пауэл, префект парапсихологического отдела полиции, кремень, а не человек. — Тэйт поднял веки. — Что, если мы забудем этот разговор?

— Нет, — отрезал Рич. — Сперва давайте разберемся. Вы говорите, что убийство невозможно скрыть. Почему? Да потому, что щупачи прочитывают наши мысли. Чем же можно заслонить себя от щупача? Еще одним щупачом. Но до сегодняшнего дня ни один убийца не додумался нанять хорошего щупача для страховки. Или, может быть, додумался, но не сумел. Я буду первым.

— Вы уверены, что будете?

— Я вступил в войну, — продолжал Рич. — Мне предстоит жестокая схватка с обществом. Необходимо разработать стратегию и тактику. Любая армия, вступив в войну, разрабатывает стратегию и тактику. Одной смелости, напористости,

дерзости еще мало. Чтобы выиграть войну, армии нужна разведка. Моим лазутчиком можете стать только вы.

— Это так.

— Я буду сражаться. А вы вести разведку. Мне необходимо знать, куда направится де Куртнэ, мне нужно выяснить, где и когда удобней нанести удар. Убивать я буду сам, но вы должны сказать мне, где и когда это удобней всего сделать.

— Ясно.

— Я нападу первым… мне нужно пробиться сквозь линию обороны, окружающую де Куртнэ. Рекогносцировку предстоит проделать вам. Прощупать всех нетелепатов, предупредить меня о щупачах и, если я все же столкнусь с ними, блокировать мои мысли. После убийства мне придется отступать сквозь новые ряды щупачей и нетелепатов. Вы будете в арьергарде. Останетесь на поле боя уже после убийства и установите, кого и почему подозревает полиция. Если я узнаю, что подозрение направлено на меня, я сумею отвести его. Если же я узнаю, что заподозрен другой человек, я смогу очернить его еще больше. Станьте моей разведкой, и я смело вступлю в войну и выиграло ее. Разве это неправда? Прощупайте меня.

После долгой паузы Тэйт сказал:

— Правда. Мы сумеем это сделать.

— Так вы беретесь мне помочь?

Тэйт помолчал, колеблясь, и наконец решительно ответил:

— Да. Берусь.

Рич с облегчением вздохнул:

— Прекрасно. А теперь я познакомлю вас со своим планом действий. Добраться до де Куртнэ мне поможет некая старинная игра под названием «Сардинки». Я воспользуюсь возможностью, которую предоставит мне эта игра, и убью де Куртнэ. Я уже придумал, как именно убить его, чтоб замести следы. Я пущу в ход старинный револьвер, но стрелять буду не пулей.

— Стойте, — вдруг воскликнул Тэйт. — Как вы не понимаете, что все эти ваши замыслы с легкостью прочтет первый попавшийся щупач. Я могу вас прикрывать, только когда я рядом. Но я не буду постоянно возле вас.

— Можно подставить временный мыслеблок. Я зайцу в Музыкальный тупик к одной девице, сочиняющей песенки, что-нибудь ей навру, и она поможет вше.

— Что ж, пожалуй, — согласился Тэйт, быстро прощупав его. — Но вот что меня беспокоит. Де

Куртнэ, возможно, будут охранять. Вы станете стрелять и по охране?

— Нет. Надеялось, до этого не дойдет. Некто Джордан, физиолог, работающий для моей компании, недавно изобрел слепящие капсулы. Мы собирались их использовать во время столкновений с забастовщиками. Я испробую их на охране де Куртнэ.

— Ясно.

— Вы будете работать на меня все время, постоянно все разведывать и разузнавать, но одну вещь необходимо выяснить прежде всего остального. Приезжая в наш город, де Куртнэ обычно останавливается у Марии Бомон.

— У Золоченой Мумии?

— Да. Узнайте, собирается ли он и в этот раз быть ее гостем. Тогда все решится.

— Это нетрудно. Я сумею раскопать и где он остановится, и что намерен делать. Линкольн Пауэл устраивает у себя сегодня вечеринку. Врач Крэя де Куртнэ, наверно, тоже будет там. Он уже неделю гостит на Земле. С него я и начну разведку.

— А вы не боитесь Пауэла?

Тэйт надменно улыбнулся.

— Если бы я его боялся, я бы не рискнул принять

ваше предложение. Не заблуждайтесь на мой счет, мистер Рич. Я ведь не Джерри Черч.

— Кто?

— Не нужно делать таких удивленных глаз. Джерри Черч, эспер второго класса. Его выставили из Лиги десять лет тому назад, после того как вы однажды пригласили его на пикник.

— Черт бы вас взял! Нащупали?

— Что-то нащупал, а кое-что знал раньше.

— Ничего, это не повторится на сей раз. Черч во сравнению с вами слабак. Вам не потребуется к нынешнему вечеру что-нибудь для антуража? Женщины? Костюм? Драгоценности? Деньги? Вам стоит только позвонить в «Монарх».

— Ничего не нужно, но очень благодарен вам.

— Таков уж я — преступник, но… широкая дупла. — Рич встал, улыбнулся и двинулся к выходу, не попрощавшись с Тэйтом за руку.

— Мистер Рич! — окликнул тот, когда гость был уже возле двери.

Рич обернулся.

— Крики по ночам не прекратятся. Человек Без Лица — это не символ убийства.

«Что? О господи! Значит, опять кошмары? Чтоб ты сдох, чертов щупач! Как ты узнал? Как ты…»

— Не будьте дураком. Вы что, шутки хотели шутить с эспером первой ступени?

«Кто с тобой шутит, сволочь? Что ты знаешь о кошмарах?»

— А вот этого-то я вам не скажу. Я очень сомневаюсь, мистер Рич, что кто-то, кроме «первоступенного», сумеет просветить вас… К тому же… после беседы со мной вы вряд ли осмелитесь с кем-то еще консультироваться.

— Как вас понять? Вы не поможете мне?

— Нет, мистер Рич. — Тэйт злорадно улыбнулся. — Нужно же и мне чем-то пополнить свой арсенал. Равновесие сил — залог того, что стороны будут действовать на паритетных началах. Взаимная зависимость обеспечит верность общим интересам. Таков уж я — преступник, но… щупач.

Как все эсперы высшей ступени, Линкольн Пауэл жил в собственном особняке. Это была не роскошь, а скорей необходимость. Ток мыслей, слишком слабый для того, чтобы проникать через казненную и кирпичную кладку, все же пробивался сквозь пластиковые стены квартир. Жизнь в многоквартирном доме, где на тебя обрушиваются мысли и чувства множества людей, сущий ад для эспера.

Префект полиции Пауэл мог позволить себе небольшой особнячок на Гудзон Рэмп с видом на Норт Ривер. В доме было всего четыре комнаты: кабинет и спальня наверху, а внизу — гостиная и кухня. Слуг у Пауэла не было. Как почти все эсперы высшей ступени, он должен был подолгу находиться в одиночестве и предпочитал вести хозяйство сам. Сейчас он готовил на кухне угощение для предстоящей вечеринки и, следя за приборами на кухонном пульте, насвистывал какой-то жалобный и замысловатый мотив.

Пауэлу было уже под сорок; высокий, тонкий, он двигался медленно и небрежно. Большой рот, всегда, казалось бы, готовый растянуться в улыбке, сейчас был скорбно сжат. Пауэл распекал себя за глупый и ребяческий поступок, один из многих, на которые нет-нет да и толкал его самый тяжкий его порок.

Главное свойство эсперов — непосредственность реакции. Любая перемена обстоятельств вызывает у них немедленный отклик. Слабостью Пауэла было чрезмерно развитое чувство юмора, принимавшее порой весьма причудливые формы под влиянием какого-нибудь толчка со стороны. Пауэл говорил, что в таких случаях в пего вселяется Нечестивый Эйб. Что на него

находило, он и сам не знал. Кто-нибудь задавал Линкольну Пауэлу самый невинный вопрос, и Нечестивый Эйб внезапно вступал в дело. С чистосердечным и серьезным видом Пауэл плел неслыханные небылицы, созданные в один миг его разбушевавшейся фантазией. Побороть себя он был не в силах.

Не далее как сегодня полицейский комиссар Крэб, справляясь о каком-то заурядном деле шантажиста, произнес одну фамилию неправильно, и это вдохновило Пауэла на сочинение необычайно драматической истории. Там шла речь о вымышленном преступлении, о дерзком рейде, совершенном полицией в полночь, во время которого проявил чудеса героизма несуществующий лейтенант Копеник. Сейчас Пауэл узнал, что комиссар намерен наградить Копеника медалью.

— Нечестивый Эйб, ты замучил меня, — сокрушенно жаловался Пауэл.

Прозвенел дверной звонок. Пауэл удивленно взглянул на часы (для гостей было еще не время) и поставил в положение «Открыто» чувствительный элемент замка. Замок откликался на телепатический сигнал, как камертон на соответствующую частоту. Парадная дверь отворилась.

Сразу же возник знакомый сенсорный импульс:

снег/мята/тюльпаны/тафта.

«Мери Нойес! Пришла помочь холостяку подготовиться к приему гостей? Как мило!»

«Я надеялась, что нужна тебе, Линк».

«Каждому хозяину нужна хозяйка. Мэри, с чем мне приготовить канапэ?»

«Я как раз недавно изобрела одну штуку. Взять острую приправу и пережарить».

Она зашла на кухню, в зрительном восприятии маленькая, а в мысленном — высокая, осанистая. Темноволосая смугляночка внешне, а в душе холодная, морозно-гордая, как монахиня в белоснежной одежде. Но ведь не то реально, что мы видим. Внешность обманчива.

«Жаль, что я не в состоянии измениться внутренне».

«Ты хочешь измениться, моя радость? (Спешу поцеловать тебя такою, как ты есть.)»

«(И всегда лишь мысленно.) Очень бы хотела, но увы. Мне до смерти надоел вкус мяты, который ты ощущаешь при каждой нашей встрече».

«В следующий раз добавлю льда и бренди. Хорошо смешать и voila — отличный ерш. Мэри-коктейль».

«Я люблю тебя».

«Я тоже люблю тебя, Мэри».

«Спасибо, Линк». — Но эти слова он сказал. Он всегда их говорит. Говорит, а не думает. Мэри быстро отвернулась. Прощупав ее слезы, он опечалился.

«Мари, ты снова?»

«Не снова, а всегда. Всегда». — Из глубины ее сознания рвалось, как крик: *«Линкольн, я люблю тебя. Люблю тебя. Образ моего отца. Символ надежности, теплоты, нежной защиты. Не отвергай меня всегда… всегда… и навсегда…»*

— Мэри, послушай…

«Линк, зачем же говорить? К чему слова? Невыносимо, когда между нами стоят слова».

«Ты мой друг, Мэри. Навсегда. Я разделю с тобой все свои горести. Все радости».

«Но не любовь».

«Нет, не любовь, моя голубка. Не надо так терзать себя. Все, кроме любви».

«Но у меня — пусть бог меня помилует — хватит любви и для двоих».

«Пусть бог помилует обоих нас, но для двоих нужно, чтобы любили двое».

«Все эсперы должны жениться до сорока лет. Этого требует устав. Ты знаешь, Линк».

«Знаю».

«Мы дружны. Женись на мне, Линкольн. Дай

мне год, я больше не прошу. Один короткий год, чтобы любить тебя. Я не стану тебя удерживать. Я отпущу тебя. Тебе не придется меня ненавидеть. Милый, как мало я прошу… как мало у тебя прошу».

Зазвенел звонок. Пауэл растерянно взглянул на Мэри.

— Гости, — пробормотал он и поставил чувствительный элемент звонка в положение *«Открыто».* В ту же секунду Мэри направила более мощный импульс: *«Закрыто».* Сигналы сложились, дверь осталась закрытой.

«Сперва ответь мне, Линкольн».

«Я не могу ответить так, как тебе хочется».

Опять звонок.

Он крепко взял ее за плечи и, не отпуская, очень пристально посмотрел ей в глаза.

«Ты вторая. Загляни в меня как можно глубже. Что у меня в мыслях? Что на сердце? Каков мой ответ?»

Он снял все блоки. Образы, чувства, мысли с грохотом ринулись и закружили ее в жарком и грозном водовороте… Она и боялась, и замирала в радостном ожидании, но…

— Снег. Мята. Тюльпаны. Тафта, — произнесла она устало. — Идите встречать гостей, мистер

Пауэл. Я приготовлю вам канапэ. *«Это единственное, на что я пригодна».*

Пауэл поцеловал ее, потом прошел через гостиную и отпер парадную дверь. Тотчас же в дом ворвался сверкающий, искрометный невидимый поток, а вслед за тем вошли и гости. Началась вечеринка эсперов.

Право Совершенно Эллери верно Вам Тэйт вряд ли Канапэ? я врач Мы долго Охотно де Куртнэ взяли предстоит Он с собой работать приедет Галена для в ближайшее у него «Монарха» время сегодня В любой торжественный день Сдал экзамены Лига в Лигу может и получил выдвинуть объявить 2-ю ступень вас их на пост методы президента, шпионажа если вы неэтичными не возражаете, Пауэл

«Экинс! Червил! Тэйт! Помилосердствуйте! Да вы взгляните только, что мы тут наплели».

Телепатическая болтовня умолкла. Прошло мгновение, затем, собравшись с мыслями, гости весело расхохотались.

«Точно так мы лопотали когда-то в детском саду. Пожалейте беднягу хозяина. От этой мешанины можно помешаться. Должна же быть какая-то система, я уж не говорю о красоте».

«Предложите схему, Линк».

— Что бы вы хотели?

— Математическая кривая? Музыка? Плетенка? Архитектурный проект?

— Все, что угодно. Все, что вам угодно. Только чтобы свербило мозги.

Простите, Линкольн Мы исправим все Сейчас
Тэйт ожидали повсюду
но Алана развелось
я Сивера так много
Не выбирают у нас в президенты неженатых
вправе числе эсперов
сообщать прочих что
Вам ясно что наша затея провалится
что он весь
делает вряд ли евгенический
де Куртнэ тогда придумает новый план
прийти

Новый взрыв хохота приветствовал слово «прийти», которое по недосмотру Мэри Нойес проскочило за край плетенки. Еще раз прозвенел звонок, и в комнату вошел адвокат-2 интерпланетного суда совести. Он привел девушку, застенчивую, тихую, на редкость привлекательную внешне. Телепатически она была наивна и поверхностна. Типичная третьяшка.

«Приветствую, друзья. Приветствую. Слез-

ная просьба извинить за опоздание. Причина — флердоранж, обручальные кольца… весь этот ассоциативный ряд… Только что сделал предложение».

— И боюсь, что оно принято, — сказала девушка с улыбкой.

— Не вслух! — оборвал адвокат. *«Тут не галдят, лак на сборище третьеступенников. Я же предупреждал тебя».*

— Я забыла, — опять невольно вырвалось у девушки, и по гостиной заметались горячие волны испуга и смущения. Но тут к бедняжке подошел Линкольн Пауэл и ласково взял ее за руку. Рука дрожала.

«Не обращайте на него внимания, дорогая. Это всего лишь второступенный сноб. Я хозяин этого дома. Линкольн Пауэл. Шерлок Холмс на жалованье. Если жених вас колотит, я помогу ему раскаяться. Сейчас я познакомлю вас с вашими соущербниками». — Он повел ее по гостиной. — *«Это вот Гас Тэйт, он знахарь-шарлатан. Рядом с ним Сэм и Салли Экинс. Сэм тоже шаманит, а Салли микропедиатр-два. Они только что прилетели с Венеры. Гостят у нас…»*

— Здрав… *«ой, то есть здравствуйте».*

«Толстяк, сидящий на полу, Уолли Червил, ар-

хитектор-два. Блондиночка, которую он держит на коленях, его супруга, Джун. Она редактор-два. Их сын, Гален, разговаривает с Эллери Уэстом. Галли — студент политехник-три».

Молодой Гален Червил с негодованием стал объяснять, что получил — как раз сегодня получил — вторую ступень, что он может хоть год обходиться без слов. Пауэл прервал его и на уровне, недоступном восприятию девушки, растолковал, по какой причине допустил он эту вполне сознательную ошибку.

— О! — воскликнул Гален. — Братья и сестры третьячки, нашего полку прибыло. Это отрадно. Я совсем было струхнул тут в одиночестве, среди глуби иных щупачей.

— Да что вы! Мне сперва тоже стало страшновато, а теперь как будто ничего.

«А вот наша хозяйка Мэри Нойес».

«Добрый вечер. Канапэ?»

«Спасибо. Какие они у вас красивые, миссис Пауэл!»

«Что, если нам поиграть?» — быстро вмешался Пауэл. — *«Кто хочет играть в шарады?»*

В темной нише, прильнув к двери, ведущей из сада в дом, прятался Джерри Черт и жадно слушал. Джерри Черч, продрогший и окоченевший,

молчаливый и жаждущий Джерри Черч. Обида, ненависть, уязвленная гордость и жажда терзали его. Бывший эспер-2 умирал от жажды, утолить которую ему мешала мертвая хватка остракизма. Сквозь тонкую кленовую филенку просачивались одна за другой телепатемы: переливчатый и переменчивый пестрый узор. И Джерри Черч, который уже десять лет томился на голодной словесной диете, жаждал всей душой общения со своими, с навсегда потерянным для него миром эсперов.

«Я вспомнил о де Куртнэ, так как недавно наткнулся на подобный случай».

Это Огастес Тэйт подъезжает к Экинсу.

«В самом деле? Очень любопытно. Нужно бы сравнить истории болезней. Кстати, я ведь прибыл на Землю только из-за де Куртнэ, досадно, что он... м-м... недоступен».

Экинс явно не договаривает, а Тэйт, похоже, хочет до чего-то докопаться. Может быть, это и не так, подумал Черч, но только слишком уж напоминает дуэль их изящная манера скрещивать блоки и контрблоки.

«Послушайте, щупач. По-моему, вы довольно по-хамски ведете себя с этой бедной девочкой».

— Поглядите-на вы на него, — пробурчал

Черч. — Достопочтенный Пауэл, Его Прохиндейство, тот, что выставил меня из Лиги, читает проповеди адвокату.

«С бедной девочкой? С кретинкой, было бы верней сказать, Господи! Бывают же такие нескладехи!»

«Вы несправедливы к ней. Ведь у нее всего лишь третья ступень».

«Мне от нее тошно».

«И вы считаете… порядочным жениться на девушке, которая внушает вам такие чувства?»

«Вы сентиментальный осел, Пауэл. Сами знаете: нам можно жениться только на щупачках. А эта хоть хорошенькая».

Посреди гостиной играли в шарады. Мэри Нойес тщательно маскировала образ старинным стихотворением.

Что бы это могло быть? Какая-то планета и сосна. Марс и сосна? Э, нет. Марс и ель. Ну конечно, Марсель, не так уж трудно.

«Как вам кажется, Эллери, Пауэл подходящая кандидатура?»

Это уж Червил с всегдашней елейной улыбкой и с поповским брюхом.

«На пост президента?»

«Да».

«Пауэл дьявольски толковый малый. Романтик и в то же время очень толковый. Лучшего президента не найти, если бы он был женат».

«Вы же сами сказали, что он романтик. Хочет жениться по любви».

«Вы, глубинные, кажется, все женитесь по любви? Слава богу, у меня только вторая ступень».

Тут в кухне с грохотом разлетелся стакан, и святоша Пауэл, не теряя времени, уже принялся обрабатывать мозгляка Гаса Тэйта.

«Не беспокойтесь, Гас, я уберу. Я его нарочно сбросил, чтобы прикрыть вас. Вы излучаете тревогу, как новая звезда».

«Вы что, с ума сошли?»

«Нет, это вы сегодня не в своем уме. Что там у вас такое с Беном Ричем?»

Мозглячок, как видно, был настороже. Его духовная броня буквально на глазах затвердела.

«Бен Рич? Я о нем и не думаю».

«Думаете, да еще как. Он весь вечер не выходит у вас из головы. Трудно было не заметить».

«Вы перепутали, Пауэл. Наверно, вы наткнулись не на мои телепатемы».

Образ хохочущей лошади.

«Пауэл, клянусь вам…»

«Гас, вы столковались с Ричем?»

«Нет».

Но блоки так и грохнули.

«Послушайтесь доброго совета, Гас. Рич втянет вас в неприятности. Будьте благоразумны. Помните Джерри Черча? Рич погубил его. Остерегайтесь и вы».

С непринужденным видом Тэйт направился в гостиную. Пауэл остался в кухне: спокойно, не спеша убрал осколки. На ступеньке за дверью, съежившись, лежал замерзший Черч, и ненависть бурлила в его сердце. Юный Червил выкаблучивал перед девушкой адвоката: пел любовную балладу и визуально ее пародировал. Студенческие штучки. Дамы оживленно сплетничали синусоидами. Экинс и Уэст крест-накрест плели разговор с таким заманчиво сложным узором сенсорных образов, что Джерри изнывал от зависти.

«Хотите выпить, Джерри?»

Дверь открылась. На пороге темным силуэтом вырисовывалась фигура Пауэла с пенящимся бокалом в руке. На лицо его падал неяркий свет звезд. Из-под тяжелых век сочувственно смотрели умные глубокие глаза. Изумленный Черч с трудом поднялся на ноги и робко взял протянутый ему бокал.

«Не сообщайте об этом в Лигу, Джерри. Мне чертовски нагорит за то, что я нарушил табу. Вечно я что-то нарушаю. Бедный Джерри… Десять лет — огромный срок. Нужно как-то вам помочь».

Внезапно Джерри выплеснул вино в лицо Пауэлу, повернулся и убежал.

3

В понедельник в девять часов утра Рич увидел на экране своего видео безжизненное, как у манекена, лицо Тэйта.

— Эта линия не прослушивается? — резко бросил Тэйт.

Рич молча указал на предохранительную изоляцию.

— Отлично, сказал Тэйт. — По-моему, я справился с заданием. Вчера вечером я прощупал Экинса. Но прежде чем дать отчет, я должен вас предупредить. При глубинном прощупывании первоступенного никогда не исключается вероятность ошибки. Экинс и тому же довольно тщательно блокировался.

— Понятно.

— Крэй де Куртнэ прибывает с Марса на борту «Астры» утром в ближайшую среду. Он сразу же направится в городской дом Марии Бомон, где пробудет негласно, втайне от всех до следующего утра… Не долее.

— Только одну ночь, — вполголоса произнес Рич. — А потом? Что он намерен делать?

— Я не знаю. Похоже, что де Куртнэ готовится к решительному ходу…

— Против меня! — угрюмо вставил Рич.

— Возможно. Судя по тому, что я узнал, де Куртнэ гнетет какая-то тяжесть, и из-за этого нарушился его приспособительный баланс. Инстинкт жизни и инстинкт смерти, расслоились. Эмоциональная несостоятельность быстро ведет его к упадку.

— Бросьте ваши выкрутасы, черт бы вас побрал! — вспыхнул Рич. — Вся моя жизнь висит на волоске. Рассказывайте просто.

— Сейчас объясню. Каждый из нас представляет собой сочетание двух противоположных стимулов — инстинкта жизни и инстинкта смерти. Причем цель обоих стимулов одна — нирвана. Инстинкт жизни стремится достичь ее, сметая все препятствия. А инстинкт смерти — путем самоуничтожения. У приспособляемого индивидуума оба инстинкта сосуществуют в прочном сочетании. Но под воздействием психической нагрузки они расслаиваются. Именно это происходит сейчас с де Куртнэ.

— Да, черт возьми! А жертвой буду я.

— Экинс встретится с де Куртнэ в четверг утром и попытается отговорить его от того, что он за-

тевает. Экинс не знает его планов, но считает их опасными и потому решил им помешать. Для этого-то он и прилетел сюда с Венеры.

— Я обойдусь и без него. Меня не нужно защищать. Я себя сам защищу. Это самозащита, Тэйт, а не убийство! Самозащита! Вы молодец, справились как следует. Мне больше ничего не нужно.

— Вам много чего нужно, Рич. Например, вам не хватает времени. Сегодня уже понедельник. Вы должны подготовиться к среде.

— Подготовлюсь, — буркнул Рич. — Кстати, вы и сами будьте наготове.

— Мы не можем позволить себе сорваться, Рич. Срыв — это Разрушение. Вы понимаете?

— Разрушение для нас обоих. Понимаю. — Голос Рича дрогнул. — Да, Тэйт, мы с вами связаны одной веревочкой до самого конца… вплоть до самого Разрушения.

Весь понедельник он обдумывал свои планы, смелые, дерзкие, целеустремленные планы. Осторожно обозначил контуры, как делает художник, прежде чем начнет наносить краски. Но красок наносить не стал, решил довериться инстинкту и не обдумывать деталей до среды. Вечером он лег спать и вновь проснулся с криком: ему опять приснился Человек Без Лица.

Во вторник днем он вышел из «Башни Монарха» и отправился на Шеридан-плейс в аудиокнижный магазин «Столетие». Магазин торговал главным образом пьезоэлектрическими кристаллами, сделанными в виде драгоценностей в изящной оправе. Последним криком моды были оперы-брошки, лучший подарок даме.

В магазине было также несколько полок архаических печатных книг.

— Мне нужен оригинальный подарок для возобновления старинного знакомства, — обратился Рич к продавцу.

Тот засыпал его образцами.

— Нет, это все не то, — заметил Рич. — Отчего бы вам не нанять щупача, чтобы избавить покупателей от затруднений. Вы слишком старомодны.

Сопровождаемый свитой перепуганных приказчиков, Рич начал сам обходить магазин. Вдоволь поморочив им голову, однако, прежде чем встревоженный хозяин успел послать за приказчиком-щупачом, Рич вдруг остановился перед книжными полками.

— А это еще что? — сказал он удивленно.

— Древние книги, мистер Рич.

Служащие магазина принялись объяснять ему теорию и практику архаической визуальной

книги, а Рич слушал их и не спеша разыскивал потрепанный коричневый том, за которым он сюда явился. Он отлично помнил эту книгу. Просмотрев ее пять лет назад, он сразу сделал пометку в черном блокноте. Старый Джеффри Рич был не единственным в их роду предусмотрительным человеком.

— Интересно… Очень… Очень увлекательно. Ну а это что за книга? — Рич снял с полки коричневый том. — «Развлечения для вечеринки». Когда же это напечатано? Не может быть! Неужели уже тогда устраивали вечеринки?

Продавцы его заверили, что пращуры порой отличались удивительно современными вкусами.

— Поглядим-ка содержание, — посмеиваясь, сказал Рич. — «Бридж новобрачных»… «Прусский вист»… «Почта»… «Сардинки»… Что бы это могло быть? Страница девяносто шесть. Ну-ка, ну-ка.

Небрежно листая книгу, он увидел набранный жирным шрифтом заголовок: «Веселые затеи при смешанном составе игроков».

— Ишь ты! — рассмеялся он, с деланным удивлением указывая на хорошо знакомый ему абзац.

САРДИНКИ

Один игрок водит. В доме гасят все огни, и ведущий прячется. Через несколько минут все остальные порознь отправляются его искать. Тот, кто первым находит ведущего, не сообщает об этом другим, а присоединяется к ведущему и остается там, где тот прячется. Постепенно и другие игроки разыскивают спрятавшихся «сардинок» и присоединяются к ним. Проигравшим считается тот, кто остается последним и в одиночестве бродит по темному дому.

— Я это беру, — сказал Рич. — Это то, что мне нужно.

Вечером он потратил три часа на то, чтобы сделать неудобочитаемой почти всю книгу. Он кромсал страницы ножницами, прожигал их огнем, кислотой и усеивал пятнами. Каждый ожог, порез, царапину он наносил с таким ожесточением, будто перед ним было тело ненавистного де Куртнэ. В конце концов в книге не осталось ни одного пояснения к игре, из которого можно было бы что-то уразуметь. Единственным исключением были «Сардинки».

Потом Рич обернул книгу и послал ее пнев-

матической почтой оценщику Грэхему. Книга с шумом устремилась в путь, а через час вернулась с оценкой и с удостоверяющей оценку печатью. Грэхем не заметил, что том испорчен.

В красивой подарочной обертке Рич отправил книгу (приложив к ней по обычаю оценку) все тем же способом к Марии Бомон. Через двадцать минут пришел ответ.

«Мой, милый! Милый! Милый! Я уж думала что ты савсем зобыл (записку явно писала сама Мария) старую прилестницу. Щаслива получить такой подарок. Приходи севодня, у меня будут гости и мы поиграим в какую-нибудь игру из твоей семпатичной книжки».

В капсуле вместе с запиской находилась синтетическая рубиновая звездочка с портретом Марии в центре. Мария, разумеется, была изображена обнаженной.

Рич ответил:

«Увы!.. Не сегодня. Прогорает один из моих миллионов».

Мария отозвалась:

«Приходи в среду, умник. Я тибе подарю один из моих».

На это Рич послал ответ:

«С восторгом принимаю приглашение. Приведу с собой приятеля. Целую тебя всюду».

И отправился в постель.

Ему приснился Человек Без Лица, и Рич проснулся с криком.

В среду утром Рич посетил Научный Центр «Монарха» (отеческая, так сказать, забота) и потратил час на то, чтобы подогреть энтузиазмом молодых и одаренных сотрудников Центра. Он поговорил с ними об их работе и блестящем будущем, которое их ждет, если они и впредь будут верны «Монарху». Рассказал им неприличный бородатый анекдот о пионере-девственнике, который совершил вынужденную посадку в глубоком космосе на катафалке, а покойница вдруг объявила: «Я просто туристка». Одаренные молодые люди деликатно посмеялись, ощущая некоторое презрение к шефу.

Воспользовавшись непринужденностью

обстановки, Рич проскользнул в секретную лабораторию и унес оттуда «нок-капсулу». Капсулы представляли собой небольшие медные кубики, действующие очень эффективно. Разрываясь, они извергали слепящее голубое пламя, которое полностью разлагало родопсин — зрительный пурпур в сетчатке глаза, — ослепляя жертву и лишая ее способности воспринимать пространство и время.

В среду днем Рич отправился в Музыкальный тупик, расположенный в центре театрального района, и зашел в контору «Психопесни, инкорпорейтид». Владелица этой конторы, очень неглупая молодая особа, сочиняла великолепные созвучия для рекламы и песенки-штрейкбрехериады, когда «Монарху» срочно требовалось уничтожить следы очередного конфликта с рабочими. Ее звали Даффи Уиг. Рич считал, что Даффи — символ преуспевающей современной девицы — девственная соблазнительница.

— Ну-с, Даффи, — он небрежно поцеловал ее. Даффи была очень недурна собой, но слишком молода на его вкус.

— Ну-с, мистер Рич? — Даффи как-то странно на него взглянула. — Знаете, что я сделаю в один прекрасный день? Найму эспер-ходатая по лю-

бовным делам, чтобы проанализировать ваш поцелуй. По-моему, вы ко мне равнодушны.

— Совершенно верно.

— Свинья.

— Нужно выбирать одно из двух, моя красавица. Или с девушками целоваться, или делать деньги.

— Но вы целуете меня.

— Лишь потому, что вы точная копия леди, изображенной на кредитке.

— Пим, — сказала она.

— Пом, — сказал он.

— Бим, — сказала она.

— Бам, — сказал он.

— Я с удовольствием убила бы негодника, который это выдумал, — мрачно сказала Даффи. — Добро, красавец мой. Что у вас нынче за печаль?

— Картежники, — ответил Рич. — Эллери Уэст, мой управляющий клубом, жалуется, что многие пристрастились к азартной игре. По его мнению, слишком многие. Лично меня это не тревожит.

— Тот, кто сидит по уши в долгах, не смеет просить о прибавке.

— Вы слишком проницательны, моя радость.

— Значит, вам нужны антикартежные куп-

леты?

— Что-нибудь в этом роде. Доходчивое и не слишком в лоб. Нечто скорее отвлекающее, чем агитационное. И притом такое, что всплывает в памяти само собой.

Даффи кивнула, делая пометки.

— Подберите к куплетам мелодию, которую приятно слушать. Ведь ее теперь начнут насвистывать, мурлыкать и напевать все мои служащие.

— Нахал! Каждую из моих мелодий приятно слушать.

— Не более одного раза.

— Между прочим, вы их слушаете и по тысяче раз.

Рич засмеялся.

— Кстати, об однообразии, — добавил он непринужденно.

— Этим грехом мы не грешим.

— Какой самый прилипчивый мотив из тех, что вы когда-то сочинили?

— Прилипчивый?

— Вы знаете, о чем я говорю. Что-нибудь вроде этих рекламных куплетов, которые потом не выбросишь из головы.

— А-а… Мы их называем «пепси».

— Почему?

— Кто его знает. Говорят, их изобрел впервые еще несколько веков назад какой-то Пепси. Я этого товара не держу. Когда-то написала одну штучку… — Даффи скорчила гримасу. — Даже сейчас не могу вспомнить без содрогания. Такая дрянь, стоит раз услышать — привяжется не меньше чем на месяц. Меня она промучила год.

— Вы шутите.

— Честное скаутское, мистер Рич. Песенка называлась «Смотри в оба». Я ее написала для той злополучной пьесы о сумасшедшем математике, которая потом с таким треском провалилась. Они просили что-нибудь въедливое, и я уж постаралась. Публика так негодовала, что спектакль сняли со сцены и потеряли па этом целое состояние.

— Спойте мне ее.

— Я слишком хорошо к вам отношусь.

— Нет, правда, Даффи. Я умираю от любопытства.

— Вы раскаетесь.

— Я вам не верю.

— Ну ладно, свинтус, — Даффи пододвинула к себе переносную панель с клавиатурой. — Это вам расплата за ваш ледяной поцелуй.

Ее рука грациозно заскользила по панели. Комнату наполнила предельно монотонная мелодия, мучительно банальная, въедающаяся своей банальностью в мозги. Это была квинт-эссенция всех мелодических клише, которые когда-либо слышал Рич. Какой бы ты мотив ни начал вспоминать, ты неизбежно соскальзывал на изъезженную дорожку этой мелодии.

— «Смотри в оба».

И Даффи запела:

Три, два, раз…
А ну еще!
Три, четыре —
Горячо!
Ах ты, камбала,
Не вобла,
Смотри в оба!
Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»,
Получил синяк под глаз…
Три, четыре…
Три, два, раз![1]

---

[1] Примечания: 1
Перевод Ю.Петрова

— О господи! — воскликнул Рич.

— У меня тут есть неплохие находки, — говорила Даффи, продолжая играть. — Заметили вы этот такт после слов «Смотри в оба»? Это полукаденция. После слов «три, два, раз» такт снова повторяется. Это превращает и концовку в полукаденцию, и песню можно продолжать без конца. Такт как бы гонит вас по кругу. «Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!» Тррам. «Ах ты, камбала, смотри в оба! Смотри…»

— Будет вам, чертенок! — Рич вскочил, зажав уши ладонями. — Что вы со мной сделали? Сколько продлится это наваждение?

— Не меньше месяца.

— Ах ты, камбала, не вобла, смотри… Я погиб. Можно как-нибудь от этого спастись?

— Конечно. Очень просто. Погубите меня, — Даффи прижалась к нему и поцеловала со всем пылом юности. — Дурачок, — шептала она. — Олух. Балбес. Недотепа. Для кого ты меня бережешь, глупыш? Втащи меня в сточную канаву. А я-то думала, ты человек без предрассудков.

— У меня их еще меньше, чем ты думала, — ответил он и вышел.

Его расчет оправдался, песенка накрепко засела у него в мозгу и, пока он спускался по лестнице,

трещала без перерыва. *«Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба! Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба! Трамм».* Отличный мыслеблок для неэспера. Какой щупач пролезет сквозь этот заслон? *«Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба!»*

— Еще меньше предрассудков, чем ты думала, — пробормотал он и нацелил своего прыгуна на ссудную кассу Джерри Черча, расположенную на западной окраине города.

«Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба!..»

Ростовщичество, что бы ни утверждали завистники, одна из старейших профессий. Еще в далекой древности люди занимались тем, что ссужали своим ближним деньги под залог движимого имущества. Уходя истоками в глубины прошлого и устремляясь в будущее к самым его отдаленным рубежам, эта профессия не подвергается переменам, как и сама ссудная касса. Заваленный реликвиями разных эпох погребок Джерри Черча в глазах посетителей выглядел музеем вечности. И даже сам Черч с любопытным уклончивым взглядом, со сморщенной физиономией, покореженной и почерневшей от невидимых ударов — следы душевных мук, — казался существом без возраста, олицетворением

извечного ростовщика.

Черч вылез из полутьмы и оказался перед Ричем, который стоял у прилавка, освещенный косо падающим на него солнечным лучом. Черч не вздрогнул. Он не узнал посетителя. Прошмыгнув мимо того, кто уже десять лет был его злейшим врагом, Черч забрался за прилавок и спросил:

— Чем могу вам служить?

— Здравствуйте, Джерри.

Не поднимая глаз, Черч протянул через прилавок руку. Рич хотел ее пожать, но Черч ее отдернул.

— Нет уж, — произнес он с истерическим смешком. — Нет уж, спасибо. Просто дайте мне то, что вы принесли в заклад.

Щупач, оказывается, подстроил ему мелкую ловушку, и он в нее попался. Наплевать.

— Я ничего не принес вам в заклад.

— Так обеднели? Подумать только, какой человек споткнулся. Но мы ведь все под этим ходим. Все мы спотыкаемся. Все спотыкаемся.

Черч искоса глядел на Рича, пробуя прощупать его мысли. Ну что же, пусть попробует. *«Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!»* Пусть пробьется через эту идиотскую мелодию, которая трещит у него в голове.

— Все мы спотыкаемся, — сказал Черч. — Все как один.

— Вы это верно заметили, Джерри. Но я пока что не споткнулся. Мне повезло.

— А мне не повезло, — ответил Черч, злобно блеснув глазами. — Я встретился с вами.

— Нет, Джерри, — мягко сказал Рич. — Вам не оттого не повезло, что вы меня встретили, а оттого, что так вам на роду написано. Не…

— Дрянь паршивая! — произнес Черч зловеще-мягким голосом. — Гад ползучий! Чтоб тебе сгнить заживо! Паразит! А ну мотай отсюда. Ничего больше от тебя не хочу. Ничего! Понятно?

— Даже моих денег? — Рич вынул из кармана десять матово блестящих соверенов и положил их на прилавок.

В этом был тонкий расчет. В отличие от кредитки соверен имел хождение в преступном мире. *«Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!»*

— А денег твоих и подавно. Чтоб тебя разорвало! Чтоб ты истек кровью! Чтоб у тебя, у живого, черви выели глаза… Вот чего я хочу, а не денег твоих.

— Ну а чего же вы все-таки хотите, Джерри?

— Я же сказал тебе! — взвизгнул щупач. — Сво-

лочь, мерзавец…

— Чего же вы хотите, Джерри, — холодно повторил Рич, не спуская глаз с его морщинистой физиономии. «Ах ты, камбала, не вобла, смотри в оба! Смотри в оба!» С Черчем он может справиться. Ему наплевать на то, что Черч второступенный. Тут не уменье читать мысли, главное, а сила воли. *«Три, два, раз, а ну еще! Три, четыре — горячо…»* С Черчем он всегда справлялся… справится с ним и впредь.

— Что вам нужно? — угрюмо спросил Черч.

Рич хмыкнул.

— Вы щупач. Ответьте сами, вам и карты в руки.

Черч помолчал и нерешительно пробормотал:

— Не знаю. Я ничего не пойму. Эта дурацкая музыка все перепутала…

— Ну, тогда мне придется ответить вам. Мне нужен револьвер.

— Как вы сказали?

— Ре-воль-вер. Старинное оружие. Оно выбрасывает пули после того, как внутри у него происходит взрыв.

— У меня нет ничего такого.

— Есть, Джерри. Кено Киззард мне об этом както говорил. Кено видел у вас револьвер. Он сделан

из стали, разбирается на части. Занятная вещь.

— Зачем он вам нужен?

— Прочтите мои мысли, Джерри, и вы все узнаете. Мне нечего скрывать. Нужен для самой невинной цели.

С отвращением сморщившись, Черч выбрался из-за прилавка.

— Мне-то что, — пробормотал он и, шаркая ногами, скрылся в полутьме.

Рич услышал, как в дальнем конце погребка Черч лязгал металлическими ящиками. Потом он вернулся, неся небольшой предмет из тусклой стали, и положил его на прилавок рядом с деньгами. Он нажал на кнопку, и кусок металла неожиданно превратился в кастет, револьвер и стилет. Это был пистолет с ножом, изделие двадцатого столетия — квинтэссенция убийства.

— Зачем он вам нужен? — снова спросил Черч.

— Вы, кажется, надеетесь выудить из меня что-нибудь пригодное для шантажа, — усмехнулся Рич. — Увы. Это подарок.

— Довольно опасный подарок. — Бывший эспер украдкой смерил покупателя смеющимся и злобным взглядом. — Задумали еще кого-то погубить?

— Вовсе нет, Джерри. Я подарю его моему другу,

доктору Огастесу Тэйту.

— Тэйту! — Черч внимательно на него поглядел.

— Вы его знаете? Он собирает старинные вещи.

— Я его знаю. Я знаю его. — Черч астматически захихикал. — Но сейчас я вижу, что не так уж хорошо его знал. И мне делается жаль его. — Он перестал смеяться и метнул на Рича испытующий взгляд. — Да, конечно. Какой приятный подарок. Именно то, что ему требуется. Револьвер-то заряжен.

— Да ну? Он заряжен?

— Представьте себе. Он заряжен. Пять славненьких таких патрончиков. — Черч снова захихикал. — Пять патрончиков. Гасу в подарок. — Он открыл цилиндрический барабан с пятью гнездами, в которые были вставлены медные патроны. Он посмотрел на патроны, потом перевел взгляд на Рича. — Пять змеиных зубов получит в подарок Гас.

— Я уже сказал вам, что вы заблуждаетесь, — жестко произнес Рич. — Я прошу вас вырвать эти пять зубов.

Черч с удивлением уставился на него, затем куда-то торопливо вышел и вскоре вернулся назад

с инструментами. Он быстро извлек из патронов пули. Потом вставил холостые патроны в барабан и положил револьвер рядом с деньгами.

— Теперь порядок, — сообщил он радостно. — Теперь бедняжке Гасу ничто не грозит.

Он выжидательно посмотрел на Рича. Тот протянул к прилавку руки. Одной он пододвинул деньги к Черчу, другой — потянул к себе револьвер. В то же мгновение с Черчем произошла новая перемена. Веселенький сумасшедший исчез. Будто железными когтями схватил он Рича за руки, и, перегнувшись через прилавок, жарко заговорил:

— Нет, Бен, — он первый раз назвал его по имени. — Нет, нет. Мне не такая нужна плата. Вы это знаете. Знаю, что знаете, и ваша малохольная песенка не может помешать мне это знать.

— Пусть так, — спокойно сказал Рич, не выпуская револьвера из руки. — Назначьте вашу цену. Сколько?

— Я хочу быть восстановленным в правах, — сказал щупач. — Хочу вернуться в Лигу. Хочу снова стать живым. Вот моя цена.

— Чем я могу вам помочь? Я не щупач и не член Лиги.

— И все-таки можете, Бен. Вы много чего може-

те. Можете повлиять и на Лигу. Добиться, чтобы меня восстановили…

— Это невозможно.

— Вы можете подкупить, запугать, шантажировать… можете подольститься, вскружить голову, очаровать… Сделайте это, Бен. Сделайте ради меня. Помогите мне. Я ведь помог вам однажды.

— За вашу помощь я с вами расплатился сполна.

— А я? Чем расплатился я? — взвизгнул щупач. — Я расплатился своей жизнью.

— Вы своей глупостью расплатились.

— Ради бога, Бен. Помогите мне. Помогите или убейте меня. Я ведь и так все равно что покойник. Просто не хватает смелости покончить с собой.

Рич помолчал и вдруг грубо сказал:

— Я думаю, самоубийство для вас лучший выход, Джерри.

Щупач отпрянул, будто в него ткнули раскаленной головешкой. Остекленевшим взглядом он уставился на Рича.

— Ну, назовите же вашу цену, — сказал Рич.

Черч, примерившись, не спеша плюнул на кучку соверенов и с ненавистью посмотрел на Рича.

— Возьмите его даром, — сказал он, повернулся и исчез в сумраке погребка.

4

Нью-йоркский вокзал Пенсильвания до того, как он почему-то был разрушен в конце XX столетия (смутный период, о котором мало что можно узнать), посещали миллионы пассажиров. Никому из них не приходило в голову, что вокзал осуществляет связь времен. А между тем внутри он представлял собой точную копию знаменитых бань Каракаллы в Древнем Риме. То же самое можно сказать и о вместительном особняке, принадлежавшем мадам Марии Бомон, более известной среди сотен ее интимнейших врагов в качестве Золоченой Мумии.

Спускаясь вниз по эскалатору в восточной части дома с доктором Тэйтом под боком и убийством, притаившимся в кармане, Бен Рич, как чуткая струна, отзывался на все убыстряющееся стаккато своих чувств. Толпа гостей внизу… Блеск мундиров, туалетов, сверкающая кожа и пастельные пучки лучей, падающие от торшеров, раскачивающихся на тонких ножках… *«Три, четыре — горячо».* Слышатся голоса, музыка, возгласы, отзвуки… *«И когда сказал „четыре“,*

получил синяк под глаз…» Восхитительное попурри тел и запахов, еды, вина, мишурного блеска… *«Три, два… раз!»*

Мишурный убор смерти… Верней, того, чего — свидетель бог — уже семьдесят лет никому не удавалось осуществить… Забытое искусство… Забытое, как алхимия, умение отворять кровь, делать операции с помощью скальпеля. Я верну людям смерть. Не жалкий акт уничтожения себе подобных, наскоро осуществленный в приступе ярости или безумия, а здравое, расчетливое, преднамеренное, хладнокровное…

— Богом вас заклинаю, — прошипел Тэйт. — Осторожней. Убийство так и прет из вас.

«Три, два, раз! А ну еще! Три, четыре — горячо…»

— Вот то-то. К нам направляется один из эспер-секретарей. Он выслеживает тех, кто здесь без приглашения. Пойте дальше.

Секретарь Марии, тонкий и стройный юноша, весь порыв, подстриженные золотистые волосы, лиловая блуза, брыжи с воланами.

— Доктор Тэйт! Мистер Рич! Я немею. Буквально немею. Я не нахожу слов. Входите же! Входите!

«Три, четыре — горячо…»

Мария Бомон, рассекая толпу, тянулась к нему

руками, глазами, обнаженным бюстом… пневматическая операция превратила ее тело в несколько преувеличенное подобие индийской статуи: раздутые бедра, раздутые икры, раздутые позолоченные груди. Будто раскрашенная фигура на носу корабля порнографии, подумал Рич… знаменитая Золоченая Мумия.

— Бен, голубчик мой, — воскликнула она, заключая его в мощные пневматические объятия и прижимая к себе его руку, — как все это поэтично!..

— Как все это хирургично! — прошептал он ей на ухо.

— А что твой миллион?

— Едва не выскользнул из рук.

— Поосторожнее, бедовый мой любовничек. Этот прелестный бал у меня весь до капелюшечки записывается.

Рич искоса взглянул на Тэйта.

Тэйт одобрительно кивнул.

— Ну, иди там пообщайся, — сказала Мария. Она взяла его за руку. — У нас с тобой еще уйма времени впереди.

Под крестовым сводом потолка люстры загорелись другим светом, и весь спектр зала сразу переменился. Изменили цвет костюмы. Отсве-

чивавшие розовым перламутром тела излучали теперь призрачное сияние.

С левого фланга Тэйт подал предупредительный сигнал. Внимание! Опасность! Опасность! Опасность!

«Смотри в оба, смотри в оба! И когда сказал „четыре“, получил синяк под глаз. Три, четыре! Три, два, раз! Трамм!»

Мария знакомит с ними еще одного среднеполого — весь порыв, подстриженные волосы, пурпурная блуза, голубые прусские брыжи с воланами.

— Это Ларри Ферар, Бен. Мой второй секретарь. Ларри умирает от желания с тобой познакомиться.

«Три, четыре — горячо…»

— Мистер Рич! Я счастлив. Я не нахожу слов.

«Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!»

Рич одарил юношу улыбкой, и тот удалился. Тэйт одобрительно кивнул Ричу, все еще продолжая его прикрывать защитным кольцом. Снова переменились огни в люстрах. Часть туалетов на гостях как бы растаяла. Рич, который отрицательно отнесся к моде вставлять в одежду ультрафиолетовые оконца, был в полной без-

опасности в своем непроницаемом костюме и с гадливостью наблюдал, как другие торопливо шарят глазами в толпе, высматривая, оценивая, сравнивая, вожделея.

Тэйт сигнализировал: Опасность! Опасность! Опасность!

«Ах ты, камбала, не вобла...»

Рядом с Марией возник секретарь.

— Мадам, — пролепетал он, — маленький конфуз.

— В чем дело?

— Юный Червил. Гален Червил.

У Тэйта вытянулось лицо.

— Ну и что такое с ним? — Мария поискала в толпе глазами.

— Слева от фонтана. Он здесь без приглашения, мадам. Я его прощупал. Он студент колледжа. Побился об заклад, что проберется на бал незваным. В доказательство хочет похитить вашу фотокарточку.

— Мою карточку! — Мария с интересом глянула в оконца на костюме молодого Червила. — А что он обо мне думает?

— Видите ли, мадам, его очень трудно зондировать. Мне кажется, что он не прочь похитить у вас кое-что еще, кроме фотокарточки.

— Да вы что! — умилилась Мария.

— Это так, мадам. Прикажете его вывести?

— Нет, — Мария бросила еще один взгляд на стройного юношу. — Он получит доказательство.

— Не прибегая к краже, — сказал Рич.

Мария пискнула:

— Ревнует! Ревнует! Ну а теперь прошу к столу.

Тэйт встревоженно поманил Рича, и тот поспешно отошел вместе с ним в сторону.

— Рич, сегодня ничего не выйдет.

— Это еще почему?

— Здесь молодой Червил.

— Ну и что же?

— Он эспер второй ступени.

— А, черт!

— У этого юнца не по летам блестящие способности… В прошлое воскресенье я видел его у Пауэла. Мария Бомон не приглашает щупачей на свои вечеринки. Я на это и рассчитывал. Меня самого пустили только из-за вас.

— И надо же, чтобы этот чертов щупачонок пролез сюда без приглашения. Такая дрянь.

— Будьте благоразумны, Рич.

— А может быть, он до меня не доберется?

— Рич, я могу блокировать вас от секретарей.

У них всего лишь третья ступень. Но я не могу ручаться, что плюс к ним сумею справиться еще и с эспером-два… пусть даже совсем зеленым. Он, конечно, еще мальчишка. От волнения может запутаться. Но я не отвечаю ни за что.

— Я не отступлюсь, — отрезал Рич. — Я не могу. Такого случая больше не подвернется. И даже если бы была возможность попытаться еще раз, я не стал бы тянуть. Сил нет. Я нюхом чувствую этого вонючего де Куртнэ. Я…

— Рич, вы же не сможете…

— Не спорьте. Я решил довести дело до конца. — Рич яростно взглянул прямо в испуганное лицо Тэйта. — Я знаю, что вам хочется найти лазейку и улизнуть, но ничего у вас не выйдет. Мы в этом деле так увязли, что вам от меня не избавиться вплоть до самого конца, до Разрушения.

Спрятав за ледяной улыбкой перекосившую его лицо злобную мину, Рич присоединился к хозяйке, которая уже устроилась на одной из кушеток, расставленных вдоль столов. На пиршествах такого рода все еще сохранялся обычай каждой парочке кормить друг друга. Порожденный восточной учтивостью и восточным гостеприимством, обычай этот выродился в эротическую игру. Пищу слизывали друг у друга с пальцев

языком, часто передавали из уст в уста. Таким же образом поили вином. Сладостями угощали еще более интимным способом.

Рич, которого смертельно раздражали эти штучки, с нетерпением ждал Тэйта. Тэйт должен был определить, в какой части дома прячется де Куртнэ. Крошка щупач сновал между гостей, принюхиваясь, приглядываясь и примериваясь, но, вернувшись в конце концов к Ричу, отрицательно покачал головой и указал па Марию Бомон. Во всем зале, конечно, одна только Мария знала, где де Куртнэ, но разве к ней подступишься, когда она так взбудоражена от сладострастия. В бесконечном ряду препятствий, преодолеть которые должен был инстинкт убийцы, появилось новое. Рич встал и зашагал к фонтану, Тэйт бросился ему наперерез.

— Что вы хотите делать, Рич?

— А разве вам не ясно? Вышибить молодого Червила у нее из башки.

— Как вы это сделаете?

— Есть только один способ.

— Ради бога, Рич, не приближайтесь к нему.

— Отойдите.

Волна необузданной воли, налетев на Тэйта, отшвырнула его прочь. Он стал в ужасе сигнали-

зировать, и Рич попробовал взять себя в руки.

— Это, конечно, риск, но не такой уж страшный, как вы думаете. Прежде всего он молод и зелен. Во-вторых, он здесь без приглашения и трусит. В-третьих, он, наверное, еще не насобачился в ваших делах, если эти эсперы на побегушках так быстро его нащупали.

— Умеете вы контролировать свое сознание? Как у вас получается процесс параллельного мышления?

— С меня хватит этой песни. Слишком много у меня хлопот, чтобы развлекаться параллельным мышлением. Займитесь Марией и не путайтесь у меня под ногами.

Червил ел в одиночестве возле фонтана, довольно неловко пытаясь изобразить, что он тут свой человек.

— Пим, — сказал Рич.

— Пом, — сказал Червил.

— Бим, — сказал Рич.

— Бам, — сказал Червил.

После этой «разминки», с которой модно было начинать любой непринужденный разговор, Рич уселся рядом с юношей.

— Я — Бен Рич, — сказал он.

— Я — Галли Червил. То есть… Гален. Я… — На

молодого Червила явно произвела впечатление фамилия его собеседника.

«И когда сказал, „четыре“, получил синяк под глаз…»

— Вот идиотская песня, — проворчал Рич. — На днях ее услышал и никак не отделаюсь. Мария знает, что вы заяц, Червил.

— Знает?!

Рич кивнул. *«Получил синяк под глаз…»*

— Значит, я должен смываться?

— А фотография?

— Вы и об этом знаете? В доме, наверное, есть щупач.

— Целых два. Секретари хозяйки. Их обязанность — выслеживать таких господ, как вы.

— Как же мне быть с фотографией, мистер Рич? Я на нее поставил пятьдесят кредиток. Вы должны понимать, что такое пари. Ведь вы сами игр… мм… финансист.

— Небось рады, что я не щупач? Я не обиделся, не беспокойтесь. Видите ту арку? Пройдите через нее, и сразу же направо. Там будет кабинет. Все стены в нем увешаны фотопортретами Марии, заключенными в синтетические камни. Позаимствуйте один, а Мария его никогда не хватится.

Юноша вскочил, рассыпав еду.

— Спасибо, мистер Рич. Когда-нибудь я, в свою очередь, окажу вам услугу.

— Каким образом?

— Вы ни за что не догадаетесь, ведь я… — Гален прикусил язык и покраснел. — Там увидите, сэр. Еще раз спасибо. — Огибая столики, Гален заторопился и арке.

«Три, два, раз — а ну еще!..»

Рич вернулся к хозяйке дома.

— Изменник, — сказана она. — Кого ты там кормил? Я ей глаза выцарапаю.

— Молодого Червила, — ответил Рич. — Он меня спрашивал, где ты держишь свои фото.

— Бен! Неужели ты сказал ему?

— Ага. — Рич усмехнулся. — Он туда уже навострил лыжи. А потом смотается. Я ведь ревнивый, ты знаешь.

Мария вскочила и понеслась к кабинету.

— Есть такое дело, — сказал Рич.

К одиннадцати часам гости до того взвинтились, потчуя друг дружку, что жаждали только уединения и темноты. Мария Бомон никогда не обманывала ожиданий своих гостей, и Рич надеялся, что она и в этот раз не отступит от правил. По его расчетам Мария непременно должна была затеять игру в «Сардинки». Он в этом уже совсем

не сомневался, когда из кабинета вышел Тэйт, принесший точные данные о местонахождении де Куртнэ.

— Не представляю, как это вам удалось себя не выдать, — шепотом сказал Тэйт. — Вы излучаете жажду крови на всех телепатических волнах. Он здесь. Один. Без слуг. При нем только два человека охраны, которых предоставила ему Мария. Экинс был прав. Де Куртнэ в самом деле очень серьезно болен.

— Ничего, я его вылечу. Где он?

— Выйдите из зала через Западную арку. Поверните направо и поднимитесь по лестнице вверх. Пройдите по крытому переходу и снова сверните направо. Там будет картинная галерея. Дверцу между полотнами, изображающими «Соблазнение Лукреции» и «Похищение сабинянок»...

— Какие удачные ориентиры!

— Дверцу откроете. За ней будет небольшая лестница, ведущая в прихожую. В прихожей охрана, дальше — де Куртнэ. Это покои для новобрачных, построенные еще дедом нашей хозяйки.

— Для новобрачных? Бог ты мой, вот и прекрасно. Я обручу его со смертью! А сам выйду сухим из воды. Да, да, малютка Гас, выйду, не

сомневайтесь.

Мария что-то собиралась сообщить гостям. Облитая розовым светом, распаренная, красная, она стояла на помосте между двумя фонтанами и хлопала в ладоши, требуя тишины. Хлопки ее потных ладоней отдавались в ушах у Рича громким отзвуком: «Смерть. Смерть. Смерть».

— Слушайте, миленькие мои, слушайте! — водила Мария. — Сегодня у нас будет очень весело. Мы будем сами себя развлекать.

По рядам гостей пронесся сдавленный стон и чей-то пьяный голос выкрикнул:

— Я просто туристка!

— Не смейте жаловаться, негодники, — продолжала Мария, не дожидаясь, когда смолкнет смех. — Мы будем играть в чудесную старинную игру, и играть в нее мы будем в темноте.

Освещение начало меркнуть, толпа оживилась. Лампы гасли одна за другой, и только помост по-прежнему был залит ярким светом.

Мария достала потрепанную книжечку, подарок Рича.

«…И когда сказал „четыре“…»

Мария медленно листала страницы, всматриваясь в непривычный печатный шрифт.

«Получил синяк под глаз».

— Эта игра, — провозгласила Мария, — называется «Сардинки». Ну не прелесть ли?

«Она взяла наживку. Она на крючке. Через три минуты я буду невидим». Рич пошарил по карманам. Револьвер. Родопсин. *«Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!»*

— «Один игрок водит», — читала Мария. — Этот игрок буду я. «В доме гасят все огни, и ведущий прячется».

Пока Золоченая Мумия по складам разбирала пояснение к игре, зал погрузился в кромешную тьму, и только на помост все еще падал розовый луч света.

— «Постепенно и другие игроки разыскивают спрятавшихся „сардинок“ и присоединяются к ним. Проигравшим считается тот, кто остается последним и в одиночестве бродит по темному дому». — Мария закрыла книгу. — И, куколки вы мои, нам нужно очень пожалеть бедняжку проигравшего, потому что эту интересную старинную игру мы с вами прелестно подновим.

Стало темнеть и на помосте. Но не успел еще погаснуть свет, как Мария сбросила платье, обнажив свое удивительное тело, чудо пневматической хирургии.

— Вот как мы будем играть в «Сардинки»! —

крикнула она.

Погас последний отблеск света. В темном зале раздались громкие аплодисменты, ликующий хохот гостей, а вслед за тем отовсюду послышался шелест торопливо сбрасываемой одежды. Время от времени раздавался треск порванной материи, досадливое восклицание, и это вызывало новый взрыв смеха.

Рич наконец-то стал невидим. У него было полчаса на то, чтобы проникнуть внутрь дома, разыскать де Куртнэ, убить его и после этого опять присоединиться к играющим. Обязанностью Тэйта было устроить так, чтобы секретари Марии не оказались у него на дороге. Рич мог чувствовать себя свободно. Единственное, что ему угрожало, это молодой Червил. Тут уж ничего поделать было нельзя.

Он пересек главный зал и у Западной арки наткнулся на чьи-то тела. Выйдя из арки, Рич оказался в маленьком концертном зале, потом свернул направо и стал ощупью искать лестницу.

Возле самых ступеней ему пришлось перелезть через груду тел, и чьи-то руки хватали его, как щупальца осьминога, пытаясь повалить. Затем он преодолел семнадцать ступенек, семнадцать

бесконечных ступенек, и стал пробираться по узкому крытому переходу, обитому велюром изнутри. Вдруг его схватили, на нем повисла какая-то женщина.

— Сардиночка, привет! — прошептала она ему на ухо.

Потом женщина разобрала, что он одет.

— Бр-р! — фыркнула она.

Ее рука наткнулась на револьвер, лежавший у него в грудном кармане.

— Что это у тебя?

Он оттолкнул ее руку.

— Не теряйся, сардинка, — захихикала женщина. — Вылезай из баночки.

Наконец он от нее избавился, забрел в тупик и расшиб нос, наткнувшись на стену. Выбравшись из перехода, он двинулся направо, открыл дверь и очутился в сводчатой галерее более пятидесяти футов длиной. Здесь тоже были погашены лампы, но подсвечиваемые ультрафиолетовыми прожекторами картины наполняли галерею призрачным светом. В галерее было пусто.

Между мертвенно-синей Лукрецией и ордой сабинянок блестела бронзовая дверца. Остановившись перед ней, Рич достал из заднего кармана слепящую капсулу. Его руки так тряслись,

что он еле смог удержать между большим и указательным пальцами крохотный медный кубик. Ненависть и гнев кипели в нем; он воображал себе корчащегося в смертельной муке де Куртнэ и вновь и вновь упивался этим зрелищем.

— Господи! — воскликнул он. — Если не я, так он. Это ведь он схватил меня за горло. Я только защищаюсь.

Он троекратно вознес мольбы к небу, трижды повторяя каждую:

— Господи, не оставь! Ныне, присно и во веки веков. Не оставь! Не оставь! Не оставь!

Дрожь унялась. Он крепко зажал в пальцах капсулу, потом распахнул бронзовую дверь, и перед ним открылось девять ступенек, ведущих к прихожей брачных покоев. Рич щелкнул по медному кубику ногтем большого пальца с такой энергией, будто намеревался запулить его на луну. В тот миг, когда капсула влетела в прихожую, Рич зажмурился. Полыхнуло холодным пурпурным огнем. Словно тигр, Рич бросился вверх по ступенькам и прихожей. Двое из охраны, обслуживающей особняк «Бомон», словно окаменели на скамейке. Их челюсти отвисли, глаза ничего не видели, сознание отключилось.

Если кто-нибудь войдет, пока он здесь, и обнару-

жит охранников в таком состоянии, Разрушение неминуемо. Если охранники очнутся, пока он здесь, Разрушение неминуемо. Чем бы ни кончилась игра, ставка — Разрушение. Оставив за порогом последние крохи благоразумия, Рич толкнул богато инкрустированную дверь и вошел в брачные покои.

5

Рич оказался в сферической комнате, напоминавшей сердцевину исполинской орхидеи: золотистая чашечка пола, изогнутые лепестки стен. Все в комнате: стулья, столики, кушетки — тоже было золотое или под цвет лепестков. Но комната была старая, лепестки выцвели и облупились, между стертыми золотыми плитками виднелись щели. На одной из кушеток лежал старик, высохший и хилый, как увядший сорняк. Этот вытянувшийся, будто труп, старик был де Куртнэ.

Рич в гневе хлопнул дверью.

— Неужели сам подох, мерзавец? — вскрикнул он. — Быть этого не может.

Старик привстал, внимательно в него вгляделся, вдруг заулыбался и с усилием поднялся с кушетки.

— Ага, еще живой, — обрадовался Рич.

Де Куртнэ, продолжая улыбаться, шагнул к Ричу, простирая к нему руки, как библейский старец, встречающий блудного сына. Опешивший Рич проворчал:

— Вы что, глухой?

Старик отрицательно покачал головой.

— Вы говорите по-английски? — крикнул Рич. — Вы слышите мои снова? Что вы дурачитесь? Я — Рич. Рич из «Монарха».

Де Куртнэ кивнул, все еще улыбаясь. Его губы беззвучно шевелились. На глазах неожиданно заблестели слезы.

— Что с вами, черт возьми, творится? Я — Бен Рич. Бен Рич! Вы меня знаете? Отвечайте же.

Де Куртнэ снова помотал головой и указал на свое горло. Он опять зашевелил губами. Послышался какой-то хрип, и тихо-тихо, будто сыплется песок, зашелестели слова.

— Бен… Милый Бен… Так долго ждал… А теперь… Не могу говорить. Горло… Не могу говорить.

Де Куртнэ снова потянулся, чтобы обнять его.

— Фу, черт! Отцепитесь от меня, идиот вы безмозглый!

Рич надвинулся на него, ощетинившись, как хищник; убийство бурлило в его крови.

Де Куртнэ с трудом выговорил:

— Милый Бен…

— Вы знаете, зачем я здесь. Чего ж вы голову мне морочите? Хотите обольстить меня? — Рич

рассмеялся. — Ловкач. Неужели вы подумали, что я размякну от вашего маразматического хлюпанья?

Он размахнулся и влепил де Куртнэ пощечину. Старик отлетел от удара назад и свалился в красное, как рана, кресло — лепесток багровой орхидеи.

— Послушай, ты, — Рич подошел к де Куртнэ вплотную и, нагнувшись над ним, стал бессвязно кричать: — Я жду расплаты много лет. Я хочу получить чистоганом, а ты подсовываешь мне Иудин поцелуй. А может быть, убийцам тоже подставляют другую щеку? Если да, то обнимемся, брат душегуб. Облобызаем смерть. Возлюбим ее. Да пребудет на нас благочестие и позор, и кровь, и… Нет. Постой. Я…

Он замолк и по-бычьи затряс головой; исступление давило его, как тугой недоуздок сдавливает шею быка.

— Бен, — в ужасе прошептал де Куртнэ, — послушай, Бен…

— Десять лет ты держишь меня за горло. Мы друг другу не мешали, ты и я, «Монарх» и де Куртнэ. Нам не было тесно ни во времени, ни в пространстве, но тебе хотелось моей крови. Хотелось слопать меня. Угробить. Хотелось все

прибрать к своим поганым загребущим лапам. Человек Без Лица!

Де Куртнэ недоуменно покачал головой.

— Нет, Бен, нет…

— Какой я тебе Бен? Тоже мне друг-приятель нашелся! На той неделе я представил тебе последний шанс с достоинством выбраться из этой грязи. Я, Бен Рич. Я просил о согласии. Я умолял тебя покончить дело миром, стать моим компаньоном. Умолял, как перепуганная истеричка. Отец, будь он жив, в лицо бы мне плюнул. Да и не только он. У нас в роду такого срама еще не было. И все же я просил тебя о мире. Так? Так или нет? — в бешенстве допытывался он у де Куртнэ. — Отвечай!

Побелевший от страха де Куртнэ ошеломленно глядел на него. Наконец он прошептал.

— Да. Ты просил, я согласился.

— Что ты сделал?

— Согласился. Я ждал этого столько лет. Конечно, согласился.

— Ах, ты согласился!

Де Куртнэ кивнул головой. Его губы беззвучно выговорили буквы **WWHG**.

— Что ты там лопочешь? **WWHG**? И это значит согласился?

Старик снова кивнул.

Рич расхохотался.

— Жалкий старый лгун! Это отказ. Решительный и окончательный отказ. Объявление войны.

— Нет, Бен…

Протянув руку, Рич рывком поставил де Куртнэ на ноги.

И хотя старик так исхудал, что стал легким как перышко, Ричу почему-то показалось, что на его руке повис невыносимо тяжкий груз, а прикосновение к коже де Куртнэ обожгло ему пальцы.

— Что ж, значит, война? Война и смерть?

Качая головой, де Куртнэ пытался что-то объяснить ему знаками.

— Ты сам отверг сотрудничество. Ты отверг мир. Значит, остается смерть. Таков твой выбор.

— Бен… Нет.

— Ты согласишься на мои условия?

— Да, — прошептал де Куртнэ. — Да, Бен. Да.

— Ты лгун. Ты жалкий старый лгун. — Рич засмеялся. — Но ты опасный тип. Я тебя раскусил. Вон какой придумал фокус. Изображаешь слабоумного, а простаки на это ловятся. Только меня тебе не поймать. Ни за что не поймать.

— Я не… враг тебе, Бен.

— Это верно, — отрезал Рич. — Ты больше мне

не враг, ты покойник. С того мгновения, как я вошел в этот цветочный гроб, ты покойник. Человек Без Лица! Ты в последний раз слышишь мой крик. Тебе конец!

Рич выхватил из кармана револьвер. Нажал на кнопку, и оружие раскрылось, будто расцвел стальной цветок. Де Куртнэ тихо застонал и в ужасе попятился. Рич подошел и нему, схватил, зажав как в тиски. Де Куртнэ дергался, тщетно пытаясь освободиться, и умоляюще смотрел ему в лицо остекленевшими, слезящимися глазами. Рич запрокинул ему голову. Чтобы осуществить свой план, он должен был выстрелить прямо в рот де Куртнэ.

В это мгновение в комнату влетела полуодетая девушка. Ошеломленный Рич увидел за нею коридор и в конце его открытую дверь спальни. Девушка едва успела второпях набросить серебрящийся, как иней, шелковый халатик, ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от испуга… Ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

Она кинулась к де Куртнэ. Не отпуская старика, Рич быстро заслонил его. Девушка остановилась как вкопанная, шагнула назад, потом вдруг,

вскрикнув, бросилась к ним сбоку. Мгновенно обернувшись, Рич со страшной яростью занес над ней стилет. Девушка ускользнула от удара, но не могла теперь приблизиться к ним: ей мешала кушетка. Рич просунул кончик стилета между зубами старика и разжал его челюсти.

— Нет! — крикнула девушка. — Не надо! Ради всего святого! Папа!

Ей удалось выбраться из-за кушетки, и она снова к ним подбежала. Рич сунул дуло револьвера в рот де Куртнэ и спустил курок. Раздался приглушенный взрыв, и из затылка де Куртнэ с силой выбросило сгусток крови. Рич выпустил из рук обмякшее тело старика, бросился к девушке и схватил ее. Она вырывалась, кричала.

Внезапно закричал и Рич. Страшная судорога свела его тело, и он не мог удержать девушку. Она упала на колени и поползла к отцу. Застонав, как от боли, девушка вытащила револьвер, все еще торчавший у него изо рта. Потом она прильнула к вздрагивающему телу старика и застыла, молча, пристально вглядываясь в его восковое лицо.

Рич с усилием глотнул воздух и, сжав кулаки, так сильно ударил друг о друга костяшками пальцев, что стало больно. Когда шум в ушах немного стих, он двинулся к девушке, пытаясь собраться

с мыслями и на ходу перестроить свой план. Ему и в голову не приходило, что здесь окажется дочь де Куртнэ. Никто о ней ни разу не упомянул. Паршивец Тэйт! Девчонку придется убить. Ему…

Девушка обернулась и метнула на него взгляд, полный панического ужаса. Опять ударом молнии сверкнула ее дикая краса: желтые волосы, темные глаза и брови. Она вскочила, увернулась от его еще непослушных рук, подбежала к инкрустированной драгоценностями двери и, распахнув ее, выбежала в прихожую. Дверь захлопнулась не сразу; Рич успел увидеть оцепеневших на скамье охранников и девушку, которая молча сбегала вниз по ступенькам, унося в своих руках револьвер… унося Разрушение.

Рич пришел в себя. Кровь опять пульсировала в его жилах. Тремя огромными прыжками он добрался до двери, вихрем вылетел из прихожей, скатился с лестницы и очутился в картинной галерее. В галерее было пусто, но он успел увидеть, как затворяется дверь, ведущая в крытый переход. Девушка по-прежнему бежала молча. Она не подняла тревоги. Сколько времени еще пройдет, прежде чем она всполошит своим криком весь дом?

Рич пронесся по галерее и вбежал в крытый пе-

реход. Там по-прежнему стоял кромешный мрак. Он, спотыкаясь, ощупью добрался до противоположной двери, вышел на площадку, которая вела в концертный зал, и опять остановился. В доме ни звука. Все спокойно.

Рич спустился по ступенькам. Ему было жутко в этом безмолвном мраке. Почему она не кричит? Где она? Рич вышел из Восточной арки и по тихому плеску фонтанов определил, что он находится в конце большого зала. Где же девушка? Где прячется она в этом непроницаемо-черном безмолвии? А револьвер? О господи! Если найдут револьвер, ему не удастся сбить с толку полицию.

Кто-то тронул его за руку. Рич дернулся как ошпаренный. Он услышал шепот Тэйта:

— Я вас все время прикрывал. У нас ушло ровно…

— Сукин ты сын! — взорвался Рич. — С ним была дочка. Какого дьявола…

— Тихо! — цыкнул на него Тэйт. — Я это сейчас прощупаю. Не мешайте.

Прошло секунд пятнадцать жгучей тишины; щупача вдруг начало трясти.

— Боже мой, — заскулил он испуганным голосом. — Господи боже мой…

Его испуг подействовал на Рича как катализатор. К нему вернулось самообладание. Он снова мог думать.

— Заткнитесь! — буркнул Рич. — Пока еще вам не грозит Разрушение.

— Нужно убить и ее тоже, Рич. Вам нужно…

— Заткнитесь! Сперва разыщите ее. Обшарьте весь дом. Вы уже извлекли из моего сознания ее приметы. Найдите ее. Я буду ждать у фонтана. Мигом!

Он оттолкнул от себя Тэйта, и неуверенно ступая в темноте, подошел к фонтану. Перегнувшись через выложенный яшмой край фонтана, Рич обмыл свое разгоряченное лицо. Оказалось, что из фонтана бьет не вода, а бургундское. Рич вытер лицо, не обращая внимания на глухую возню с другой стороны фонтана. Несомненно, там кто-то купался в вине, то ли один, то ли в компании.

Рич лихорадочно соображал. Девчонку найти и убить. Если револьвер все еще у нее, то убить, конечно, так же, как ее отца, — из револьвера. А если его нет? Как поступить? Задушить ее? Нет… утопить в фонтане. Она ведь совершенно голая под этим шелковым халатиком. Халатик сбросить. Когда обнаружится труп, все подумают, что это одна из приглашенных, чересчур увлекшаяся

хмельной ванной. Но ему нужно спешить… спешить… спешить… Успеть, пока не кончится эта дурацкая игра в «Сардинки». Куда девался Тэйт? Где девушка?

Спотыкаясь в темноте и тяжело дыша, подошел Тэйт.

— Ну?

— Ее нет в доме.

— Вы подозрительно быстро вернулись.

— Подозревайте кого вам угодно, только не меня. Зачем мне вас обманывать? В доме нет никого с такими данными. Она ушла.

— Ее кто-нибудь видел?

— Нет.

— Господи! Где же ее искать?

— Нам тоже следовало бы уйти.

— Это, конечно, так, но сбежать не попрощавшись мы не можем. Разумеется, нам нужно как можно скорей приняться за поиски. И все же мы должны уйти из дома так, чтобы это никому не показалось странным. Где Золоченая Мумия?

— В кинозале.

— Смотрит передачу?

— Нет, они еще не кончили играть в «Сардинки». Их там как сельдей в бочке. Собрались уже все, кроме нас с вами.

— В одиночестве бродящих по темному дому. Ну что ж, пора и нам примкнуть к большинству.

Он крепко сжал дрожащий локоть Тэйта и потащил щупача в кинозал. На ходу он выкрикивал жалобным голосом:

— Э-э-эй!.. Где вы прячетесь? Мария! Мари-и-ия! Где вы прячетесь?

Тэйт истерически всхлипнул. Рич грубо его встряхнул.

— Не раскисать! Через пять минут мы выберемся отсюда. Тогда волнуйтесь на здоровье.

— Но если нас задержат, мы не сможем разыскать эту девушку. И тогда…

— Нас не задержат. Смелость, дерзость, целеустремленность. Вот три кита, Гас, на которых все стоит.

Рич распахнул дверь в зал. Здесь было жарко от множества скопившихся в комнате тел, но так же темно, как и всюду.

— Эй! — крикнул Рич. — Где вы попрятались? Никого не могу найти.

Молчание.

— Мария, долго мне бродить тут в темноте?

Послышался бессвязный приглушенный говор, потом смех.

— Ах ты мой бедненький! — воскликнула Ма-

рия. — Все самое интересное-то пропустил.

— Мария, где ты? Я пришел попрощаться.

— О, не уходи еще.

— Уже поздно, дорогая. Не могу. Завтра с утра я должен околпачить одного приятеля. Где ты там, Мария?

— Поднимись на сцену, миленький мой.

Рич прошел по проходу, нащупал ступеньки и поднялся на сцену. Спиной он ощутил холодное прикосновение проекционного шара. Кто-то крикнул:

— Порядок. Теперь он попался. Свет!

Белый поток света залил экран, ослепив Рича. Расположившиеся в креслах вокруг сцены гости сперва было загоготали, но, разглядев его, возмущенно взвыли.

— Бен, ты обманщик, — возмутилась Мария. — Так нечестно: ты одет. Знаешь, как мы тут застукали всех остальных? Это же сказка!

— В другой раз расскажешь, моя прелесть, — Рич вытянул руку, готовый склониться в изящном прощальном поклоне. — Мое почтение, мадам. Благодарю за… — Он вдруг осекся, потрясенный. На его ослепительно белой кружевной манжете гневно загорелось красное пятно.

Не в силах вымолвить ни слова, Рич глядел,

как рядом с первым появилось второе пятно, потом третье. Он отдернул руку, и красная капля шлепнулась на пол перед ним, а вслед за тем неумолимо и медленно одна за другой посыпались сверкающие алые капельки.

— Это кровь! — завизжала Мария. — Кровь! Там наверху кто-то истекает кровью. Ради бога, Бен… Не можешь же ты меня бросить в такой момент. Свет! Свет! Скорей зажгите свет!

6

В 12.30 ночи аварийный полицейский патруль прибыл в особняк Марии Бомон, получив из местного участка извещение: «GZ Бомон YLP — R», что означало «Есть сведения, что по адресу Бомон Хауз, 9, Парк Саут, произошло нечто противозаконное».

В 12.40 патруль доложил: «Акт криминального характера, возможно, уголовное преступление 3-А», после чего в Бомон Хауз выехал из местного участка капитан полиции.

В час пополуночи в Бомон Хауз прибыл Линкольн Пауэл, срочно вызванный взволнованным помощником инспектора.

— Уверяю вас, Пауэл, что это «преступление 3-А». Готов поклясться. У меня просто дух захватило. Я уж не знаю, радоваться мне или дрожать, но одно несомненно — с этим делом никому из нас не справиться.

— Что вас так напугало?

— Судите сами. Убийство — это отклонение от нормы. Насильственно оборвать жизнь себе подобного способен только человек с деформи-

рованным душевным строем, что неизбежно отражается и на его телепатических приметах, ведь так?

— Да.

— По этой причине уже больше семидесяти лет никому не удавалось осуществить «З-А». В наше время невозможно оставаться незамеченным, замышляя убийство. Человек с искаженным душевным строем так же бросается в глаза, как, скажем, если б он имел три головы. Вы, щупачи, выуживаете их задолго до того, как они что-нибудь предпримут.

— Мы пытаемся это делать… В тех случаях, когда сталкиваемся с ними лично.

— Ну, знаете ли, сейчас на каждом шагу развелось такое множество щупаческих рогаток и фильтров, что человеку, ведущему нормальный образ жизни, невозможно сквозь них проскочить. Для этого нужно быть отшельником. Но отшельники никого не убивают.

— И то правда.

— В данном же случае имело место тщательно подготовленное убийство, а убийцу никто не заметил. О нем никто ни разу нам не сообщил. В том числе даже эспер-секретари Марии Бомон. Отсюда можно сделать вывод, что замечать было

нечего. Патологический душевный строй, искаженный до такой степени, что человек стал убийцей, почему-то не отразился на его телепатемах. Вот парадокс, который, черт возьми, я не в силах решить.

— Понятно. Что вы намерены сделать?

— В этом деле чертова гибель неувязок, с них и надо начать. Во-первых, мы знаем, чем убит де Куртнэ. Во-вторых, исчезла его дочь. В-третьих, кто-то обокрал охранников де Куртнэ ровно на час жизни, и мы понятия не имеем, каким образом это сделано. В-четвертых…

— Достаточно и трех… Я еду.

Большой зал Бомон Хауза залит резким белым светом. Повсюду мундиры полицейских. Суетливые, как жуки, снуют эксперты в белых халатах. Гостей (уже одетых) собрали в середине зала, и они мечутся, как стадо перепуганных быков на бойне.

Скользя вниз по восточному эскалатору, Пауэл, высокий, стройный, в черном смокинге с белой манишкой, уже с первых секунд ощутил хлынувшую на него волну неприязни. Он торопливо бросил находившемуся в зале Джексону Беку, полицейскому инспектору-2:

«Как ситуация, Джекс?»

«Сложная».

И тут же, перейдя на неофициальный арго полицейских, созданный на искаженной семантической и образной основе и системе персональных символов, Бек добавил:

«Осторожней. Здесь есть щупачи».

После чего за микродолю секунды познакомил Пауэла с обстоятельствами.

«Ясно. Дело дрянь. Что это все они сгрудились посреди зала? Вы затеваете представление?»

«Да. Злодей и избавитель».

«Это необходимо?»

«Здесь одни подонки. Избалованные. Распущенные. Помощи от таких ждать нельзя. Что-то узнать от них можно только хитростью, и в данном случае игра стоит свеч. Я буду злодеем. Вы их избавителем».

«Одобряю. Молодец. Хороший план».

На середине спуска Пауэл приостановился. Он сурово сжал губы. Глубокие темные глаза уже не светились дружелюбием. На лице появилось возмущенное выражение.

— Бек, — рявкнул он, и его голос эхом прогремел по залу. Наступила мертвая тишина. Все взгляды обратились к нему.

Инспектор Бек сердито повернулся к Пауэлу и с

вызовом ответил:

— Здесь, сэр.

— Это вы тут распоряжаетесь, Бек?

— Да, сэр.

— Любопытные у вас, однако, представления о том, как вести следствие. Сгоняете гуртом, будто скотину, ни в чем не повинных людей.

— Нечего сказать, неповинные, — огрызнулся Бек. — Эти ни в чем не повинные человека убили.

— Все эти люди, Бек, невиновны. До тех пор, пока не будет выяснена истина, всех присутствующих здесь вы должны считать ни в чем не повинными и обращаться с ними со всей возможной учтивостью.

— Что? — фыркнул Бек. — С этой бандой лжецов? Учтиво обращаться? С этим великосветским быдлом, сволотой, погаными гиенами…

— Да как вы смеете? Сейчас же извинитесь.

Бек засопел и свирепо сжал кулаки.

— Инспектор Бек, вы меня слышите? Немедленно извинитесь перед этими леди и джентльменами.

Бек бросил взгляд на Пауэла и повернулся к гостям, которые во все глаза таращились на эту сцену.

— Прошу прощения, — буркнул он.

— И зарубите себе на носу, Бек, — грозно добавил Пауэл. — Если что-нибудь подобное повторится, я вас разжалую. Из грязи вылезли и снова плюхнетесь туда же. Ну а теперь убирайтесь и не показывайтесь мне на глаза.

Пауэл спустился в зал и улыбнулся гостям. В один миг он вновь преобразился. Нечто неуловимое в его манерах наводило гостей на мысль, что в душе он такой, как они. Даже в его произношении чуть проскальзывало модное пришепетывание.

— Леди и джентльмены, разумеется, каждого из вас я знаю в лицо. Но поскольку сам я не столь знаменит, позвольте представиться вам — Линкольн Пауэл, префект парапсихологического отдела. Префект да к тому же еще парапсихологический отдел. Не правда ли, какой старомодный титул? Пусть он не смущает вас, — Пауэл направился к хозяйке дома, приветственно протянув руку. — Дорогая мадам Мария, какое волнующее завершение изысканного вечера. Я всем вам завидую. Вы войдете в историю.

Гости оживились, по их рядам пробежал довольный ропот. Мрачная туча враждебности рассеивалась. Мария, машинально охорашиваясь, словно зачарованная взяла его руку.

— Мадам… — он смутил и растрогал Марию, с отеческой нежностью запечатлев на ее лбу поцелуй. — Очень вам сочувствую. Эти мужланы в полицейских мундирах были, конечно, несносны.

— Ах, дорогой префект! — с доверчивостью ребенка Мария уцепилась за его руку. — Я так напугалась.

— У вас в доме найдется тихая комната, где все мы могли бы уютно устроиться и посидеть, пока не завершится эта тягостная процедура?

— Да, конечно. Мой кабинет, дорогой префект Пауэл.

Мария так вошла в роль милой крошки, что начала картавить.

Махнув рукой стоящим сзади полицейским, Пауэл щелкнул пальцами и приказал тут же выступившему вперед капитану:

— Проводите мадам и ее гостей в кабинет. Караульных не ставить. Леди и джентльмены должны чувствовать себя вполне свободно.

— Мистер Пауэл, сэр… — капитан откашлялся. — По поводу гостей мадам. Один из них прибыл сюда уже после того, как было сообщено о преступлении. Частный поверенный, мистер 1/4мэйн.

Пауэл разыскал среди гостей Джо 1/4мэйна, эспер-поверенного-2, и послал ему телепатический привет.

«Джо?»

«Он самый».

«Что вас привело в этот гадюшник?»

«Дело. Меня вызвал кли (Бен Рич) ент».

«Эта акула? Очень подозрительно. Останьтесь здесь вместе с ним. Произведем разведку».

«Здорово вы все это изобразили с Беном».

«Чтоб вам пусто было! Разгадали наш жаргон?»

«Какое там! Просто я знаю вас обоих. Добрейший Бек в роли зверюги-полисмена, это же цирк».

Бек, с угрюмым видом удалившийся в конец зала, подал оттуда реплику:

«Не выдавайте нас, Джо».

«Вы что, с ума сошли?» — обиделся 1/4мэйн. Обращаться к нему с такой просьбой было все равно что призывать его не втаптывать в грязь святая святых Эспер Лиги. От 1/4мэйна с такой силой рвануло негодованием, что Бек усмехнулся.

Все это произошло в течение одной секунды, а Пауэл в это время, запечатлев на лбу Марии еще один невинный поцелуй, мягко освободился от ее трепетно уцепившейся за него ручки.

— Леди и джентльмены, мы встретимся в кабинете.

Сопровождаемая капитаном толпа гостей повалила к дверям. Снова слышалась оживленная болтовня. Трагедия принимала облик захватывающе-увлекательной новой игры. В плеске голосов и смеха Пауэл вдруг наткнулся на железную решетку непроницаемого телепатического блока. Он узнал ее тотчас же и позволил себе не скрыть удивления.

«Гас! Гас Тэйт!»

«О! Добрый вечер, Пауэл».

«Что вы здесь притаились?»

«Гас?» — встрепенулся Бек. — *«Гас здесь? Как это я его не осалил?»*

«Какого дьявола вы прячетесь?»

Хаотический ответ, в котором перемешались злость, досада, боязнь за свою репутацию, самоуничижение, стыд…

«Отключитесь, Гас. Ваша телепатема блокирована обратной связью. И чего вы так разволновались? Вам не повредит, что вы оказались причастны к скандалу. Напротив. Это придаст вам человечности. Помогите мне немного. Хотя вы так трясетесь, что, чует мое сердце, помощи от вас я не дождусь».

Когда зал освободился. Пауэл оглядел трех оставшихся. Джо 1/4мэйн был плотный, крепкий, грузный, с блестящей лысиной и грубоватым добродушным лицом. Крошка Тэйт — нервозный, возбужденный… больше, чем обычно.

И, наконец, пресловутый Бен Рич. Пауэл видел его впервые. Высокий, широкоплечий, решительный. Из него ключом бьет обаяние и сила. Сила в общем-то добрая, но подпорченная привычкой властвовать. У него хорошие глаза, красивые и проницательные, а вот губы, пожалуй, слишком тонкие и чувственные, и рот чем-то напоминает шрам. Привлекательный человек, но есть в нем что-то темное, отталкивающее.

Пауэл улыбнулся ему. Рич улыбнулся тоже. Их руки встретились в рукопожатии.

Пауэл спросил:

— Вы всех обезоруживаете таким образом?

— Секрет успеха, — ухмыльнулся Рич.

«Он сообразил, на что я намекаю, — подумал Пауэл. — Достойный противник».

— В таком случае пусть хотя бы все остальные не видят, как вы меня очаровываете. Они заподозрят сговор.

— Вас они не заподозрят. Вы обведете их вокруг пальца, и они решат, что сговор у вас с ними.

Опять улыбка. Несомненно, их влекло друг к другу. Это было и неожиданно, и опасно. Пауэл попробовал избавиться от наваждения. Он повернулся к 1/4мэйну.

— Ну что там у вас, Джо?

«Насчет прощупывания, Линк…»

— Объясняйтесь так, чтобы было понятно и Ричу, — перебил Пауэл. — Мы никого не собираемся обманывать.

— Рич вызвал меня для того, чтобы я его представлял. Никакой телепатии, Линк. Все на равных условиях. Я для того сюда и прибыл. Я буду присутствовать на всех допросах.

— Джо, у вас нет права запрещать прощупывание. Мы выясним все, что сможем выяснить…

— Только с согласия спрашиваемого. Я буду сообщать вам, есть это согласие или нет.

Пауэл обернулся к Ричу.

— Что здесь произошло?

— А вы не знаете?

— Хотел послушать вашу версию.

— Почему именно его? — запальчиво вмешался Джо 1/4мэйн.

— Мне хочется узнать, из-за чего он так поспешно вызвал адвоката. Вы что, замешаны в этой истории?

— В чем я только не замешан, — усмехнулся Рич. — Попробуйте руководить такой махиной, как «Монарх», и не увязнуть в омуте разных секретов.

— Но убийства, я надеялось, в вашем омуте не водятся?

«Линк, поворачивайте-ка назад».

«Уберите блоки, Джо. Я прощупываю вашего клиента только потому, что он мне нравится».

«Вы не могли бы проявить свою приязнь как-нибудь в другое время?»

— Джо не хочет, чтобы я вам симпатизировал. — Пауэл снова улыбнулся Ричу. — Жаль, что вы вызвали адвоката. Это внушает мне подозрение.

— Профессиональная болезнь? — со смехом спросил Рич.

— Нет. — На сцену вдруг прорвался Нечестивый Эйб и начал заливать: — Вы никогда не поверите, но профессиональное заболевание детективов — латеральность, то есть однобокость. Одни из нас все делают только левой рукой, другие — только правой. Причем самое неприятное, что у большей части детективов эти отклонения ни с того ни с сего почему-то сменяют друг друга. Я, например, был левшой и вдруг во время дела Парсона…

Спохватившись, Пауэл замолк на середине фразы. Он отошел на несколько шагов от заинтригованных слушателей, глубоко вздохнул. Когда он снова к ним вернулся, Нечестивый Эйб был изгнан.

— Я расскажу об этом как-нибудь в другой раз, — сказал он. — А сейчас лучше вы расскажите, что здесь произошло после того, как Мария и все остальные увидели падающие на вату манжету капли крови.

Рич покосился на красные пятнышки на своей манжете.

— Мария начала вопить, что наверху в брачных покоях кого-то прирезали, и все мы ринулись наверх.

— Как вы нашли дорогу в темноте?

— Было светло. Мария крикнула, чтобы включили свет.

— И уже при свете вы без труда разыскали эти покои, э?

Рич зло усмехнулся.

— Это не я искал покои. Их местоположение держали в тайне. Мария сама отвела нас туда.

— Там находились охранники… кажется, их оглушили?

— Да. Они казались мертвыми.

— Будто каменные, а? Шелохнуться не могли?

— А я откуда знаю?

— В самом деле, откуда? — Пауэл в упор взглянул на Рича. — Ну, а де Куртнэ?

— На вид и он казался мертвым… фу ты, черт, он и был мертвым.

— И вы все там столпились и смотрели на труп?

— Нет, некоторые разошлись по другим комнатам: искали дочку.

— Барбару де Куртнэ? По-моему, никто из вас не знал, что де Куртнэ и его дочь находятся в доме. Почему же ее искали?

— Сперва мы этого не знали. Но Мария нам сказала, и мы начали искать.

— Вы удивились, что ее нет?

— Мы уже ничему не удивлялись.

— Куда она могла исчезнуть?

— Мария говорит, что девушка убила старика и смылась.

— Вам это кажется возможным?

— Как знать? Вся эта история — сплошное сумасшествие. Если девушка так ошалела, что, ни олова никому не сказав, улизнула из дому и голая мчалась по улицам, она была способна прихватить с собой папашин скальп.

— Вы позволите мне прощупать вас, чтобы уяснить кое-какие детали и общую обстановку?

— Как решит мой адвокат.

— Я против, — отрезал 1/4мэйн. — Согласно конституции каждый может отказаться от эспер-обследовании, не подвергая себя никаким подозрениям. Считайте, что Рич отказался.

— Темный лес и хоть бы маленький просвет. — Пауэл вздохнул, пожал плечами. — Ну что ж, приступаем к расследованию.

Они двинулись к кабинету. Стоявший в дальнем конце зала Джексон Бек, не выдержав, спросил на непонятном для Тэйта с 1/4мэйном полицейском жаргоне:

«Линк, зачем вы ему позволили вас дурачить?»

«Он меня дурачил?»

«А то нет? Этот чертов стервятник вьет из вас веревки».

«Бросьте, Джекс. Стервятник сам запутался и угодил в силки, из которых только один выход — Разрушение».

«Что?!»

«А вы разве не заметили, как он проболтался, пока с таким усердием вил из меня веревки? Он, видите ли, не знал о том, что была дочка. Этого никто не знал. Он ее не видел. Ее никто не видел.

Он допускает мысль, что она выбежала из дому после убийства. Все допускают эту мысль. Ну, а откуда он узнал, что она голая?»

Изумленное молчание, и затем уже в арке между залом и кабинетом Пауэла догоняет волна пылкого восхищения.

«Я преклоняюсь перед вами, Линк. Я преклоняюсь перед Мастером».

Кабинет Бомон Хауза спроектирован по образцу турецких бань. Пол выложен мозаикой из ярких камней — гиацинта, шпинеля, солнечного камня. В украшенные золотой сеткой стены вделаны синтетические камни — рубины, изумруды, гранаты, хризолиты, аметисты, топазы — и в центре каждого из них портрет хозяйки в разных видах. Повсюду бархатные коврики, множество кресел, диванов.

Пауэл вошел в кабинет и, оставив позади Рича, Тэйта и 1/4мэйна, сразу направился в середину комнаты. Гул голосов смолк, и Мария Бомон томно привстала. Пауэл жестом попросил ее не подниматься. Он огляделся, тщательно прикидывая в уме духовный потенциал собравшихся здесь сластолюбцев и обдумывая тактику, которую следовало применить. Наконец он начал.

— Закон, — сказал он, — глупо и нелепо услож-

няет такое заурядное явление, как смерть. Люди каждый день мрут тысячами, тем не менее согласно закону тот смельчак, который взял на себя инициативу подтолкнуть старичка де Куртнэ к неизбежной кончине, почему-то считается врагом человечества. По-моему, это идиотизм, но прошу на меня не ссылаться.

Он помолчал и закурил сигарету.

— Все вы, конечно, знаете, что я щупач. Некоторых это, может быть, даже пугает. Я представляюсь вам чудовищем, которое, не сходя о места, ревизует все ваши мысли и чувства. Так вот... Если бы даже я это умел, Джо 1/4мэйн помешал бы мне. Кроме того, признаюсь вам, будь это так, я не стоял бы сейчас здесь. Я возвышался бы на троне повелителя вселенной и практически не отличался бы от господа бога. Но, мне кажется, никто из вас этого сходства пока не заметил?

Прошелестел смешок. Пауэл обаятельно улыбнулся и продолжал:

— Увы, массовое чтение мыслей не по зубам ни одному щупачу. Исследовать отдельную личность и то не так просто. А телепатические сигналы большой группы людей создают хаос, в котором вовсе невозможно разобраться. И если к тому же эта группа состоит из неповторимых,

ярких индивидуальностей, вроде собравшихся здесь, нам остается лишь одно — сдаться на вашу милость.

— И он еще говорит, что это я умею очаровывать, — прошептал Рич.

— Сегодня вечером, — продолжил Пауэл, — вы играли в игру, называемую «Сардинки». Мне очень жаль, мадам, что я не был в числе приглашенных. Надеюсь, в следующий раз вы обо мне не забудете…

— Ну конечно! — вскричала Мария. — Ну конечно, милый префект!..

— Пока шла игра, убили старого де Куртнэ. Можно почти не сомневаться, что убийство было преднамеренным. Мы установим это точно, получив отчет лаборатории. Впрочем, допустим, не дожидаясь отчета, что мы имеем дело с преступлением 3-А. Это даст нам возможность сыграть еще в одну игру… мы назовем ее «убийство».

По рядам гостей прошел неясный говорок. Пауэл продолжал все с тем же небрежным видом, исподволь превращая самое страшное преступление, совершенное за последние семьдесят лет, в нечто невещественное.

— Играя в «убийство», — объяснял он, — мы представим себе, что кто-то из нас убит. Один из

нас пусть будет «сыщиком», цель которого найти «убийцу». Другие станут изображать «подозреваемых». Все игроки обязаны говорить правду, и только «убийце» разрешается лгать. Сравнив все версии, «сыщик» определяет, кто лжет, и находит «убийцу». По-моему, это очень увлекательно.

Кто-то спросил:

— Что это?

Еще кто-то крикнул:

— Я просто туристка!

Снова смех.

— При расследовании убийства, — с улыбкой продолжал Пауэл, — рассматриваются три аспекта преступления. Во-первых, мотив. Во-вторых, метод. И в-третьих, обстоятельства. Двумя последними аспектами занимаются наши эксперты. Что же касается первого, то в процессе игры мы можем сами его выявить. Если это нам удастся, мы разрешим и остальные две проблемы, над которыми сейчас ломают голодны наши эксперты-криминалисты. Вам известно, что они не могут установить, каким образом был убит де Куртнэ? Известно вам, что дочь убитого исчезла? Она вышла из дома, когда вы были заняты игрой. Известно вам, что охрану каким-то таинственным образом отключили на один част Да,

представьте себе. Кто-то выкрал у них ровно по часу жизни. Нам бы хотелось узнать как.

Слушатели, зачарованные, затаив дыхание, улье вплотную приблизились к западне. Нужно было с безграничной осторожностью захлопнуть их в ловушке.

— Один умер, у двоих похищено по часу жизни, исчезла девушка… и мы можем все это разгадать, выяснив мотив. Итак, представьте, что я сыщик. А вы будете изображать подследственных. Вы говорите мне только правду… все, кроме убийцы, разумеется. Ему полагается врать. Но мы его поймаем и достойно завершим этот необычайный вечер, если вы мне позволите провести телепатический опрос каждого из вас.

— О-о! — в тревоге вскрикнула Мария.

— Одну секундочку, мадам. Позвольте объяснить. От вас не требуется ничего, кроме согласия. Мне не придется прощупывать никого из вас. Потому что, видите ли, если все невиновные дадут свое согласие, то отказаться может только один человек, и этот человек и есть убийца. Лишь ему необходимо оградить себя от прощупывания.

— Как вы думаете, может у него пройти этот номер? — шепотом спросил Рич у 1/4мэйна.

1/4мэйн кивнул.

— Представим себе на миг, как все это происходит. — Пауэл втягивал их в спектакль, комната превратилась в сцену. — Я официально обращаюсь к одному: «Разрешите мне произвести телепатический опрос?» Затем обхожу всех. — Пауэл медленно двинулся вкруговую по комнате, поочередно кланяясь каждому из гостей. — Мне отвечают: «Да… Да… Конечно… Отчего же?… Разумеется… Да… Да…» И внезапно драматическая пауза. — Пауэл, грозно выпрямившись, остановился перед Ричем. — «А вы, сэр, — говорю я, — вы позволите мне вас прощупать?»

Все обмерли. Даже Рич словно и полу примерз ион этим испытующим и грозным взглядом.

— Он не знает, как быть. Кровь бросилась ему в лицо, потом отхлынула, и он становится мертвенно-бледным. С мучительным усилием он выдавливает из себя ответ: «Не согласен». И в этот момент… — Пауэл со стремительным жестом поворачивается к своим слушателям, и у них перехватывает дыхание, — в этот волнующий момент мы понимаем, что поймали убийцу!

Он почти уговорил их. Почти уговорил. Его затея показалась им дерзкой, волнующей, новой. Еще немного, и откроются ультрафиолетовые оконца. Сквозь одежду и плоть удастся заглянуть

в чужую душу. Но чего только не кроется в их душах — клятвопреступления… внебрачные дети… измены… сам сатана. Боязнь разоблачения поглотила любопытство.

— Нет! — крикнула Мария.

И все вскочили на ноги, крича:

— Нет! Нет! Нет!

«Вы были изумительны, Линк, и тем не менее… Вам не дождаться помощи от этих гиен».

Пауэл и побежденный не утратил своего обаяния.

— Мне очень жаль, леди и джентльмены, но, право же, я не могу вас винить. Только идиоты доверяют полисменам. — Он вздохнул. — Если есть желающие сообщить что-нибудь устно, один из моих помощников запишет их показания на магнитофон. Мистер 1/4мэйн будет при этом присутствовать, чтобы, помогая вам советом, ограждать ваши интересы. А на мои наплевать, — он грустно взглянул на 1/4мэйна.

«Линк, не давите мне на психику. Это первое З-А за семьдесят с лишком лет. Я должен очень осторожно действовать, чтобы не погубить свою карьеру».

«И моя карьера под угрозой. Если дело останется нераскрытым, мне больше не служить».

«Значит, каждый щупач за себя. Примите мои наилучшие помышления».

— Подите к черту, — сказал Пауэл.

Подмигнув Ричу, он с беспечным видом вышел из комнаты.

В багряно-золотистых брачных покоях закончили свою работу эксперты. Начальник лаборатории де Сантис, взвинченный, беспокойный, резкий, вручил Пауэлу данные экспертизы и измученным голосом произнес:

— Бред собачий.

Пауэл посмотрел на тело и саркастически осведомился:

— Самоубийство?

Он всегда разговаривал с де Сантисом на повышенных тонах: тот неуютно себя чувствовал, если с ним говорили иначе.

— Что?! Ни в коем случае! Не найдено оружие.

— Что же его убило?

— Мы не знаем.

— Все еще не знаете? Вы провозились три часа.

— И ничего не знаем, — яростно повторил де Сантис. — Я потому и говорю, что это бред собачий.

— Так трудно что-нибудь установить, когда у человека в голове такая огромная дырища?

— Да! Да! Да! Представьте себе, я ее тоже заметил. Вход над твердым небом. Выход в затылке. Смерть наступила немедленно. Но откуда взялась рана? Чем просверлили ему эту скважину в черепе? Может быть, вы угадаете?

— Жесткие лучи?

— Нет ожога.

— Кристаллизация?

— Нет обморожения.

— Кислота?

— Не тот характер повреждений. Вообще-то, кислотой можно прожечь такую рану, но но разломать при этом весь затылок.

— Холодное оружие?

— Вы имеете в виду нож или кинжал?

— Что-нибудь в этом роде.

— Невозможно. Вы представляете себе, с какой силой нужно ударить, чтобы нанести такую рану? Это практически неосуществимо.

— Гм… Кажется, я выдохся. Хотя постойте. Может быть, револьвер?

— А что это?

— Старинное оружие. В старину люди стреляли пулями. С шумом, с вонью.

— Нет, здесь это исключено.

— Почему же?

— Почему? — окрысился де Сантис. — А потому, что не найдена пуля. В ране ее нет. И в комнате нет. Вообще нигде ничего нет.

— Какая-то дьявольщина.

— Вполне с вами согласен.

— Значит, вам нечего мне сообщить? Абсолютно нечего?

— Не совсем так. Перед смертью де Куртнэ ел печенье. В ротовой полости убитого нашли полурастаявший кусочек глазури…

— Ну и?…

— Во всех покоях нет никаких следов печенья.

— Значит, он его съел.

— В желудке тоже ничего нет. Кстати, при его болезни горла он не мог есть печенья.

— А что у него было?

— Психогенный рак. Очень тяжелое состояние. Он говорить не мог, не то что жевать сласти.

— Черт те что! Нужно найти это оружие… непременно найти.

Пауэл перелистал данные экспертизы, внимательно оглядывая труд и насвистывая затейливый мотивчик. Он вспомнил, как в одной аудиокниге слышал об эспере, который умел прощупывать покойников… Это напоминало давнишний миф о том, как восстановили картину

убийства, сфотографировав у убитого сетчатую оболочку глаза. Жаль, что и то и другое выдумки.

— Ну что ж, — сказал он наконец, вздохнув. — С мотивом мы сели в галошу и со способом убийства тоже. Надо надеяться, что мы хоть что-то выясним об обстоятельствах. Иначе Рич ускользнет от нас.

— Какой еще Рич? Бен Рич? При чем тут он?

— Хитрец Гас Тэйт, вот кто меня тревожит, — тихо сказал Пауэл. — Если и он замешан… Что? А, Рич. Так ведь убил-то он. Мне удалось это окончательно выяснить во время беседы в кабинете мадам Марии. Перед этим Рич нечаянно кое-что ляпнул. Чтобы окончательно убедиться, я разыграл в кабинете целое действо, заморочил голову Джо, а сам прощупал Рича. В отчет это, конечно, не пойдет, но я узнал достаточно, чтобы не сомневаться, кто убийца.

— Господи Иисусе! — ужаснулся де Сантис.

— Да, но мы еще очень далеки от того, чтобы собрать доказательства, которые удовлетворили бы судей. А стало быть, и Разрушение неблизко. Весьма и весьма неблизко.

Пауэл уныло кивнул начальнику лаборатории, не спеша прошел через прихожую и стал спускаться и галерее.

— Но всему тому он мне еще и нравится, этот молодчик, — пробормотал он.

В картинной галерее, где располагалась штаб-квартира следствия, между Пауэлом и Беком произошло совещание. Обмен мыслями, протекавший в стремительном темпе, характерном для телепатических разговоров, занял ровно тридцать секунд.

Итак, Джекс, это все-таки Рич. Мы его засекли уже во время разговора, а в кабинете я его еще разок щупнул, и развеялись последние сомнения. Попался мальчик.

Вы никогда этого не докажете, Линк.

Может быть, нам как-то поможет охрана?

Какое там! Целый час они фактически были покойниками.

Де Сантис говорит, что им временно разрушили родопсин, то есть зрительный пурпур — то Понятно. самое, чем видит глаз. Сами они уверены, что все это время добросовестно выполняли свои обязанности и что в покоях Хорошенькое ничего! ничего не произошло до тех пор, пока внезапно туда не влетела вся орава и Мария не принялась на них вопить, что Представляю себе, как она они дрыхнут на посту… а они вопила. оба с негодованием это отрицали.

Но мы-то знаем, что это Рич.

Вы-то знаете. А остальные ничего не знают.

Он пробрался на верхний этаж, пока гости играли в «Сардинки». Каким-то образом ослепил охранников, украв у них по часу жизни.

Каким?

Потом прошел в покои и убил де Куртнэ.

Как он убил его?

Та девушка, наверное, тоже как-то связана с убийством и поэтому сбежала.

Кстати, последний вопрос: почему он убил де Куртнэ?

Я не знаю. Я ровно ничего не знаю… пока.

Значит, вам не на чем построить обвинение.

Это-то мне известно.

Вам нужно на основе объективных данных назвать мотив, способ убийства, обстоятельства.

Да, да…

А у вас на руках всего-навсего один козырь, да и тот щупаческий.

Да, да…

Вы не прощупали, каким образом и почему он это сделал?

Я же только прошелся по верхам… Джо следил за мной.

И очень вероятно, глубже вам и не пробраться.

Джо осторожный малый.

Черт бы их всех побрал!

Джексон, нам необходимо найти эту девушку.

Барбару де Куртнэ?

Да. Она ключ ко всему. Если она нам расскажет, что она видела и почему убежала, мы сможем передать дело в суд.

Совершенно точно.

Уточните и подшейте к делу все, что нам удалось выяснить.

Хотя, пока нет девушки, этот материал бесполезен.

Я уже начинаю ее ненавидеть.

Свидетелей отпустите по домам.

Без девушки от них нет толку.

Нужно как следует заняться Ричем... может быть, нам удастся собрать кое-какие косвенные улики, хотя...

Без распроклятой девчонки и от улик не будет толку.

Мистер Бек, я временами тоже чувствую себя женоненавистником. Ума не приложу, чего ради все стараются меня женить.

Пауэл встал и покинул галерею. Он прошел крытым переходом, спустился в концертный зал и вышел в главный. У фонтана что-то увлеченно

обсуждали Рич, 1/4мэйн и Тэйт. И снова у Пауэла при одной мысли о Тэйте пробежали мурашки по спине. Если маленький щупач и впрямь связался с Ричем, как заподозрил Пауэл еще неделю назад у себя на вечеринке, он замешан и в убийстве.

Немыслимо вообразить себе, что эспер первой ступени, один из столпов Лиги, — соучастник убийства; но если это так, то черта с два его разоблачишь. Еще не было случая, чтобы у эспера-1 что-нибудь удалось выудить без его согласия. И если Тэйт (невероятно… невозможно… сто против одного) работает на Рича, то неуязвимым может оказаться и сам Рич. Решив последний раз попробовать убедить Рича, Пауэл направился к разговаривающим.

Перехватив взгляд 1/4мэйна, он бросил щупачам:

«Джо, Гас, мотайте отсюда. Мне нужно кое-что сказать Ричу по секрету от вас. Я не буду его прощупывать и записывать его слова. Обещаю вам».

1/4мэйн и Тэйт кивнули и, что-то буркнув Ричу, тихо удалились. Рич с любопытством поглядел на них и перевел глаза на Пауэла.

— Это вы их спугнули? — осведомился он.

— Нет, просто попросил. Садитесь, Рич.

Они присели на край фонтана и помолчали, дружелюбно глядя друг на друга.

— Нет, нет, — сказал наконец Пауэл, — я не прощупываю вас.

— Я этого и не думал. А вот в кабинете Марии было дело, а?

— Почувствовали?

— Нет. Догадался. Я бы и сам на вашем месте так поступил.

— Мы с вами, кажется, не очень-то надежные ребята?

— Надежные! — сердито фыркнул Рич. — Мы не в детские игры играем. Мы дело делаем. Только трусы, слабаки и нытики прячутся за всякими там правилами и честной игрой.

— Ну а как же этика и честь?

— Честь у нас есть, только кодекс мы себе выбираем сами… а не пользуемся кукольными правилами, которые какой-то слабонервный трус изобрел для таких же, как он сам, запуганных людишек. У каждого есть своя этика и своя честь, и пока человек придерживается их, никто не вправе осудить его. Вы можете не одобрять его этику, это другое дело, но у вас нет права называть его неэтичным.

Пауэл грустно покачал головой.

— В вас как-то уживаются два человека, Рич, — заметил он. — Один хороший, а другой — негодяй. Будь вы только убийцей, это бы еще куда ни шло. Но в вас перемешались мерзавец и святой, и в этом вся беда.

— Когда вы подмигнули мне, я сразу понял, что дело скверно. — Рич усмехнулся. — Ох и штучка же вы, Пауэл! Честное слово, я вас боюсь. Черт вас разберет, откуда вы ударите и как от вас увернуться.

— Так не увертывайтесь, бога ради, и покончим с этим раз и навсегда,

— сказал Пауэл. Сказал с таким жаром, что Рича снова охватила паника. Его ожгли голос Пауэла, его взгляд. — Поверьте, Бен, — продолжал Пауэл, — что вам со мной не справиться. Я объявляю бой убийце, потому что восхищен святым. Для вас это начало конца. Вы и сами это знаете. Так стоит ли барахтаться?

Еще мгновение, и Рич бы сдался. Но он заставил себя не отступить.

— Капитулировать без боя? Проиграть величайшее сражение в моей жизни? Нет, Линк, хоть миллион лет дожидайтесь, но мы уж расхлебаем эту кашу до конца.

Пауэл сердито пожал плечами. Оба встали. Их

руки машинально встретились в крепком прощальном рукопожатии.

— Я потерял в вашем лице великолепного сообщника, — сказал Рич.

— Вы потеряли великого человека в своем собственном лице.

— Значит, враги?

— Враги.

Так был сделан первый шаг к Разрушению.

7

Полицейский префект города, насчитывающего семнадцать с половиной миллионов населения, не может быть прикованным к письменному столу. Он не держит в своем кабинете заметок, досье, картотек и рулонов, свернутых из канители. Но зато у него есть три эспер-секретаря, кудесники, хранящие в своей памяти мельчайшие подробности всех его дел. Они следуют за ним по отделу, как ходячий справочник в трех томах. Сопровождаемый своим летучим отрядом (сотрудники прозвали их Фигли, Мигли и Провернулл), Пауэл вихрем носился по Сент-стрит, собирая материалы для предстоящего сражения.

Перед комиссаром Крэббом он еще раз набросал общую схему действий.

— Нам нужно выяснить мотив, способ убийства и обстоятельства, комиссар. Мы воссоздали картину предполагаемых обстоятельств, но ничего определенного нам не известно. А старикашке Мозу, как вы знаете, подавай только факты да факты.

— Какому старикашке? — удивился Крэбб.

— Старому Мозу. — Пауэл усмехнулся. — Мы прозвали так Мозаичный Следственный Компьютер. Не называть же его каждый раз полным именем. Так а подавиться можно.

— А, этот проклятущий агрегат! — фыркнул Крэбб.

— Да, сэр. Итак, я готов начать наступление на Рича и компанию «Монарх» с целью собрать доказательства для старикашки Моза. Но прежде я хочу спросить вас откровенно: вы до конца нас поддержите?

Комиссар Крэбб, ненавидевший и опасавшийся всех эсперов без исключения, побагровел и, как подброшенный пружиной, вскочил с кресла, сделанного из черного дерева и стоявшего за сделанным из черного же дерева столом, который красовался в его кабинете, сплошь отделанном черным деревом и серебром.

— На что вы, черт возьми, намекаете, Пауэл?

— Сэр, не ищите в моих словах тайного смысла, его нет. Я просто спрашиваю, не связаны ли вы каким-то образом с компанией «Монарх» и с Ричем? Не окажетесь ли вы в неловком положении, если мы припрем Рича к стене? Не может ли он в таком случае потребовать, чтобы вы открыли ему запасную дверцу?

— Нет, черт бы вас побрал.

«Сэр», — выскочил Фигли, — *«четвертого декабря минувшего года вы обсуждали с комиссаром Крэббом дело „Монолита“. Вот выдержки»:*

«Пауэл: Случай довольно каверзный, комиссар. Я опасаюсь, как бы „Монарх“ не обвел нас вокруг пальца».

«Крэбб: Рич обещал мне этого не делать. А Бену Ричу я привык доверять. Он поддержал меня еще, когда я баллотировался на пост окружного прокурора».

Цитата окончена».

«Молодчина, Фигли. Мне все время казалось, что у нас что-то такое есть на Крэбба...»

И Пауэл с места в карьер обрушился на комиссара:

— Что вы мне очки втираете? А как вы стали прокурором округа? Вы, кажется, уже забыли, что Рич вас поддерживал?

— Вовсе нет, я прекрасно это помню.

— И хотите меня убедить, будто Рич с тех пор ни разу вам не оказывал поддержки?

— Что за наглость, Пауэл... Да, так оно и есть... Тогда он мне помог. Но после этого у нас с ним никаких дел не было.

— Значит, я могу заняться Ричем?

— Почему вы так упорно утверждаете, что Рич убил этого человека? Это несерьезно. У вас нет доказательств. Только домыслы. — Пауэл негодующе смотрел на комиссара. — Рич его не убивал. Бен Рич никого не станет убивать. Он вполне порядочный человек, который…

— Вы даете мне «добро»?

— Ладно, Пауэл. Даю.

«Но с очень большими ограничениями. Сделайте заметку, мальчики. Комиссар до смерти боится Рича. Сделайте еще одну заметку. Я его тоже боюсь».

Сотрудникам Пауэл сказал:

— Вот послушайте: всем вам известно, что за привередливое чудище наш старый Моз. Ненасытная утроба, вечно требующая фактов… фактов… доказательств… неопровержимых улик. Заставить эту стервозную машину начать судебное преследование можно, только если мы соберем все нужные доказательства. Чтобы их раздобыть, мы применим метод дубль-слежки. Он вам знаком. По каждому следу мы пускаем двух агентов: Недотепу и Ловкача. Недотепа не знает, что Ловкач работает с ним рядом. Не знает этого и объект слежки. Избавившись от Недотепы, он воображает, что за ним больше нет хвоста.

А Ловкачу только того и нужно. Вот этот метод мы и применим сейчас.

— Слушалось, — сказал Бек.

— Вы обойдете все полицейские участки. Подберите сотню самых бестолковых фараонов. Обрядите всех их в штатское и прикомандируйте к делу Рича. Из лаборатории выудите всех бракованных роботов-следопытов, каких им всучивали за последние десять лет. Одним словом, валите в кучу все, что поплоше, и приспосабливайте к делу Рича. Чем больше, тем лучше… Этакий длинноющий хвост, который он стряхнет, конечно, с легкостью, но все-таки потратит время, чтобы его стряхнуть.

— В каких направлениях вести расследование? — спросил Бек.

— Прежде всего почему там начали играть в «Сардинки». Кто предложил эту игру? Секретари мадам Бомон утверждают, что Рича невозможно было прощупать из-за песенки, мельтешившей в его мозгу. Что за песенка? Кто ее сочинил? Где Рич ее услышал? Эксперты сообщили, что охрана была выведена из строя каким-то «ионизатором родопсина». Проверить все исследовательские работы, ведущиеся в этой области. Чем был убит де Куртнэ? Изучить все возможные виды оружия.

Выяснить, какие отношения были у Рича с де Куртнэ. Известно, что они конкурировали. Существовала ли между ними острая, смертельная вражда? Было ли убийство вызвано корыстными соображениями? Страхом? Что именно и в каком размере Рич приобрел в результате кончины де Куртнэ?

— Господи! — ужаснулся Бек. — И все это для блезиру! Мы погорим.

— Возможно. Но не думаю. Рич человек удачливый. Он привык побеждать, и это сделало его самонадеянным. По-моему, он клюнет. Каждый раз, общелкав очередную нашу приманную птичку, он будет думать, что перехитрил нас. Пусть думает. Нам с вами придется публично себя оплевать. Газетчики на нас живого места не оставят. А мы им подыграем. Будем возмущаться. Оправдываться. Делать необдуманные заявления. Иными словами, изображать бестолковых дурней-полисменов. И когда Рич как следует отъестся на наших харчах…

— То вы слопаете Рича, — усмехнулся Бек. — А как быть с девушкой?

— Она — единственное исключение. На ее счет мы не будем темнить. Ее описание и фото должны быть в течение часа разосланы всем полицей-

ским офицерам в стране; кроме того, объявите, что тот, кто обнаружит ее местопребывание, будет автоматически повышен в должности на пять чинов.

«Сэр, уставом запрещается повышать в звании более чем на три чина сразу», — вмешался Мигли.

— Начхать мне на устав, — отрезал Пауэл. — Повышение на пять чинов человеку, который найдет Барбару де Куртнэ. Она мне необходима.

В «Башне Монарха» Рич смахнул со стола саморегистрирующие кристаллы в дрожащие руки своих секретарш.

— Выметайтесь вон отсюда и унесите все это дерьмо, — прорычал он. — С конторской работой отныне справляйтесь без моего участия. Ясно? Меня не беспокоить.

— Мистер Рич, у нас создалось впечатление, что вы намереваетесь скупить акции всех предприятий де Куртнэ в случае его смерти. Если вы…

— Именно этим я сейчас и занимаюсь. И потому прошу мне не мешать. Кончено. Брысь!

Грозно надвинувшись на свою перепуганную свиту, он выставил ее из кабинета, захлопнул дверь и заперся на ключ. Подойдя к видеофону, он набрал ВД-12,232 и с нетерпением ждал отзыва. В

конце концов на экране появилось изображение Джерри Черча, окруженного обломками минувших эпох.

— Вы? — ощерился Черч и потянулся к выключателю.

— Да, я. Постойте, у меня серьезный разговор. Вас по-прежнему интересует восстановление в правах?

Черч недоверчиво взглянул на него.

— А в чем дело?

— Выгорело ваше дело. С нынешнего дня я принимаюсь хлопотать о том, чтоб вас восстановили. Это осуществимо, Джерри. Мне принадлежит Союз Эспер-патриотов. Но и я, в свою очередь, кое-что потребую от вас.

— Ради бога, Бен. Требуйте все, что возможно.

— Мне именно это и нужно.

— Все возможное?

— И невозможное. Да. Неограниченные услуги. Цену вы уже знаете. Ну, по рукам?

— Я согласен, Бен. По рукам.

— Мне будет нужен также Кено Киззард.

— Зачем он вам? Он скользкий человек. Он продаст вас ни за грош.

— Нам нужно увидеться. Место встречи — прежнее. Время тоже. Точь-в-точь как бывало, а,

Джерри? Только на этот раз конец будет счастливый.

В приемной Института Эспер Лиги, куда вошел Линкольн Пауэл, как всегда, толпилась очередь. Сотни энтузиастов обоих полов, всех возрастов, всех классов общества, мечтающие обнаружить у себя магическое свойство, которое превратит их жизнь в сказку наяву, и не имеющие представления о том, какую тяжкую ответственность налагает это свойство на людей, обладающих им. Как всегда, мечты их были так наивны, что Пауэл не мог сдержать улыбки. *«Буду читать чужие мысли и сорву на бирже огромный куш...»* (Устав Лиги запрещал щупачам заниматься биржевыми спекуляциями). *«Буду читать чужие мысли и узнаю, что отвечать на экзамене»* (это школьник, не подозревающий, что для предотвращения такого рода жульничества все экзаменационные комиссии пользуются услугами эспер-инспекторов). *«Буду читать чужие мысли и узнаю, кто что обо мне думает...» «Буду читать чужие мысли и узнаю, какая девушка не прочь...» «Буду читать чужие мысли и стану жить по-королевски...»*

За столом секретарша устало повторяла на широчайшей телепатической волне:

«Если вы меня слышите, пожалуйста, прой-

дите в дверь налево с табличкой „Только для служащих“. Если вы меня слышите, пожалуйста, пройдите в дверь налево с табличкой „Только для служащих“…»

Одновременно она говорила самоуверенной светской молодой особе с чековой книжкой в руке:

— Нет, мадам. Ваше предложение неосуществимо. Лига не практикует платного обучения. Пожалуйста, возвращайтесь домой, мадам. Мы ничем не можем вам помочь.

Глухая к основному тесту Лиги, женщина сердито повернулась. На ее место встал школьник.

«Если вы меня слышите, пожалуйста, пройдите в дверь налево с табличкой „Только для служащих“.»

Из очереди вдруг вышел молодой негр, нерешительно взглянул на секретаршу и двинулся к двери с табличкой «Только для служащих». Он открыл дверь и вошел. У Пауэла захватило дух. «Скрытые» эсперы большая редкость. Просто здорово, что он оказался здесь в этот момент.

Кивнув секретарше, Пауэл последовал за «скрытым». В кабинете двое служащих с энтузиазмом пожимали руку удивленному молодому человеку и хлопали его по спине. Поздравил его и Пауэл. В

Лиге считался праздником тот день, когда удавалось откопать нового эспера.

Пауэл прошел по коридору в ректорат. Он миновал детский сад, где тридцать детей и десять взрослых переплетали речь и мысли в ужасающе бесформенный клубок. Воспитательница терпеливо передавала: *«Всем думать. Думать. Обходитесь без слов. Думайте. Не забывайте пресекать речевой рефлекс. Повторяйте за мной первое правило…»*

Класс нараспев громко заголосил:

— Забудьте, что у вас есть голос.

Пауэл сморщился и двинулся дальше. Всю стену против дверей детского сада занимала золотая мемориальная доска, на которой были вырезаны слова священной Клятвы Эспера:

> *«Я обещаю, что обучивший меня этому Искусству станет для меня таким же близким, как отец и мать. Я разделю с ним свое имущество и помогу ему во всем, в чем он испытает нужду. К его отпрыскам я буду относиться как к родным братьям и обучу их этому Искусству всеми возможными способами. Я также буду обучать этому Искусству и всех*

остальных.

В соответствии со своими суждениями и в полную меру способностей я буду действовать на благо человечества, а не во вред ему, не ради лжи. И никогда не причиню я мыслью огорчение или боль человеку, даже если он будет просить об этом сам.

В чье бы сознание я ни проник, я это сделаю для блага человечества всегда с самыми чистыми и благородными намерениями. Каждый раз, когда я услышу или увижу в чужом сознании не подлежащую огласке мысль, я буду хранить молчание, почитая ее священной тайной».

В аудитории группа третьеступенников обсуждала международные события, с усердием располагая мысли простой плетенкой. Среди старших затесался двенадцатилетний вундеркинд на уровне второй ступени. Он украшал скучную дискуссию причудливыми зигзагами и нанизывал на каждый зубчик произнесенное вслух слово. Снова рифмовались между собой и складывались в ехидные замечания по поводу выступавших. Парнишка был, как говорится,

молодой, да ранний, и это получалось у него занятно.

В ректорате стоял дым коромыслом. Все двери настежь, клерки и секретарши носятся сломя голову. Старик Цун Хсай, ректор (он же президент Эспер Лиги), дородный мандарин с бритым черепом и благодушным лицом, пылая гневом, стоял посреди кабинета. Он был так рассержен, что кричал, и произнесенные вслух слова наводили трепет на его служащих.

— Мне плевать на то, как именуют себя эти негодяи, — гремел Цун Хсай.

— Для меня они банда себялюбивых и своекорыстных реакционеров. Чистота расы их волнует, вот оно что! Мнят себя аристократами, вот как! Я с ними побеседую. Я дам работу их барабанным перепонкам! Мисс Принн! Мисс При-и-нннн!

Мисс Принн, повергнутая в ужас перспективой устной диктовки, робко пробралась в кабинет.

— Отправьте этим дьяволам письмо. *«В Союз Эспер-патриотов. Джентльмены...» — «Доброе утро, Пауэл. Сколько вечностей, сколько эпох? Как поживает Нечестивый Эйб?»* — «...кампания, организованная вашей кликой с целью сокращения доходов Лиги, предназначенных на воспитание новых эсперов и повсеместное

распространение эспер-обучения, проникнута духом предательства и фашизма». Абзац…

Вынырнув из глубин своей грозной филиппики, Цун мысленно подмигнул Пауэлу:

«Ну как, нашли вы эспер-девушку своей мечты?»

«Пока нет, сэр».

— Черт бы взял вас, Пауэл. Женитесь! — рявкнул Цун. — Я не намерен торчать тут всю жизнь. С новой строки, мисс Принн: «Вы жалуетесь на обременительность налогов, толкуете о том, что нужно сохранить аристократию Лиги, что среднему индивиду не под силу эспер-обучение…» — *«Что вы хотели, Пауэл?»*

«Воспользоваться тайной сигнальной сетью, сэр».

«Так не отвлекайте меня. Поговорите с моей секретаршей-два». С новой строки, мисс Принн: «Почему бы вам не высказаться откровенно? Вы паразиты, которые решили сохранить телепатические дарования в пределах ограниченного круга и, присосавшись, вытягивать соки из остальной части человечества. Вы пиявки…»

Пауэл деликатно притворил за собой дверь и повернулся ко второй секретарше, которая тряслась мелкой дрожью в углу.

«Вы в самом деле так боитесь?»

Образ подмигивающего глаза.

Образ трясущегося мелкой дрожью вопросительного знака.

«Когда папаша Цун развоюется, мы всегда делаем вид, что умираем от страха. Это его утешает. Он терпеть не может, когда ему напоминают, что он Санта Клаус».

«Кстати, я тоже Санта Клаус. Положите это в свой рождественский чулок».

Пауэл опустил на стол описание примет и фотокарточку Барбары де Куртнэ.

«Какая красавица!» — воскликнула секретарша.

«Отправьте все это по тайной сети. Индекс: срочно. За выполнение награда. Пустите слух, что щупач, который найдет Барбару де Куртнэ, на год освобождается от налогов».

«Ой ты!» — секретарша так и подпрыгнула. — *«Вам это позволят?»*

«Думаю, что я смогу провернуть такое предложение в Совете».

«От такого предложения вся наша сеть взовьется».

«Я этого и хочу. Пусть взовьется каждый щупач. Единственный рождественский подарок,

о котором я мечтаю, — сведения об этой девушке».

Казино Киззарда было убрано и вычищено до блеска во время обеденного перерыва, единственного перерыва, который позволяют себе игроки. Со столов для рулетки и ЭО была стерта пыль, «птичья клетка» сверкала, зеленели карточные столики. В хрустальных шарах поблескивали, как кусочки сахара, игральные кости. На конторке кассира выстроились соблазнительные столбики соверенов, расхожей монеты уголовников и игроков.

Бен Рич сидел возле биллиардного стола с Джерри Черчем и Кено Киззардом, слепым крупье. Киззард был огромный, рыхлый человек, толстый, с огненно-рыжей бородой, мертвенно-белой кожей и недобрыми, мертвенно-белыми глазами.

— Цену вы уже знаете, — говорил Рич, обращаясь к Черчу. — Но предупреждаю вас, Джерри. Если вы наделаете себе добра, не пытайтесь меня прощупать. Для вас это опасно, это смертельно опасно для вас. Если вы заберетесь мне в голову, вам останется только один путь — к Разрушению. Поберегитесь.

— Иисусе, — недовольно сказал Киззард, — вон,

значит, какие пироги? Нет, Рич, Разрушение меня совсем не прельщает.

— Вы не оригинальны. Что же вас прельщает, Кено?

— Вопрос! — Кено протянул назад руку, уверенным движением снял с конторки стопку соверенов и пересыпал их в ладонь другой руки. Монеты хлынули звонкой струйкой. — Вот что меня манит.

— Назовите самую высокую цену, которая придет вам в голову, Кено.

— Цену за что?

— Неважно. Я покупаю у вас услуги, не ограниченные никакими лимитами, и плачу сполна. А вы мне говорите, сколько с меня причитается, чтобы их… оплатить.

— Многовато же причитается с вас.

— Не разорюсь.

— Сотня «кусков» сыщется у вас в кубышке?

— Сотня тысяч. Вас устроит такая цена?

— Силы небесные! — У Черча чуть глаза на лоб не выскочили. — Сто тысяч?

— Ну, решайтесь, Джерри, — насмешливо проворчал Рич, — что вас больше привлекает — деньги или восстановление в правах?

— Да с этаким богатством я, пожалуй… хотя…

Нет. Я с ума сошел. Восстановление в правах.

— Тогда перестаньте скулить. — Рич повернулся к Киззарду. — Итак, цена — сто тысяч.

— В соверенах?

— А в чем же еще? Теперь скажите, вы сразу приступите к делу или хотите, чтобы я вам сперва заплатил?

— Бог с вами, Рич, — ответил Киззард.

— Не виляйте, — прикрикнул Рич. — Я вас знаю, Кено. Вы решили разнюхать, чего я хочу, а потом вступить со мной в торг. Договоримся сразу. Я вам поэтому и позволил назначить вашу собственную цену.

— М-м-да, — пожевал губами Киззард. — Ваша правда. Была у меня такая идея, Рич. — Он улыбнулся, и его молочно-белые глаза скрылись в складках кожи. — Была и… осталась.

— Тогда я сразу вам посоветую, кому предложить товар. Покупателя зовут Линкольн Пауэл. И, правда, к сожалению, не знаю, чем он будет вам платить.

— Чем бы он ни платил, от Пауэла мне ничего не нужно, — отрезал Киззард.

— Не я, так он, Кено. Нас только двое в аукционе. Я назначил цену. Теперь слово за вами.

— По рукам, — решился Киззард.

— Отлично, — сказал Рич. — Теперь послушайте меня. Прежде всего вам нужно найти одну девушку. Гм имя Барбара де Куртнэ.

— Убийство? Так и знал, — сказал Киззард, угрюмо кивнув головой.

— У вас есть возражения?

Киззард пересыпал из руки в руку звонкие золотые монеты и помотал головой.

— Найти ее необходимо. Вчера вечером она выскочила из Бомон Хауза, и ни одна душа не знает, где она сейчас. Найдите мне ее, Кено. Найдите прежде, чем до нее доберется полиция.

Киззард кивнул.

— Лет двадцать пять. Рост — немного выше среднего. Вес приблизительно фунтов сто двадцать. Стройная фигура. Тонкая талия. Длинные ноги…

Жирные губы жадно улыбнулись. Блеснули мертвенно-белые глаза.

— Волосы желтые. Глаза черные. Овал лица — сердцевидный. Полные губы, нос с горбинкой… Запоминающееся лицо. На нее посмотришь — словно электричеством ударит.

— Одежда?

— Когда я ее видел в последний раз, на ней был шелковый халатик. Белый, полупрозрачный…

как заиндевевшее окно. Ни туфель, ни чулок, ни драгоценностей, ни шляпы. Она была как ненормальная… вылетела из дома, и след простыл. Разыщите ее и доставьте мне. — Что-то заставило его добавить: — В полной сохранности, понятно?

— Такой товар без утруски? Будьте человеком, Рич. — Киззард облизал свои жирные губы. — Не получится это у вас. У нее не получится.

— Найдите ее, не теряя времени, и все получится. Сто «кусков» — приз за скорость доставки.

— Мне, наверное, придется перерыть все наше городское «дно».

— Ну что ж. Обшарьте все публичные дома, притоны и «малины». Включите в дело тайную сигнальную сеть. За мной не пропадет. Только без лишних разговоров. Мне нужна девушка, и больше ничего. Понятно?

Продолжая позвякивать золотом, Киззард кивнул.

— Я вас понял.

Внезапно Рич, перегнувшись через стол, стукнул ребром ладони по жирным рукам Киззарда. Соверены звякнули и раскатились по всем четырем углам.

— Только не вздумайте меня дурачить, — пригрозил Рич. — Мне очень нужна эта девушка.

8

Сражение длится семь дней.

Всю неделю наносятся и отражаются удары, броски наталкиваются на оборону, но все эти стычки происходят на поверхности, в то время как в самых глубинах взбаламученных вод безмолвно, как акулы, кружат Пауэл и Огастес Тэйт, дожидаясь, когда начнется настоящая борьба.

Переодетый в штатское начальник патруля считал, что всего лучше захватить противника врасплох. Он подстерег Марию Бомон в театре во время антракта и, к ужасу ее спутников, вдруг заорал:

— Знаю я ваши штуки! Бы в сговоре с убийцей. У вас все подстроено. Иначе для чего вы вы затеяли игру в «Сардинки»? А ну выкладывайте все как есть!

Золоченая Мумия взвизгнула и убежала. Недотепа ринулся за ней в погоню, не подозревая, что в этот момент его тщательно и глубоко прощупывают.

Тэйт Ричу: *Полисмен говорил правду. В его отделе Марию считают сообщницей*

убийцы.

Ри ч Тэйту: *Очень хорошо. Бросим ее на съедение волкам. Пусть полисмены заберут ее.*

И в результате мадам Бомон осталась без защиты. Убежищем она избрала не что иное, как биржу — главный источник доходов семейства Бомон. Там ее и обнаружил через три часа ретивый начальник патруля и препроводил в мясорубку, называемую Отделом Прощупывания Побуждений. Он не знал, что, спрашивая Марию, начальник отдела переговаривался с сидевшим в смежной комнате Пауэлом.

Пауэл своим секретарям: *Она нашла эту игру в старинной книге, подаренной ей Ричем. Книга, возможно, куплена в «Столетии». У них бывает такой товар. Сообщить всем агентам. Купил ли он книгу случайно? Проверить также Грэхема, оценщика. Выяснить, как получилось, что единственный в книге удобочитаемый текст оказался описанием игры в «Сардинки». Старый Моз все это пожелает знать. И наконец, где девушка?*

Переодетый в штатское автоинспектор был сторонником обходных маневров. Явившись в аудиокнижный магазин «Столетие», он стал канючить:

— Мне нужны старые книги с описанием различных игр. Что-нибудь вроде той, которую у вас спрашивал на той неделе мой закадычный друг Бен Рич.

> ***Тэйт Ричу:*** *Прощупывание показало, что их интересует купленная вами для Марии книга.*
>
> ***Рич Тэйту:*** *Там все шито-крыто. Пусть проверяют. А и займусь вплотную поисками этой девушки.*

Служащие магазина «Столетие» так обстоятельно отвечали на деликатные расспросы Недотепы, что почти все покупатели, потеряв терпение, ушли. Остался лишь один: сидя в углу, он увлекся прослушиванием музыкальной записи и не заметил, что рядом с ним нет никого из продавцов. Никто не знал, что слух Джексона Бека был совершенно невосприимчив к музыке.

> ***Пауэл секретарям:*** *По всей вероятности, Рич нашел эту книгу случайно.*

Наткнулся на нее, когда искал подарок для Марии Бомон. Сообщить всем агентам. И где эта девушка?

На совещании в рекламном агентстве, занятом распространением прыгунов «Монарха»: «Единственный в своем роде семейный аэромобиль» — Рич выдвинул новую программу рекламирования.

— Вы обратили внимание, — сказал он, — что люди всегда очеловечивают окружающие их предметы. Наделяют их человеческими чертами. Придумывают им ласковые прозвища да и обращаются с ними как с комнатными животными. Покупатель охотней приобретает прыгуна, если тот внушит ему приязнь. Ему плевать на мощность и на скорость. Он хочет любить свою машину.

— Есть, мистер Рич. Учтем.

— Нашего прыгуна нужно очеловечить, — продолжал Рич. — Объявим конкурс па звание «прекрасной покровительницы прыгунов Монарха». Тогда в воображении наших покупателей и машина как бы будет олицетворять свою прекрасную покровительницу.

— Великолепно! — вскричал руководитель

агентства. — Мистер Рич, это идея глобального размаха. Нам с нашими идейками до вас, что до небес.

— Немедля приступите и поискам прекрасной покровительницы прыгунов. Включите в дело всех продавцов и коммивояжеров. Прочешите весь город. Мне эта девушка представляется так: лет около двадцати пяти. Рост выше среднего, вес фунтов сто двадцать. Хорошо сложена. Обаятельна.

— Есть, мистер Рич. Учтем.

— Пусть она будет блондинка с темными глазами. Полные губы. Красивый нос. Вот тут я набросал ее воображаемый портрет. Ознакомьтесь, размножьте и передайте вашим огольцам. Того, кто найдет такую девушку, как я задумал, ожидает повышение.

Тэйт Ричу: *Я прощупал полицейских. Они собираются подослать в «Монарх» своего человека, чтобы выявить связи между вашими и оценщиком Грэхемом.*

Рич Тэйту: *Пусть их. Связи между нами нет, к тому же Грэхем укатил из города. Нечего сказать, додумались! Я считал Пауэла умнее. Очевидно, я его пе-*

реоценивал.

Переодетый в штатское сержант в порыве служебного рвения решил прибегнуть к услугам пластической хирургии. Не теряя времени, он обзавелся новенькой физиономией монгольского типа и устроился на службу в бухгалтерию фирмы «Монарх», где рассчитывал обнаружить финансовую зависимость, связывающую оценщика Грэхема с Ричем. Ему и в голову не приходило, что его намерение было сразу же прощупано начальником отдела найма, который сообщил об этом выше, а «выше» только усмехнулись.

> ***Пауэл секретарям:*** *Наш остолоп пытался разыскать следы взяточничества среди финансовых отчетов «Монарха». Это заставит Рича потерять к нам уважение на пятьдесят процентов и соответственно сделает его на пятьдесят процентов уязвимее. Сообщить всем агентам. Где девушка?*

На заседании редакционной коллегии «Ауэр», единственной на земле ежечасной газеты (двадцать четыре выпуска в сутки), Рич объявил о новом благотворительном начинании «Монар-

ха».

— Мы назовем его «Убежище», — объявил он. — Мы предлагаем помощь, уход и пристанище миллионам несчастных этого города, попавшим в беду. Если вы лишились крова, потерпели банкротство, стали жертвой шантажа или мошенничества… Если вы чего-либо боитесь и не знаете, куда обратиться… Если вы в отчаянии… Вспомните об «Убежище».

— Потрясающий почин, — сказал главный редактор, — но вы ухлопаете на него уйму денег. Зачем вам это?

— Для рекламы, — огрызнулся Рич. — Напечатать в ближайшем же выпуске. Ясно?

Рич вышел из редакции, спустился на улицу и вошел в кабину видеофона-автомата. Он позвонил в Зал Отдыха и дал подробные распоряжения Эллери Уэсту.

— Пусть в каждой конторе «Убежища» сидит ваш человек. Немедленно пересылать мне описание и фото всех просителей! Вы слышите, Эллери? Тотчас же пересылать, ни секундой позже!

— Я ни о чем не спрашиваю, Бен, но сожалею, что не могу вас прощупать.

— Я, кажется, вызвал ваше подозрение? — вспыхнул Рич.

— Нет, просто любопытство.

— Боритесь с ним, оно к добру не приведет.

Когда Рич вышел из кабинки, какой-то нескладный субъект ринулся к нему как одержимый.

— О, мистер Рич! Что за счастливая случайность! Я только что услышал об «Убежище» и как раз подумал, что интервью с инициатором этой восхитительной новой кампании представляет большой человеческий интерес для…

Счастливая случайность! Чудаковатый тип был знаменитый эспер-репортер из «Индастриэл критик». Наверное, выследил его и… *«Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!»*

— Мне нечего вам сообщить, — промямлил Рич. — *«Три, два, раз, а ну еще! Три четыре — горячо!»*

— Какие воспоминания детства породили в вашем сердце острую жажду…

«И когда сказал „четыре“, получил синяк под глаз…»

— Был у вас в жизни случай, когда вы не знали, куда обратиться? Вам угрожала смерть, убийство? Или, может…

«Ах ты, камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!»

В этот момент к стоянке подлетел обществен-

ный прыгун. Рич нырнул в него и скрылся.

> ***Тэйт Ричу:*** *Полиция всерьез занялась поисками Грэхема. Вся их лаборатория ищет оценщика. Не знаю, что там взбрело Пауэлу в голову, но он явно взял фальшивый след. По-моему, наш коэффициент безопасности возрастает.*
>
> ***Рич Тэйту:*** *Мы сможем чувствовать себя спокойно только тогда, когда найдем девушку.*

Маркус Грэхем скрылся в неизвестном направлении, задав немало хлопот шести недоделанным роботам-следопытам. Их недоделанные создатели ринулись каждый вслед за своим детищем в разные части солнечной системы. Маркус Грэхем тем временем прибыл на Ганимед, где на аукционе антикварных книг, проводимом с бешеной скоростью щупачом-аукционщиком, его застукал Пауэл. Примитивные старинные книги, распродававшиеся с аукциона, были получены из библиотеки «Дрейка», обширного поместья, унаследованного Беном Ричем от матери. Их появление на книжном рынке явилось полной неожиданностью.

Пауэл побеседовал с Грэхемом в фойе аукцио-

на, расположенного против хрустальной стены космического порта. Вокруг простиралась арктическая тундра Ганимеда, и почти все черное небо заполнял перепоясанный красновато-коричневый силуэт Юпитера. Затем Пауэл отправился обратно на Землю, и за две недели пути чары красотки-стюардессы заставили Нечестивого Эйба проявить себя не с лучшей стороны. Пауэл вернулся в свою штаб-квартиру в довольно подавленном настроении, и Фигли, Мигли и Провернулл скабрезно перемигивались.

Пауэл секретарям: *Номер пустой. Не знаю, для чего понадобилось Ричу спроваживать оценщика на Ганимед.*

Бек Пауэлу: *Что выяснилось насчет книги?*

Пауэл Беку: *Рич купил ее, отослал на оценку и преподнес в подарок. Книга была в скверном состоянии, поэтому единственной игрой, которую могла выбрать Мария, оказались «Сардинки». Для Моза этого, конечно, недостаточно. Уж я-то знаю, как работают мозговые извилины этой машины. Вот черт!*

И где, наконец, девушка?

Трое переодетых в штатское агентов один за другим попытались подъехать к мисс Даффи Уиг, один за другим были разбиты наголову и с позором удалились. Тогда за дело принялся сам Пауэл и, встретившись с мисс Уиг на «бале» 4000, совершенно очаровал ее.

> ***Пауэл сотрудникам:*** *Я говорил с Эллери Уэстом из «Монарха», и он подтверждает показания мисс Уиг. Уэст и в самом доле жаловался Ричу на картежников. Похоже, что Рич случайно подцепил этот мыслеблок, когда заказывал антикартежные куплеты. Что выяснено о штуковине, которой Рич заколдовал охрану? И где эта девушка?*

В ответ на злобные нападки и насмешки прессы комиссар Крэбб устроил пресс-конференцию для избранного круга журналистов, которым сообщил, что криминалистическими лабораториями разработана новая техника расследования. Это позволит, сказал комиссар Крэбб, справиться с делом де Куртнэ в двадцать четыре часа. Фотографический анализ зрительного пурпура, находящегося в глазу покойника, позволит воспроизвести портрет убийцы. Ученые, работа-

ющие над проблемой родопсина, будут опрошены полицией.

Рич, которому совсем не улыбалось, чтобы допросу полицейских подвергся Уилсон Джордан, физиолог, создавший для «Монарха» ионизатор родопсина, позвонил Кено Киззарду и попросил помочь ему выманить доктора за пределы планеты. Чтобы это осуществить, Рич изобрел одну уловку.

— У меня есть именье на Каллисто, — сказал он. — Я ликвидирую свое право владения и подстрою так, что юридически Джордан сможет претендовать на него.

— А я его об этом извещу? — брюзгливо спросил Киззард.

— Нет, лучше действовать не так открыто, Кено. Чтобы не наследить, сделаем так: вы позвоните Джордану, притворившись, что хотите нагреть на этом деле руки. А остальное пусть он выясняет сам.

Вскоре после этого разговора Уилсону Джордану позвонил какой-то неизвестный и с деланным равнодушием брюзгливым голосом спросил, не продаст ли доктор Джордан по умеренной цене свою долю поместья «Дрейк» на Каллисто. Брюзгливый голос показался подозрительным доктору

Джордану, отродясь не слыхавшему о поместье «Дрейк», и он позвонил своему адвокату. Так он узнал, что только что сделался претендентом на полмиллиона кредиток. Через час ошеломленный физиолог вылетел на Каллисто.

> ***Пауэл секретарям:*** *Одного мы спугнули. Думаю, что именно от Джордана мы сможем узнать все связанное с родопсином. Доктор Джордан — единственный из ученых, работающих в области глазной физиологии, который скрылся после заявления, сделанного на пресс-конференции комиссаром Крэббом. Передайте Беку приказ разыскать Джордана на Каллисто и все выяснить. Что слышно о девушке?*

Между тем давно уже неприметно включилась в работу вторая линия операции «Недотепа и Ловкач». В то время, когда Рич, посмеиваясь, наблюдал за перипетиями панического бегства Марии, из юридического одела «Монарха» весьма искусно выманили на Марс молодого способного адвоката и втихомолку придержали его там, предъявив устарелое, но не утратившее законной силы обвинение в безнравственности. Служебные обязанности молодого юриста выполнял тем

временем двойник, с которым они были схожи как две капли воды.

> ***Тейт Ричу:*** *Проверьте ваш юридический отдел. Не могу прощупать, что там происходит, но дело нечисто. Это опасно.*

Под предлогом текущей проверки Рич пригласил эспер-инспектора-1 по определению квалифицированности кадров и установил подмену. Тогда он обратился к Кено Киззарду. Слепой крупье сыскал субъекта, который тут же подал в суд жалобу на способного молодого юриста за злоупотребление служебным положением. Так безболезненно и благовидно была пресечена связь двойника с «Монархом».

> ***Пауэл секретарям:*** *А, черт! Снова опростоволосились. Рич захлопывает у нас прямо перед носом все двери. Продолжаем операцию «Недотепа и Ловкач». Узнайте, кто добывает для него сведения, и, кстати, узнайте наконец, где эта девушка.*

Пока переодетый в штатское сержант с благо-

приобретенной азиатской физиономией рылся в бухгалтерских отчетах «Монарха», в лабораторию компании вернулся из больницы пострадавший во время взрыва сотрудник. Он возвратился на неделю раньше срока, и хотя был весь в бинтах, стремился поскорее приступить к работе. Добрый старый «монархистский» дух.

> ***Тейт Ричу:*** *Я наконец их раскусил. Пауэл не так глуп. Он ведет расследование по двум линиям параллельно. Не обращайте внимания на ту, что заметна. Следите за скрытой. Я прощупал, что с больницей что-то нечисто. Проверьте.*

Рич проверил. Проверка заняла три дня, а затеи он снова позвонил Кено Киззарду. Сразу же после этого в лабораторию «Монарха» наведались взломщики, которые унесли с собой на 50 тысяч кредиток лабораторной платины, перевернув вверх дном и приведя в негодность секретный отдел. Вскоре выяснилось, что забинтованный энтузиаст-лаборант оказался самозванцем, его разоблачили и как сообщника грабителей передали в руки полиции.

> ***Пауэл сотрудникам:*** *Иными словами,*

нам не удалось доказать, что Рич ваял ионизатор родопсина из своей собственной лаборатории. Ума не приложу, как ему удалось разловкачить нашего Ловкача? Обе наши линии слежки перекрыты. И где, наконец, девушка?

В то время как Рич потешался над нелепой погоней роботов за Маркусом Грэхемом, дирекция «Монарха» приветствовала континентального налогового инспектора, эспера-2, давно уже собиравшегося обследовать документацию компании «Монарх. Предприятия общественного пользования, инкорпорейтид». В числе помощников инспектора была щупачка, состоявшая при шефе в качестве «негра», — она писала для него отчеты. Эта особа привыкла выполнять специальные задания… главным образом задания полиции.

Тэйт Ричу: *Помощники нашего инспектора не вызывают у меня доверия. Будьте осторожней.*

Рич злорадно усмехнулся и передал помощникам инспектора открытую документацию. После этого он отправил своего старшего шифровальщика Хэссопа в обещанный отпуск на Космическую

Ривьеру. Хэссоп любезно согласился прихватить с собой среди обычных фотопринадлежностей маленькую кассету с проявленной пленкой. В кассете содержалась секретная документация «Монарха», помещенная в термоизоляционную оболочку. Чтобы не испортить запись, пленку следовало вынимать совершенно особым способом. Единственный запасной экземпляр пленки находился в доме Рича, в его недоступном сейфе.

> ***Пауэл сотрудникам:*** *Пожалуй, это конец. Но все-таки пошлите вслед за Хэссопом два хвоста — Ловкача и Недотепу. Возможно, он увез с собой серьезные улики, и Рич, наверно, позаботился, чтобы они не попали и нам в руки. Полный провал, скажу я вам. Старина Моз наверняка скажет то же самое. Да вы и сами видите. Силы небесные! Куда же, наконец, девалась чертова девчонка?*

Как на анатомической схеме кровеносной системы, где артерии нарисованы красным, а вены — синим, по городу раскинулись две сети — заброшенная Пауэлом и заброшенная Ричем. Ректорат Эспер Лиги сообщил приметы Барбары де Куртнэ инструкторам и студентам, те передали

их своим друзьям, затем друзьям друзей, знакомым, сослуживцам. Из казино Киззарда запрос пошел гулять от крупье к игрокам, к шулерам и к гангстерам, к мелким воришкам, к хулиганам и жуликам и их дружкам, еще не успевшим перешагнуть грани закона.

В пятницу утром Фред Дил, эспер-3, проснулся, встал, принял душ, позавтракал и отправился на службу. Он работал старшим дежурным по этажу в Межпланетном банке на Мейден-Лейн, обменивающем марсианскую валюту. На станции пневматической дороги Фред задержался, чтобы купить сезонку, и перекинулся словцом с девушкой из справочного, эспер-3, которая сообщила ему о поисках Барбары де Куртнэ. Ее телепатически переданный портрет запечатлелся в его памяти как моментальный фотоснимок — головка, обрамленная кредитными билетами.

В пятницу же утром Сним Ази проснулся, разбуженный громкими воплями: хозяйка дома Чука Фруд требовала, чтобы Сним заплатил наконец за квартиру.

— Да отстань ты, Чука, — отругивался Сним. — Мало, что ли, ты гребешь монет с этой своей желтоволосой психой, которую ты намедни подцепила? Этот наш рэкет с привидениями в

подвале — чистые золотые прииски. Чего ж ты от меня-то хочешь?

Чука Фруд возразила на это, что а) девушка с желтыми волосами совсем не сумасшедшая, она настоящий медиум; б) сама она (Чука) не занимается рэкетом, она гадалка с патентом; в) если он (Сним) не рассчитается сегодня же за кров и хлеб, которыми бесплатно пользовался полтора месяца, то она (Чука) сумеет предсказать его судьбу без всяких затруднений. Сним вылетит на улицу.

Сним вылез из постели и, так как был уже одет, сразу отправился в город раздобыть несколько кредиток. Было еще слишком рано для того, чтобы идти в казино к Киззарду и пытаться что-то выклянчить у более удачливых клиентов. Сним хотел проехать «зайцем» на «пневматичке», но щупач-кондуктор его выгнал, и пришлось идти пешком. До ссудной кассы Джерри Черча был порядочный конец, зато в кассе лежало заложенное Снимом золотое карманное пианино, украшенное жемчужинками, и он надеялся упросить Джерри выплатить ему еще хоть соверен в счет залога.

Черч куда-то ушел по делу, а приказчик ничего не мог сделать для Снима. Они немного поболтали. Сним поплакался приказчику на старую

каргу хозяйку — сама купается в деньгах с тех пор, как завернула этот свой новый гадальный рэкет с призраками, да еще его пытается доить. Толстокожий приказчик не раскошелился даже на чашку кофе. Сним ушел.

Когда в кассу ненадолго заглянул Джерри Черч, весь день как безумный колесивший по городу в поисках Барбары де Куртнэ, приказчик рассказал ему о посещении Снима и об их разговоре. То, чего приказчик не смог рассказать, Черч прощупал. Чуть не свалившись в обморок, он с трудом добрел до телефона и позвонил Ричу. Рича нигде не было. Черч судорожно перевел дыхание и позвонил Кено Киззарду.

Снима тем временем начинало охватывать чувство отчаяния. Оно и натолкнуло его на шальную мысль — попытать счастья в каком-нибудь банке. Сним поплелся на Мейден-Лейн. Будучи человеком недалеким, он избрал полем своей деятельности Межпланетный банк, где обменивалась марсианская валюта. Банк выглядел старомодным и провинциальным. Сним не знал, что только очень богатые и могущественные учреждения могут позвонить себе иметь неказистый вид.

Сним вошел в банк, пересек заполненный

людьми центральный зал, направляясь к конторкам, которые длинным рядом выстроились против касс, и потихоньку стащил толстую пачку бланков и авторучку. Когда Сним выходил из банка, Фред Дил мельком взглянул на него и небрежно махнул рукой своим подручным.

— Видали поганца? — Он указал на Снима, проскользнувшего через главный вход. — Этот тип собирается провернуть махинацию с «перерасчетом».

— Задержать его, Фред?

— А что толку? Не выйдет у нас, он полезет куда-то еще. Пока не вмешивайтесь. Возьмем его с поличным, тогда хоть будет за что его притянуть. Пусть отдохнет, голубчик. В Кингстоне места хватит.

Не подозревая об этом разговоре, Сним притаился у входа в банк, внимательно наблюдая за кассами. У кассы Z стоял какой-то важный господин. Кассир вручал ему крупные пачки бумажных денег. Вот бы эту «рыбку» ему на крючок. Сним торопливо сбросил пиджак, закатал рукава рубахи и сунул ручку за ухо.

Когда «рыбка», пересчитывая деньги, выплыла из банка, Сним незаметно подкрался сзади и тронул свою жертву за плечо.

— Извините, сэр, — заговорил он бойко. — Я из отдела Z. Боюсь, что наш кассир по ошибке обсчитал вас. Вы, может быть, вернетесь, чтобы мы произвели пересчет? — Помахивая пачкой бланков, Сним грациозно вымел деньги из-под «рыбкиного» плавника и повернулся ко входу в банк. — Пожалуйте сюда, сэр, — пригласил он услужливо. — Вам недодали целую сотню кредиток.

Когда удивленный вкладчик двинулся следом за ним, Сним деловито прошмыгнул в зал и, смешавшись с толпой, направился к боковому выходу. Он бы наверняка успел благополучно смыться, прежде чем «рыбка» уразумела, что попалась на удочку. Но тут вдруг чья-то грубая рука сграбастала Снима за шиворот, резко крутнула, и он оказался лицом к лицу с дежурным по этажу. В одно мгновение в смятенном сознании Снима промелькнули потасовка, побег, взятка, суд. Кингстонский госпиталь, старая сука Чука Фруд со своей желтоволосой призрачной девкой, карманное пианино и тот ротозей, у которого он его свистнул. Потом он скис и расплакался.

Щупач-дежурный отшвырнул его к другому служащему в форме и закричал:

— Подержите-ка его, ребята! Ну, братцы, я раз-

богател!

— За этого огарка полагается награда, Фред?

— Не за него. За то, что у него в башке. Я иду звонить в Лигу.

В конце дня в пятницу, почти в один и тот же момент Бен Рич и Линкольн Пауэл получили совершенно одинаковое сообщение: девушку, соответствующую описанию Барбары де Куртнэ, можно найти у гадалки Чуки Фруд 99, Бастион Уэст Сайд.

9

Знаменитый Бастион Уэст Сайд, последний оплот американцев во время осады Нью-Йорка, решено было сохранить в качестве памятника войны. Десять акров изувеченной земли должны были до скончания веков служить горькой эпитафией безумству, породившему последнюю войну. Но последняя война, как водится, оказалась предпоследней, и мало-помалу бездомный люд заселил и приспособил для жилья руины, превратив разрушенные здания и выжженные переулки Бастиона Уэст Сайд в какие-то фантастические трущобы.

Номер 99 представлял собой выпотрошенное помещение керамической фабрики. Снаряды, рвавшиеся один за другим среди многотысячного скопления синтетической керамики, расплавили сосуды и расплескали вокруг яркую радужную массу, превратив внутренность дома в подобие лунного кратера. В каменные стены вплавились желтые, ярко-красные, фиолетовые, бирюзовые и бурые гигантские кляксы. Извергнутые из дверей и оков оранжевые, малиновые и пурпурные

струи исполосовали размашистыми мазками ближние мостовые и развалины. Это здание и стало Радужным Домом Чуки Фруд.

Верхние этажи кое-как починили, настроили перегородок и превратили эту часть здания в составленный из множества каморок лабиринт, такой запутанный и сложный, что ориентироваться в нем могла лишь Чука, да и та порою путалась. Ловить здесь кого-нибудь было совершенно безнадежным делом, так как, перебираясь из ячейки в ячейку, беглец мог о легкостью скрываться от своих преследователей до тех пор, пока у них не кончится терпение. Эта необычность планировки ежегодно приносила Чуке немалый доход.

Нижние этажи были отведены под знаменитый «Парадиз», куда стекались люди, наделенные всеми возможными пороками, и где их принимал квалифицированный консультант, который за достаточную сумму находил способ удовлетворить всех алчущих, а временами изобретал и новые пороки для пресыщенных. Но самой доходной частью предприятия являлся подвальный этаж дома, где жила Чука Фруд.

Обстрелы, превратившие здание в радужный кратер, растопили всю имевшуюся на заводе

керамику, металл, пластик и стекло. Расплавленная смесь просачивалась с этажа на этаж и наконец скопилась в подвале, где залила весь пол и, затвердев, образовала светящуюся кристаллическую массу, откликающуюся странным ноющим звуком на каждое движение и шум.

Путь к Бастиону был небезопасен, но игра стоила свеч. Вы пробирались по кривым переулкам, пока не натыкались на оранжевую полосу, зигзагами устремлявшуюся к дверям Радужного Дома Чуки. У порога вас встречал чопорный мужчина в парадном костюме двадцатого века и спрашивал: «Парадиз или предсказание, сэр?» Если вы отвечали: «Предсказание», вас вели к двери какого-то склепа, взимали огромную плату и вручали фосфорную свечу. Дерзка ее в поднятой руке, вы спускались по крутой каменной лестнице. У основания лестница круто поворачивала, и вашим глазам представал длинный и широкий сводчатый погреб, залитый озером поющего огня.

Вы ступали на поверхность озера. Она была гладкой и скользкой. Под поверхностью мягко искрились и мерцали сполохи северного сияния. Кристаллическая гладь озера отзывалась на каждый шаг приглушенными мелодичными аккордами, которые долго трепетали в воздухе,

подобно тому как разливается звон бронзовых колокольчиков. Даже если вы сидели неподвижно, озеро продолжало петь, откликаясь на вибрации, доносившиеся с отдаленных улиц.

На каменных скамьях, расположенных вдоль стен, уже дожидались другие клиенты, каждый с фосфорной свечой в руке. Они сидели присмиревшие, испуганные, и у зрителя внезапно возникала мысль, что они похожи на святых

— окружены сиянием, и каждое их движение сопровождает музыка. Свечи сияли как звезды в морозную ночь.

Жгучая, трепещущая тишина захватывала вас, и вы ждали молча, пока не раздавался звон серебряного колокола. Он повторялся вновь и вновь, озеро откликалось на этот звон мелодией и переливами внезапно сделавшихся ослепительно яркими сполохов. И вот в каскаде пламенеющей мелодии в подвал входила Чука Фруд и направлялась на середину озера.

— И тут иллюзия кончается, — пробормотал Линкольн Пауэл.

Лицо у Чуки было грубое: толстый нос, пустые глава, бесформенный рот. Яркие сполохи, которые пробегали по ее лицу и фигуре, плотно закутанной в какую-то хламиду, не могли скрыть

того, что старуха при всем своем незаурядном честолюбии, изобретательности и жадности совершенно лишена проницательности и чутья.

«Может, она хоть играть умеет», — подумал Пауэл.

Чука остановилась на середине озера — вульгарная трущобная Медуза — и задрала вверх руки, должно быть стараясь вложить в этот жест мистическую властность.

«Нет, и играть не умеет», — заключил Пауэл.

— Я пришла сюды, — хриплым голосом нараспев завела Чука, — чтобы помочь вам заглянуть в глубину ваших сердец. Все вы пришли сюды из-за того, что чего-то хочете. Пусть заглянет к себе в сердце и та, что хочет… — Чука замялась, потом продолжала: — Хочет отомстить человеку с Марса по имени Зерлен… и тот, кто хочет иметь любовь с красноглазой женщиной с Каллисто… и тот, кто хочет получить все кредитки богатого дядюшки из Парижа… и тот…

«Вот так номер! Бабка-то щупачка!»

Чука оцепенела, разинув рот.

«Ты принимаешь мои мысли, так ведь, Чука Фруд?»

От испуга ее телепатический отклик был бессвязным, отрывочным. Чука явно никогда не

тренировала свой природный дар.

— Чево?... Как?... Это который... ты?

Очень тщательно, словно общаясь с третьеступенным младенцем, Пауэл проскандировал:

«Имя: Линкольн Пауэл. Занятие: префект полиции. Намерение: допросить девушку по имени Барбара де Куртнэ. Я слышал, что она участвует в твоем представлении».

Пауэл мысленно передал изображение девушки.

Чука сделала жалкую попытку заблокироваться.

«Уйди отсюда. Вон! Уходи вон! Уйди! Уйди вон! Вон...»

«Почему ты не явилась в Лигу? Почему не общаешься со своими?»

«Вон отсюда! Уходи! Щупач! Пошел вон!»

«Ты тоже щупачка. Отчего ты не пришла к нам учиться? Разве это жизнь? Шаманство... Заглядываешь разным дуракам в мозги и изображаешь гадалку. У нас для тебя нашлась бы настоящая работа, Чука».

«Настоящие деньги?»

Пауэл подавил закипевшее в нем раздражение. Он сердился не на Чуку. Его возмущала безрассудная сила эволюции, которая наделяла людей

все большим могуществом, не освобождая их от пороков, мешающих воспользоваться этим могуществом.

«Мы поговорим об этом позже, Чука. Где девушка?»

«Нету. Никакой девушки нету».

«Не глупи. Прощупаем твоих клиентов вместе. Вот, например, этот старый козел, помешанный на красноглазой…» — Пауэл осторожно его исследовал. — «Он здесь уже бывал. Он знает, когда появится Барбара де Куртнэ. Ты наряжаешь ее в платье с блестками. Она должна здесь появиться через полчаса. Ему приятно на нее смотреть. Когда ока тут появляется, его в жар бросает. Ее платье распахивается, обнажая тело, и ему это нравится. Она…»

«Он ненормальный. Я никогда…»

«Теперь женщина, с которой так по-свински обошелся человек по имени Зерлен. Она не раз видела девушку. Она ей верит. Ома ждет ее. Где эта девушка, Чука?»

«Нету!»

«А, понятно! Наверху. Где именно наверху? Не пробуй заслоняться, я прощупываю глубже. Ты не можешь наврать первому… Ага, так, так… Четвертая комната влево от поворота. Ну и

запутанный же у тебя лабиринт! А ну-ка еще раз для верности...»

Беспомощная и униженная, Чука вдруг завопила:

— Пошел вон отсюда, чертов фараон! Убирайся!

— Не нужно сердиться, — сказал Пауэл. — Я ухожу.

Он встал и вышел.

Весь этот телепатический допрос длился одну секунду, именно ту секунду, в учение которой Рич, спускавшийся в подвальный этаж, передвинулся с восемнадцатой до двадцатой ступеньки. Рич услышал яростный вопль Чуки и ответ Пауэла. Он тут же повернулся и побежал наверх.

Проскользнув мимо привратника, он сунул ему в руку соверен и прошипел:

— Меня здесь не было. Понятно?

— У нас здесь никогда никого не бывает, мистер Рви.

Рич торопливо обошел «Парадиз». *«Ах ты камбала, не вобла! Смотри в оба! Смотри в оба!»* Не обращая внимания на девиц, которые резными способами пытались соблазнить его, Рич добрался до видеотелефона-автомата и набрал ВД-12,232. На экране появилась встревоженная

физиономия Черча.

— Ну что там, Бен?

— Мы погорели. Здесь Пауэл.

— Боже мой!

— Куда девался Киззард?

— Разве он не с вами?

— Я не могу его найти.

— Мне казалось, что он там, в подвале… Он…

— В подвале только что был Пауэл и прощупал Чуку. В том, что там не было Киззарда, можете не сомневаться. Где его черти носят?

— Не знаю, Бен. Они с женой ушли в…

— Слушайте, Джерри. Пауэл, наверное, узнал, где девушка. Но, если постараться, я бы сумел опередить его минут на пять. Я рассчитывал, что мне поможет Киззард. Но его нигде нет — ни в подвале, ни в «Парадизе».

— Значит, он наверху, в «крольчатнике».

— Как раз туда я и хотел подняться. Кстати, вы не знаете кратчайший путь к «крольчатнику»? Мне нужно оказаться там раньше Пауэла.

— Если Пауэл прощупал Чуку, то ему известен и кратчайший путь.

— Наверно, да. Хотя чем черт не шутит! Все его мысли были сосредоточены на девушке. Я, пожалуй, рискну…

— Тогда слушайте. За парадной лестницей есть мраморный барельеф. Поверните голову женщины, изображенной на барельефе, направо. Тела раздвинутся, и вы увидите дверь пневматического лифта.

— Прекрасно.

Рич отключил «видео», вышел из кабины и побежал к парадной лестнице. Спустившись по мраморным ступенькам, он нашел барельеф, торопливо повернул голову женщины, и тела на барельефе плавно разомкнулись. Показалась стальная дверца. На ней была укреплена вертикальная панель с кнопками. Рич нажал верхнюю, распахнул дверь и шагнул в открытую шахту. Тотчас в его подошвы ударилась выскочившая снизу металлическая плита и сжатый воздух со свистом подбросил его на восемь этажей вверх. Магнитный тормоз удерживал плиту, пока Рич открывал дверь шахты и выходил из лифта.

Он оказался в коридоре, который шел влево от лифта, с наклоном вверх примерно в тридцать градусов. Пол был устлан брезентом. На потолке то вспыхивали, то гасли радоновые шарики. В коридор выходило много дверей, все без номеров.

— Киззард! — крикнул Рич.

Ответа не было.

— Кено Киззард!

Опять молчание.

Рич побежал по коридору и где-то в середине наугад толкнулся в одну из дверей. За дверью оказалась узкая комнатушка, вся занятая овальной гидропатической кроватью. Рич споткнулся о край кровати и упал. Он пополз по пенистому матрасу к противоположной двери, толкнул ее и кубарем скатился за порог. Рич оказался на площадке лестницы, ведущей вниз к круглому холлу, в который выходило несколько дверей. Он торопливо сбежал вниз и остановился, шумно дыша и растерянно глядя на окружающие его двери.

— Киззард! — закричал он снова. — Кено Киззард!

Кто-то невнятно отозвался. Резко повернувшись, Рич бросился к двери и, распахнув ее, чуть не налетел на женщину с красными, как у альбиноски, глазами — результат пластической операции. Она ни с того ни с сего расхохоталась, потом подняла кулаки и ударила его по лицу. Растерянный, он заморгал, попятился и, наверное, нащупал ручку не той двери, через которую вошел, а какой-то другой, поскольку очутился теперь уже не в холле. Его ноги увязли в толстом и мягком, как стеганое одеяло, пластике. Рич

растянулся навзничь, успев захлопнуть дверь, и так больно ударился головой о край изразцовой печки, что все поплыло у него перед глазами.

Когда его зрение прояснилось, он увидел прямо перед собой разъяренную физиономию Чуки Фруд.

— Какого черта ты вломился ко мне в комнату? — пронзительно заорала Чука.

Рич быстро вскочил.

— Где она? — спросил он.

— Катись отсюда к дьяволу, Бен Рич!

— Я спрашиваю, где она? Где Барбара де Куртнэ? Куда ты ее спрятала?

Чука взвизгнула:

— Магда!

В комнату вошла красноглазая. Она держала в руке нейронный дезинтегратор. Женщина все еще хохотала, но ее рука не шевелилась, и пистолет, нацеленный прямо в голову Рича, ни разу не дрогнул.

— Пошел вон отсюда! — повторила Чука.

— Мне нужна эта девушка, Чука. Я должен увидеть ее прежде, чем до нее доберется Пауэл. Где она?

— Магда, выстави его отсюда! — завизжала Чука.

Рич тыльной стороной ладони ударил Магду по глазам.

Она упала, выронила пистолет и судорожно задергалась в углу, продолжая смеяться. Даже не глянув в ее сторону, Рич поднял пистолет и приставил его к виску Чуки.

— Где девушка?

— Пошел ты к черту, ты…

Рич сдвинул курок до первой отметки. На нервную систему Чуки обрушилось низкочастотное излучение. Старуха одеревенела, затряслась, ее кожа заблестела от пота. И все же она продолжала отрицательно качать головой. Рич передвинул курок к следующей отметке. Теперь все тело Чуки колотила мучительная, лихорадочная дрожь. Ее глаза полезли из орбит. Она глухо урчала, как замученное животное. Рич продержал ее так пять минут и отпустил курок.

— Третья отметка — смерть, — сказал он. — Там стоит большая буква «С». Мне ведь на все наплевать, Чука. Если я не найду девушку, Разрушение неминуемо. Так где она?

Чука была почти полностью парализована.

— Там… за дверью, — проскрипела она. — Четвертая комната… за поворотом.

Рич выпустил ее, и старуха свалилась на пол.

Выскочив из спальни, Рич увидел винтовую лестницу, поднялся вверх, повернул влево, отсчитал три двери и остановился перед четвертой. Он прислушался на миг. За дверью было тихо. Толкнув дверь, он вошел в комнату. Он увидел пустую кровать, туалетный столик, пустой шкаф и один-единственный стул.

— Одурачили! А, чтоб вам! — крикнул он.

Он подошел к кровати. Казалось, ею никто не пользовался. Шкафом тоже. Однако, прежде чем уйти, Рич потянул к себе средний ящик. В нем оказался шелковый, серебрящийся, как иней, халатик и испещренный пятнами стальной предмет, похожий на какой-то зловещий цветок. Это был револьвер, орудие убийства.

— Господи! — прошептал он. — Господи боже мой!

Он схватил револьвер и оглядел его. В барабане по-прежнему лежали холостые патроны. Тот, что вышиб затылок Крэя де Куртнэ, все еще оставался на месте, прижатый ударником.

— С Разрушением пока что можно погодить, — пробормотал Рич. — Дудки! Клянусь богом, вам до меня не добраться.

Он сложил нож-револьвер и спрятал в карман. В это мгновение до него издали донесся смех…

брюзгливый, поганенький смех. Это смеялся Киззард.

Рич быстро направился к винтовой лестнице и, прислушавшись, пошел туда, откуда доносился смех. Он увидел нишу и в ней обитую плюшем дверь на медных петлях. Дверь была широко открыта. Рич вошел, держа наготове нейронный дезинтегратор с курком, поставленным на большое «С». Послышалось шипение сжатого воздуха, и дверь затворилась.

Рич оказался в маленькой круглой комнате. Ее стены и потолок были обтянуты черным бархатом, но сквозь прозрачный хрустальный пол отлично можно было разглядеть будуар, находившийся этажом нимбе. Чука пользовалась этой комнаткой, чтобы наблюдать за посетителями «Парадиза».

В будуаре в мягком кресле сидел Киззард, его невидящие глаза блестели, он держал па коленях Барбару де Куртнэ. На девушке было причудливое одеяние с блестками и большим разрезом. Ее желтые волосы были гладко причесаны, глубокие темные глаза смотрели безмятежно, она сидела смирно, не замечая грубых ласк крупье.

Возле стены стояла маленькая увядшая женщина с измученным лицом. Это была жена

Киззарда.

Рич выругался и поднял пистолет. Из нейронного пистолета можно убить и сквозь хрустальный пол. Из него можно убить сквозь что угодно. И сейчас он это сделает. В этот момент в будуар вошел Пауэл.

Женщина сразу же его увидела. Со страшным криком «Кено, спасайся! Беги!» она бросилась к Пауэлу и вцепилась в него, стараясь выцарапать ему глаза.

Потом она споткнулась и упала. Падая, она, наверное, лишилась сознания, потому что так и осталась лежать на полу, совершенно неподвижная. Киззард встал было с девушкой на руках, вытаращив свои слепые глаза, и тут Рич с ужасом понял, что женщина упала не случайно: Киззард тоже, не успев и шагу сделать, свалился. Девушка выпала из его рук и опустилась в кресло. Пауэл, несомненно, применил какой-то телепатический прием, и в первый раз за время их единоборства Рич почувствовал, что боится Пауэла… боится самым примитивным образом. Он снова поднял пистолет, целясь на этот раз в голову Пауэла, направлявшегося к креслу.

— Здравствуйте, мисс де Куртнэ, — сказал Пауэл.

— До свиданья, мистер Пауэл, — пробурчал Рич, стараясь унять дрожь в руке, держащей дезинтегратор.

— Как вы себя чувствуете, мисс де Куртнэ? — спросил Пауэл, и, так как девушка молчала, он нагнулся и, внимательно посмотрев ей в лицо, встретил ее безмятежный, ничего не выражавший взгляд. Он тронул ее за руку и повторил:

— Как вы себя чувствуете, мисс де Куртнэ? Мисс де Куртнэ! Вам нужна помощь?

При слове «помощь» девушка выпрямилась в кресле и замерла, как бы прислушиваясь. Потом соскочила на пол. Она пробежала мимо Пауэла, внезапно остановилась и сделала такое движение, будто хватается за ручку двери. Она повернула ручку, распахнула воображаемую дверь и бросилась вперед. Ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от испуга — ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

Она кинулась вперед, но вдруг остановилась как вкопанная, шагнула назад, потом, вскрикнула, попробовала забежать сбоку. Отскочив, будто спасаясь от удара, она заметалась, отчаянно крича:

— Нет! Не надо! Ради всего святого! Папа!

Потом она снова вернулась на то же место и пыталась вырваться из невидимых рук, которые ее удерживали. Она боролась и кричала, все время глядя в одну точку прямо перед собой, и вдруг замерла, прижав к ушам ладони, как будто рядом с ней раздался нестерпимо громкий шум. Она упала на колени и, застонав как от боли, поползла по полу. Потом остановилась, прильнула к чему-то невидимому, лежащему на полу, и застыла молча, а ее лицо вновь стало кукольно безмятежным и мертвым.

Рич понял, что все это значит, и похолодел. Девушка только что воспроизвела всю сцену гибели своего еще. Воспроизвела ее для Пауэла. И если Пауэл сумел прочесть все остальное…

Пауэл подошел к девушке и поднял ее. Она встала грациозно, как танцовщица, безмятежно, как Сомнамбула. Поддерживая девушку, Пауэл повел ее к дверям. Они не видели Рича, не знали, что он держит их на мушке, а он выжидал удобного момента. Один выстрел, и ему уж ничто не грозит. Пауэл открыл дверь, потом внезапно повернул девушку, прижал к себе и посмотрел вверх. У Рича перехватило дыхание.

— Ну чего же вы? — крикнул Пауэл. — Стреляйте, мишень хоть куда. Сразу избавитесь от обоих.

Стреляйте, чего там!

Краска гнева залила его худое лицо. Над темными глазами хмурились черные густые брови. С полминуты он в упор глядел на невидимого ему Рича, глядел дерзко, зло, без страха. Потом Рич опустил глаза и отвернулся, пряча лицо от взгляда человека, который не мог его видеть.

Пауэл вывел девушку — она была все так же послушна — из комнаты, тихо прикрыл за собой дверь, и Рич понял, что упустил шанс на спасение. Он был теперь на полпути к Разрушению.

10

Представьте себе испорченный фотоаппарат, который постоянно воспроизводит один кадр — тот самый кадр, фиксируя который аппарат поломался. Представьте себе исковерканный записывающий кристалл, который повторяет лишь одну музыкальную фразу, ужасную, незабываемую фразу.

— У нее состояние навязчивых воспоминаний, — так объяснил, сидя в гостиной у Пауэла, доктор Джимс из Кингстонского госпиталя внимательно слушавшим его Пауэлу и Мари Нойес. — Она реагирует только на ключевое слово «помощь» и воспроизводит сцену, с которой для нее связано какое-то ужасное воспоминание…

— Смерть отца, — сказал Пауэл.

— О? Тогда понятно. Что же касается остального… кататония.

— Это неизлечимо? — спросила Мэри Нойес.

Молодой доктор Джимс взглянул на Мэри с удивлением и возмущением. Хоть он и не был щупачом, но в Кингстонском госпитале считался одним ив самых способных молодых ученых и

был фанатически предан науке.

— В наше время, в наши дни? Сейчас нет ничего неизлечимого, мисс Нойес, за исключением физической смерти, но и над этой проблемой уже начали работать у вас в Кингстоне. Исследуя смерть с симптоматической точки зрения, мы приходим к выводу…

— В другой раз, доктор, — перебил Пауэл. — Сегодня лекция не состоится. Прежде всего дело. Как, по-вашему, могу я работать с этой девушкой?

— Каким образом?

— Обследовать ее телепатически.

Джимс задумался.

— А почему бы нет? Я лечу ее методом Deja Eprouve. Вам это не должно помешать.

— Метод Deja Eprouve? — переспросила Мэри.

— Величайшее изобретение, — взволнованно объяснил Джимс. — Его автор

— Гарт, один из ваших щупачей. Больной впадает в кататонию. Это бегство. Уход от действительности. Его сознание противится конфликту между окружающей реальностью и тем, что заложено в его подсознании. Отсюда стремление не существовать, перечеркнуть весь свой жизненный опыт, вернуться к зачаточному состоянию.

Вы меня понимаете?

Мэри кивнула:

— Пока да.

— Отлично. Deja Eprouve — старинный термин, введенный в употребление психиатрами в девятнадцатом веке. Буквально он означает: нечто уже пережитое, испытанное. Многие больные так горячо чего-то хотят, что в конце концов им и впрямь начинает казаться, будто они сделали или испытали то, к чему стремятся все их помыслы. Это понятно?

— Постойте, — неуверенно сказала Мэри. — Выходит, я…

— Ну вот, представьте себе, например, — оживленно перебил Джимс, — что вас одолевает жгучее желание… э-э, скажем, сделаться женой мистера Пауэла и матерью его детей. Так?

Мари вспыхнула и принужденно ответила:

— Так.

Пауэлу в этот момент ужасно захотелось вздуть доброжелательного нескладеху доктора.

— Так, — в блаженном неведении продолжал распространяться Джимс, — утратив равновесие, вы можете вообразить себе, что вышли замуж за Пауэла и родили ему троих детей. Это и будет Deja Eprouve. Наш метод состоит в том, что мы синте-

зируем для пациента искусственное Deja Eprouve. Например, помогаем сознанию этой девушки осуществить кататоническое стремление бежать от действительности. Желаемое делается реальным. Мы возвращаем ее разум назад к зачаточному состоянию и не препятствуем ей ощущать себя только что рожденной к новой жизни. Понятно?

— Понятно.

Мэри уже овладела собой и даже попыталась улыбнуться.

— Что же касается сознания, то пациент вторично, хотя и в ускоренном темпе, проходит через все стадии развития. Младенчество, детство, отрочество и, наконец, зрелость.

— Вы хотите сказать, что Барбара де Куртнэ превратится в младенца… будет снова учиться говорить… ходить?

— Именно так. На все это уйдет около трех недель. К тому времени как ее сознание достигнет уровня, соответствующего ее возрасту, она уже будет готова к восприятию реальности, от которой пытается сейчас спастись. Как говорится, созреет для этого. Но, как я уже объяснял, все эти перемены затронут лишь ее сознание. Глубже все останется без изменений. Вы можете обследовать ее телепатически. Беда лишь в том, что под

влиянием шока там, в глубине, все перепутано. Вам нелегко будет докопаться до того, что вас интересует. Но, конечно, вы специалист. Рано или поздно какой-то ключ вы подберете.

Доктор Джимс вдруг встал.

— Мне пора, — он направился к выходу. — Счастлив был помочь вам. Я всегда очень рад, если ко мне обращаются эсперы. Мне совершенно непонятна эта враждебность к вашему брату, которая с некоторых пор начала распространяться…

Доктор вышел.

«Гм-м. Многозначительное заявление под занавес».

«Что ты имеешь в виду, Линк?»

«Наш могущественный приятель Бен Рич… ведь это он поддерживает антиэсперовскую кампанию. Весь этот вздор — щупачи держатся особняком, им нельзя доверять, они не патриоты, устраивают межпланетные заговоры, едят детей, которых похищают у нетелепатов, и прочее».

«Какая гадость! И при этом тот же Рич поддерживает Союз Эспер-патриотов. Отвратительный, опасный человек».

«Опасный, но не отвратительный. В нем есть

обаяние, Мэри, и это делает его вдвойне опасным. Обычно ведь считается, что у злодея должен быть и вид злодейский. Что ж, надеюсь, мы все же успеем вовремя обезвредить его. Приведи сюда Барбару, Мэри».

Мари сходила на второй этаж за девушкой и, введя ее в гостиную, усадила на возвышение возле стены. Барбара села, невозмутимая, как статуя. Мэри переодела ее в голубой трикотажный спортивный костюм, зачесала назад белокурые волосы и подвязала их голубой лентой. Чистенькая и опрятная, Барбара напоминала красивую восковую куклу.

«Снаружи все прелестно, зато внутри… Мерзавец Рич!»

«Что еще он устроил?»

«Я уже говорил тебе, Мари. Там, в „крольчатнике“ у Чуки, когда я нащупал Рича, спрятавшегося на верхнем этаже, я решил преподнести ему тот же подарок, который перед этим сгоряча выдал Киззарду с женой…»

«А что ты сделал с Киззардом?»

«Это у нас называется ОНШ — „основательный неврошок“. Зайди как-нибудь в лабораторию, и мы тебе покажем. Одна из наших последних новинок. Если ты будешь держать экзамен на первую

ступень, тебе придется это освоить. Похоже на нейронный дезинтегратор, но психогенного характера».

«Это смертельно?»

«Ты забыла Завет Эспера? Конечно, нет».

«А ты сквозь пол нащупал Рича? Как это удалось тебе?»

«Телепатическое отражение. Между темной комнатой и будуаром были открытые акустические каналы. Рич этого не учел. Я уловил его телепатемы и, клянусь честью, всей душой надеялся, что он рискнет пальнуть. Его выстрел я предупредим бы добрым ОНШ и с блеском бы вошел в историю криминалистики».

«Почему же он не выстрелил?»

«Не знаю, Мэри, право, не знаю. Он считал, что у него есть предостаточно причин, чтобы убить нас Считал, что сам он в полной безопасности. Он не подозревал о неврошоке, хотя видел, как упали супруги Киззард, и это его ошеломило… И все же он не смог выстрелить в нас».

«Боялся?»

«Рич не трус. Он не боялся. Не мог, и все. Не знаю почему. Возможно, в следующий раз все сложится иначе. Поэтому я и оставил Барбару де Куртнэ у себя. Здесь ей ничто не угрожает».

«В Кингстонском госпитале ей тоже ничто не угрожало бы».

«Да, но там нет условий, нужных для работы, которую я должен проделать».

«?»

«В ее больном сознании завязла сцена убийства со всеми подробностями... Мне нужно по кусочкам выудить ее, и тогда Рич будет у меня в руках».

Мари встала.

«Мэри Нойес удаляется».

«Сядь, голубка моя. Зачем, по-твоему, я тебя пригласил? Ты будешь жить здесь вместе с этой девушкой. Ее нельзя оставлять одну. Вы можете поселиться в моей спальне, а я переберусь в кабинет».

«Линк, постой, не тарахти так. Тебя что-то смущает. Сейчас попробую отыскать щелочку в этом мыслеизвержении».

«Знаешь что...»

«Ага! Не пускаете, мистер Пауэл?» — Мэри засмеялись. — *«Тогда все ясно. Я понадобилась вам в качестве компаньонки. Викторианское слово, верно? Но ты и сам такой же, Линк. Типичный анахронизм».*

«Клевета. Меня считают очень современным в

самых пижонских кругах».

«А что это за образ промелькнул там? Батюшки, да ведь это рыцари Круглого стола. Сэр Галахад Пауэл. А глубже еще что-то спрятано. Я...» — Мэри вдруг перестала смеяться и побледнела.

«Что ты там откопала?»

«Лучше не спрашивай».

«Ну, полно, Мэри».

«Забудь об этом, Линк. И не пытайся выщупать. Если ты сам не разобрался, то не стоит узнавать от постороннего лица. Тем паче от меня».

Он посмотрел на нее с любопытством, потом пожал плечами.

«Хорошо. В таком случае приступим к делу».

Он повернулся к Барбаре де Куртнэ и сказал:

— Помощь, Барбара.

Она тотчас же выпрямилась и замерла, как бы прислушиваясь, а он осторожно исследовал ее ощущения... Прикосновение постельного белья... издали донесся голос.

«Чей голос, Барбара?»

Она откликнулась из подсознания:

— Кто это спрашивает?

«Твой друг, Барбара».

— Тут никого нет. Я одна, совсем одна.

Одна, совсем одна она стремительно пробежала по коридору, распахнула дверь, влетела в багряно-золотую комнату и увидела…

«Что, Барбара?»

— Человек. Двое людей.

«Кто они?»

— Уйди. Прошу тебя, уйди. Мне неприятно слышать эти голоса. Один кричит. Он так страшно кричит.

Она и сама закричала, в ужасе шарахнувшись от кого-то, кто хотел схватить ее и оттащить от отца. Она увернулась и забежала сбоку…

«Что делает твой отец, Барбара?»

— Он… Постой… Откуда ты? Тебя здесь нет. Нас только трое здесь. Мы с отцом и… — кто-то третий, кто схватил ее и держит. Его лицо промелькнуло на миг и исчезло. Ничего не видно.

«Вглядись еще раз, Барбара. У него гладкие волосы. Большие глаза. Тонкий орлиный нос. Тонкие чувственные губы, похожие на шрам. Это тот человек, Барбара? Вот и я его подробно описал. Он это?»

— Да. Да. Да.

И все исчезло.

Девушка стояла на коленях, безмятежная, неживая, как кукла.

Пауэл вытер с лица пот и отвел Барбару к возвышению у стены. Он был потрясен, измучен… сильней, чем она. Истерическое состояние служило для девушки как бы амортизатором. У Пауэла не было такого амортизатора. Незащищенный, неприкрытый, он принял на себя ее испуг, панику, боль.

«Это был Бен Рич, Мэри. Ты тоже успела его разглядеть?»

«Линк, я оставалась там недолго. Не могла, сил не хватило».

«Это был он, вне всякого сомнения. Но мне неясно, как Бен Рич убил ее отца. Чем он его убил? Почему старик не защищался? Придется повторить все слова. Жаль мучить бедняжку…»

«А мне жаль смотреть, как мучаешься ты».

«Что поделаешь».

Он глубоко вздохнул и сказал:

— Помощь, Барбара.

Девушка снова выпрямилась и прислушалась. Он тут же принялся ей подсказывать:

«Потихоньку, дорогая моя. Не надо спешить. У нас много времени».

— Снова ты?

«Ты меня помнишь, Барбара?»

— Нет. Нет. Я не знаю тебя. Уходи.

«Но я ведь часть тебя. Вот мы вдвоем бежим по коридору. Ты видишь? Вместе открываем дверь. Вместе все гораздо легче. Мы друг другу помогаем».

— Мы?

«Да, Барбара, мы, нас двое — ты и я».

— Отчего же ты сейчас не помогаешь мне?

«Чем я могу тебе помочь?»

— Посмотри на отца! Помоги мне его остановить. Останови его. Останови. Что же ты не кричишь? Кричи! Меня никто не слышит! Бога ради, помоги мне!

И вдруг она опять опустилась на колени, безмятежная, неживая, как кукла.

Почувствовав, как кто-то тянет его за руку, Пауэл понял, что сам он последовал примеру Барбары. Распростертое на полу тело медленно исчезло. Исчезла комната, похожая на орхидею. Мэри Нойес пыталась его погонять.

— На этот раз ты выдохся первым, — сказала она жестко.

Пауэл покачал головой. Он наклонился к Барбаре де Куртнэ, но не сумел помочь ей. Он упал.

«Очень хорошо, сэр Галахад. Поостыньте немного».

Мэри поставила девушку на ноги и отвела к

возвышению. Потом вернулась и Пауэлу.

«Теперь могу помочь тебе. Как по-твоему, я парень что надо?»

«Ты очень мужественный человек, я бы это так назвал. Но не трать на меня времени, потому что мне сейчас нужно собраться не с силами, а с мыслями. Обнаружился неприятный сюрприз».

«Что ты нащупал?»

«Де Куртнэ хотел, чтобы его убили».

«Как так?»

«Да уж так. Он хотел умереть. Насколько я могу понять, он, возможно, даже сам и покончил с собой в присутствии Рича. Воспоминания Барбары очень невнятны. Этот вопрос надо выяснить. Я должен поговорить с врачом де Куртнэ».

«Он лечился у Сэма Экинса. Сэм и Салли несколько дней назад вернулись на Венеру».

«Тогда я должен вылететь туда же. Я успею на десятичасовой звездолет? Вызови такси».

Сам Экинс, эспер-1, доктор медицины, получал тысячу кредиток за час психоанализа. Всему свету было известно, что Сэм зарабатывает два миллиона кредитом в год, зато мало кто знал, сколько сил и здоровья растрачивает он на неимущих пациентов, которых лечит бесплатно. Сэм был одним из самых преданных борцов за осуществ-

ление перспективного воспитательного плана Лиги, убежденных в том, что телепатические способности не редкое свойство, что они присущи каждому живому организму и их можно развить путем упражнений.

Вот почему дом Сэма, расположенный в безводной пустыне неподалеку от Венусбурга, кишмя кишел неудачниками. Сэм призывал всех малоимущих переложить свои заботы на его плечи и, изыскивая способы помочь своим подопечным, одновременно силился раздуть в каждом из них телепатическую искру. Рассуждал он просто. Если исходить из того, что телепатические способности можно развить, упражняя не натренированные прежде мускулы, напрашивается вывод, что большинство людей оказались жертвой собственной лени или отсутствия благоприятных обстоятельств. Когда же человек попал в беду, лень для него недопустимая роскошь; и Сэм старался предоставить этим людям возможность поупражняться и проявить себя.

В результате он выявлял среди своих подшефных около двух процентов скрытых эсперов, то есть меньше, чем отбиралось в среднем в приемной Института Эспер Лиги. Сэма это не обескураживало.

Пауэл разыскал его в саду, где доктор Экинс, полагая, что занимается прополкой, безжалостно расправлялся с представителями местной флоры. Одновременно он беседовал с целой толпой пациентов, которые с унылым видом следовали за ним по пятам. Как всегда на Венере, было облачно, и яркий свет рассеивался, пробиваясь сквозь облака. Лысая голова Сэма отливала розовым. Он сердито покрикивал и на растения, и на людей.

— Чушь! Никакая это не светящаяся трава, а самый настоящий сорняк. Что я, по-вашему, сорняка не узнаю? Дайте тяпку, Бернард.

Низенький человечек в черном протянул ему тяпку и сказал:

— Меля зовут Уолтер, доктор Экинс.

— И в этом вся наша беда, — буркнул Экинс, извлекая из земли упругий красный клубень. Тот судорожно бросался из одной цветовой гаммы в другую и жалобно пищал, из чего следовало, что это не сорняк и не светящаяся трава, а совершенно фантастическое порождение природы — венерианский вербейник.

Экинс с неодобрением его разглядывал. Затем грозно посмотрел на человечка в черном.

— Семантическое бегство, Бернард. Вы ориентируетесь не на существо явления, а на ярлык.

В этом и состоит ваше бегство от реальности. От чего вы скрываетесь, Бернард?

— Я надеялся, что вы мне скажете это, доктор Экинс, — отозвался Уолтер.

Пауэл не торопился сообщать о своем присутствии, любуясь этим зрелищем. Оно напоминало патриархальную библейскую сцену. Раздражительный мессия Сэм, окруженный толпой смиренных учеников. Вокруг поблескивала испещренная кристалликами кварца каменистая почва, и во все стороны ползли пятнистые сухие растения. Над головой раскаленный перламутровый купол; а вдали, на сколько хватает глаз, красные, пурпурные и фиолетовые пустоши планеты.

…Экинс негодующе бросил Уолтеру-Бернарду:

— Вы напоминаете мне нашу рыжую. Кстати, где эта квазикуртизанка?

Хорошенькая рыжеволосая девушка пробралась вперед и жеманно произнесла:

— Я здесь, доктор Экинс.

— Я вижу, вы взыграли духом. Ярлычок, которым я вас наделил, для этого не основание, — хмуро осадил ее доктор и продолжил на телепатической волне: — *«Вы от себя в восторге только потому, что вы женщина, так ведь? В*

этом смысл вашего существования. — Я женщина, — говорите вы себе, — и оттого желанна для мужчин. Я знаю, что если бы я позволила, тысячи мужчин обладали бы мною, и я довольна. Это сознание делает меня реальной. — Вздор! Вам не удастся спрятаться от действительности за рассуждениями такого рода. Секс не выдумка. И жизнь не выдумка. Не возводите девственность в апофеоз».

Ожидая ответа, Экинс сердито взглянул на девицу, но она молчала и только строила глазки. Сэм не выдержал:

«Неужели ни один из вас не слышал моих слов?»

«Я слышал, господин учитель».

«Линкольн Пауэл! Каким ветром вас занесло сюда? Откуда вы?»

«С Земли. Я приехал за консультацией, Сэм, и времени у меня в обрез. Хочу успеть вылететь следующим звездолетом».

«Отчего же вы не позвонили по межпланетной?»

«Это было бы слишком сложно, Сэм. У меня к вам конфиденциальный разговор. В связи с делом де Куртнэ».

«О! А! Гм! Прекрасно. Идите в дом и выпейте

чего-нибудь, через минуту я к вам присоединюсь». — Сам гаркнул во всю телепатическую мочь. ***— «САЛЛИ! ГОСТИ!»***

Один из его паствы неожиданно вздрогнул, и Сэм пришел в ажиотаж:

— Вы услышали, говорите, услышали?

— Я ничего не слышал, сэр.

— Неправда. Вы только что приняли телепатическое сообщение.

— Нет, доктор Экинс.

— Отчего же вы дернулись?

— Меня укусил комар.

— Это выдумки! — загремел Экинс. — В моем саду нет комаров. Вы слышали, как я кричал жене. — И Сам пошел напролом: ***— «ВЫ ВСЕ МЕНЯ ОТЛИЧНО СЛЫШИТЕ. НЕ ОТРИЦАЙТЕ ЭТОГО. ВЕДЬ ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ Я ВАМ ПОМОГ. ОТВЕЧАЙТЕ МНЕ! БЫСТРЕЙ!»***

Пауэл нашел Салли Экинс в просторной и прохладной гостиной с открытым потолком. На Венере нет дождей, а пластиковый купол вполне достаточная защита от нестерпимого блеска, излучаемого небосводом в течение семисотчасового венерианского дня. Когда же вступит в свои права семисотчасовая леденящая ночь, Экинсы сложат вещи и вернутся в утепленный городской

блок в Венусбурге. На Венере вся жизнь расписана по тридцатидневным циклам.

Сэм влетел в гостиную и залпом выпил большую кружку ледяной воды.

«Десять кредиток коту под хвост на нашем черном рынке, — бросил он Пауэлу. — Вам это известно? У нас на Венере есть черный рынок, где торгуют водой. Интересно, о чем думает полиция? Не обижайтесь, Линк. Я знаю, что это вне вашей компетенции. Что вы хотели узнать о де Куртнэ?»

Пауэл рассказал о своих затруднениях. Картину гибели де Куртнэ, судя по горячечным воспоминаниям его дочери, можно представить себе двояко. Рич либо убил де Куртнэ, либо же просто был свидетелем его самоубийства. Старый Моз потребует, чтобы в этот пункт была внесена ясность.

«Понятно. Я выбрал бы второй вариант. У де Куртнэ была тяга к самоубийству».

«Тяга к самоубийству? Как это понять?»

«Он находился в состоянии тяжелой депрессии. Его приспособительный баланс нарушился. Он регрессировал на почве эмоционального истощения и был на грани самоуничтожения. Опасаясь рокового исхода, я бросил все дела и последовал за ним на Землю».

«М-м-да... это удар. Значит, он был способен продырявить себе голову?»

«Что? Продырявить голову?»

«Конечно. Вот фотоснимок. Мы еще не знаем, каким оружием он пользовался, но...»

«Постойте-ка. В таком случае я смогу дать вам более определенный ответ. Если де Куртнэ умер таким образом, то это не самоубийство».

«Почему?»

«А потому, что его внимание было фиксировано на отравлении. Он решил отравиться наркотиком. Вы не знаете самоубийц, Линк. Выбрав способ умертвить себя, они от него никогда не откажутся. Де Куртнэ, конечно, был убит».

«Поменяемся ролями, Сэм. Скажите, почему де Куртнэ решил прибегнуть именно к яду?»

«Я вижу, вы шутник. Если бы я это знал, он бы остался в живых. Меня очень опечалила вся эта история, Пауэл. Из-за Рича все мои труды пошли прахом. Я мог бы спасти де Куртнэ...»

«И вы не догадываетесь, что послужило причиной его депрессии?»

«Кое-какие догадки у меня были. Де Куртнэ испытывал глубокое сознание вины».

«Перед кем?»

«Перед своим ребенком».

«Перед Барбарой? Каким образом? Почему?»

«Я не знаю. Ему не давали покоя какие-то непонятные иррациональные символы… одиночество… заброшенность, позор… отвращение… трусость. Вот все, что я знаю. Я еще только собирался заняться этим».

«Возможно ли, что Рич каким-то образом узнал об этом обстоятельстве и решил использовать его для осуществления своих планов? Старый Моз непременно найдет тут повод для придирки, когда мы представим дело в суд».

«Рич мог догадываться… Хотя нет. Исключено. Вот если бы ему помогал очень умелый…»

«Минутку, Сэм. У вас что-то запрятано где-то там глубже. Как бы мне…»

«Валяйте добирайтесь. Я перед вами весь как на ладони».

«Не старайтесь мне помочь. Вы еще больше все запутали. Постойте-ка… что-то связанное с развлечением… вечеринка… разговор во время вечеринки… у меня. В прошлом месяце. Гас Тэйт, ваш коллега, хотел посоветоваться по поводу пациента с аналогичным заболеванием». — Пауэл так огорчился, что заговорил вслух: — Что прикажете делать с этим субъектом?

«О ком вы говорите?»

— Гас Тэйт был в Бомон Хаузе в ту ночь, когда убили де Куртнэ. Он пришел вместе с Ричем, но я все же надеялся…

«Линк, этого не может быть!»

— Я тоже так считал, но против фактов не попрешь. Малютка Гас Тэйт оказался тем самым «умелым помощником», который подстраховывал Рича и подготовил почву для убийства. Он выудил из вас все, что вы знаете, и сообщил убийце. Как видно, ему наплевать на клятву Эспера.

— А заодно и на Разрушение, — яростно произнес Экинс.

Из холла позвала Салли:

«Линк! Видеофон».

— Что за черт? Никто, кроме Мэри, не знает, где я. Не случилось ли чего с дочкой де Куртнэ?

Пауэл бегом заторопился к нише, где стоял видеофон. Еще издали он увидел на экране лицо Бека. Лейтенант тоже заметил его и возбужденно замахал рукой. Он начал говорить прежде, чем Пауэл мог его услышать.

— …сообщила мне, куда звонить. Рад, что успел перехватить вас, босс. У нас только двадцать шесть часов.

— Одну минуту. Рассказывайте по порядку, Джекс.

— Доктор Уилсон Джордан, тот, что занимался родопсином, вернулся на Землю с Каллисто. По милости Рича он теперь богатый человек. Я, разумеется, последовал за ним. Он оформит свои права, приведет дала в порядок, и уже через двадцать шесть часов новоиспеченный землевладелец махнет обратно на Каллисто. Если вы хотите что-нибудь от него узнать, я вам советую поторопиться.

— А он согласен дать показания?

— Был бы он согласен, я не стал бы вам звонить по межпланетной. Нет, босс. Он очень признателен Ричу, который (цитирую) «так благородно отступился от своих собственных притязаний» в пользу доктора Джордана и во имя справедливости. Так что я вам советую поскорее вернуться на Землю и лично заняться им.

— А это, — сказал Пауэл, — наша лаборатория, доктор Джордан.

На доктора лаборатория произвела большое впечатление. Для исследовательских работ был отведен целый этаж здания Института Лиги. Помещение лаборатории представляло собой круглый зал около тысячи футов в диаметре, увенчанный куполом из двух слоев поляризованного кварца, который позволял менять освещение от

предельно яркого до полной темноты. Сейчас, в полдень, солнечный свет был приглушен так, что столы и скамьи, серебряную и хрустальную аппаратуру и сотрудников в комбинезонах озаряло мягкое розоватое сияние.

— Хотите осмотреть лабораторию? — любезно предложил Пауэл.

— Вообще-то я спешу, мистер Пауэл, но… — Джордан колебался.

— Я понимаю. И все же нам так нужен ваш совет. Мы вам будем бесконечно благодарны даже за небольшую консультацию.

— Если речь идет о де Куртнэ… — начал Джордан.

— О ком? Ах да, это убийство. Что это вам пришло в голову?

— Меня выслеживали, — мрачно пояснил Джордан.

— Доктор Джордан, поверьте мне, мы ждем от вас научной консультации, а не сведений об убийстве. Что для ученого убийства? У нас иные интересы.

Джордан слегка оттаял.

— Вполне с вами согласен. Достаточно взглянуть на вашу лабораторию, чтобы убедиться в этом.

— Так пойдемте? — Пауэл взял Джордана под руку. Одновременно он оповестил всех сотрудников лаборатории: *«Прошу внимания, щупачи! Готовится розыгрыш».*

Нетелепату трудно было бы представить себе, какой гам внезапно поднялся в тихой и чинной лаборатории. Сквозь град ехидных образов пробился хриплый выкрик одного остряка: *«А кто украл погоду, Пауэл?»* Вопрос относился к малоизвестному эпизоду из деятельности Нечестивого Эйба. В чем состоял сам эпизод, ни разу никому не удалось прощупать, зато было замечено, что упоминание об этом случае всегда вгоняет Пауэла в краску. Покраснел он и сейчас под беззвучный гогот остальных.

«Нет, щупачи, это дело серьезное. Исход всей моей работы зависит от того, что мне удастся выудить из этого человека».

Веселье тотчас стихло.

«Это доктор Уилсон Джордан», — сообщил Пауэл. — *«Он специализировался в области физиологии зрения и располагает сведениями, которые мне желательно от него получить. Пусть он почувствует себя метром среди желторотых новичков. Изобретите какие-нибудь несуществующие проблемы и взывайте о помощи. Заставьте*

его заговорить».

Они подходили поодиночке, по двое и целыми группами. Рыжеволосый изобретатель, занятый проблемой транзистора, воспроизводящего телепатемы, смиренно попросил доктора просветить его. Поделились своими затруднениями две хорошенькие девушки, поглощенные головоломным исследованием, — они пытались определить возможность телепатического общения на расстоянии. Группа японцев, изучавших экстрасенсорный узел — центр телепатической восприимчивости, — с вежливым пришепетыванием настойчиво осаждала доктора Джордана.

В час дня Пауэл сказал:

— Прошу извинения, доктор, но указанный вами срок подошел к концу… вас ждут дела.

— Ничего, ничего, неважно, — отмахнулся Джордан. — Так вот, милейший доктор, если вы попробуете разделить оптическую…

Через полчаса Пауэл напомнил снова:

— Уже половина второго, доктор Джордан. Вы вылетаете в пять. Право же…

— У меня еще уйма времени. Уйма… Звездолеты, знаете ли, как женщины. Ни на одном из них свет клином не сошелся. Беда в том, дорогой сэр, что в вашем замечательном исследовании

есть существенное упущение. Вы ни разу не попробовали исследовать узел жизни с помощью витальных красителей. Я посоветовал бы вам…

В два часа был сервирован ленч, не помешавший пиршеству умов.

В два тридцать раскрасневшийся от приятного возбуждения доктор Джордан признался, что ему претит мысль о роскошной жизни на Каллисто. Там нет ученых. Не с кем поговорить.

Разве там мыслимо что-либо хоть отдаленно напоминающее этот блистательный коллоквиум?

В три часа он без утайки поведал Пауэлу, как ему досталось это проклятое поместье. Сперва им, кажется, владел Крэй де Куртнэ. Старому Ричу (отцу Бена), наверное, каким-то образом удалось оттяпать поместье, и он записал его на имя жены. После ее смерти поместье перешло к сыну. Ворюгу Бена Рича, видно, мучила совесть, коль скоро он передоверил решение дела крючкам-юристам, а те, петляя в дебрях закона, неожиданно обнаружили, что имение принадлежит Уилсону Джордану.

— И конечно, это далеко не единственное, что есть на совести у Рича,

— сказал Джордан. — Чего я только не нагляделся, когда работал на него! Но финансисты ведь

все жулики. Разве не так?

— На мой взгляд, вы несправедливы к Бену Ричу, — с благородным беспристрастием возразил Пауэл. — В нем многое достойно восхищения.

— О, конечно, конечно, — торопливо согласился Джордан. — Совесть у него все же есть, и это, право, восхитительно. Мне не хотелось бы дать ему повод подумать, будто я…

— Разумеется, — Пауэл с заговорщицким видом одарил Джордана пленительной улыбкой. — То, что как ученые мы можем порицать, нам приходится хвалить как светским людям.

— Мы друг друга понимаем, — сказал Джордан, с чувством пожимая Пауэлу руку.

В четыре часа доктор Джордан уведомил осчастливленного японца, что с радостью передаст самую секретную часть своей работы по зрительному пурпуру этим славным юношам, чтобы помочь им в исследованиях, над которыми они трудятся. Он вручает факел грядущему поколению. Его глаза увлажнились, голос срывался от волнения, и он двадцать минут подробно объяснял принцип ионизатора, разработанного им для «Монарха».

В пять часов доктор Джордан прибыл на аэроскутере на космодром. Доктора провожал

весь штат сотрудников лаборатории. Они усыпали его каюту цветами и подарками. Они засыпали его самого бурными изъявлениями благодарности, и когда, набирая скорость, звездолет устремился к четвертому спутнику Юпитера, доктор ощущал приятное сознание, что он принес пользу науке и ни единым словом не нанес вреда своему щедрому и благородному патрону, мистеру Бенджамену Ричу.

В гостиной Барбара старательно училась ползать. Ее недавно покормили, и она перемазалась в желтке.

— Та-та-та-та-та-та, — говорила она. — Тата.

«Мэри! Мэри! Где же ты? Иди скорей сюда. Она говорит!»

«Не может быть!» — Мэра вбежала в комнату. — *«Что она сказала?»*

«Она назвала меня „папа“.

— Тата, — сказала Барбара. — Та-та-та-та-та-та.

Мэри облила его презрением.

«Ишь что придумал. Ничего она не говорит, просто лопочет: „Та-та-та“.

Мэри направилась в кухню.

«Она хотела сказать „папа“. Она ведь еще маленькая, и ей трудно выговаривать слова».

Пауэл наклонился к Барбаре:

— Скажи «папа», детка. Папа. Папа. Скажи «па-па».

— Та-та, — милым детским голоском протяжно отозвалась Барбара.

Пауэл капитулировал. Минуя уровень сознания, он, как прежде, обратился к подсознанию:

«Здравствуй, Барбара».

— Это снова ты?

«Ты меня помнишь?»

— Не знаю.

«Конечно, помнишь. Я тот малый, что без спросу лазит к тебе в душу, чтобы помочь тебе унять ее смятение».

— Значит, нас только двое?

«Только двое. Ты знаешь, кто ты? Хочешь, я расскажу тебе, как получилось, что ты совсем одна и бесконечно далека от всех?»

— Я ничего не знаю. Расскажи.

«Слушай, милое мое дитя, когда-то давным-давно все это с тобой уже было — тогда ты тоже просто-напросто существовала. Потом ты родилась. У тебя была мать, был отец. Ты выросла и стала красивой, стройной, грациозной девушкой с белокурыми волосами и темными глазами. Ты прилетела с Марса на Землю вместе с отцом, и вы...»

— Неправда. Кроме тебя, нет никого другого. Нас только двое в темноте.

«Нет, Барбара, у тебя был отец».

— Никого у меня не было. Никого нет.

«Прости, милая. Мне очень жаль, но мы опять должны пройти через эту муку. Мне нужно кое-что узнать».

— Нет. Нет, прошу тебя. Нас с тобой только двое. Дух, миленький, прошу тебя, не надо.

«Мы и будем вдвоем. Иди сюда, моя хорошая. Твой отец в другой комнате… в комнате, похожей ни цветок… и вдруг мы слышим…»

Пауэл глубоко вздохнул и крикнул:

— Помощь, Барбара! Помощь!

И они замерли, напряженно прислушиваясь. Прикосновение постельного белья. Холодный пол под босыми ногами… нескончаемый коридор… а потом, добежав до комнаты, похожей на орхидею, они врываются в дверь, с криком шарахаются прочь от страшного Бена Рича, который что-то прикладывает к губам отца. Что он к ним приложился Задержи этот образ. Сфотографируй. О господи! Как ужасен был этот приглушенный взрыв! Голова проломлена, и тот, который вызывает столько нежности, почтения, любви, неестественно скорчившись, падает на пол, и

сердце надрывается от боли, и нужно доползти и выхватить из помертвевших губ этот зловещий стальной цветок…

«Встань, Линк! Ты с ума сошел!»

Мари Нойес, возмущенная и негодующая, силилась поставить его на ноги.

«Идиот! Тебя нельзя оставить даже на минуту».

«Я очень долго простоял здесь на коленях, Мэри?»

«Не меньше получаса. Вхожу из кухни, и нате вам, любуйтесь!»

«Ты знаешь, Мэри, я нашел то, что искал. Это был револьвер. Старинное огнестрельное оружие. Я его очень отчетливо видел. Вот, взгляни…»

«М-м-м. Это и есть револьвер?»

«Да».

«Где Рич мог его достать? В музее?»

«Сомневаюсь. Я хочу рискнуть, попробую одним выстрелом убить двух зайцев. Пожалуйста, стань так, чтобы тебя не было видно на экране».

Подойдя к видеофону, Пауэл набрал ВД-12,232. Почти тотчас на экране возникло перекошенное лицо Черча.

— Привет, Джерри.

— Здравствуйте… Пауэл.

Черч держался крайне настороженно.

— Гас Тэйт покупал у вас какой-то револьвер?

— Револьвер?

— Да, огнестрельное оружие. Образца двадцатого столетия. Тот самый, что был пущен в ход при убийстве де Куртнэ.

— Не покупал.

— Неправда. Джерри, я уверен, что убийца — Гас Тэйт. Мне казалось, что пистолет приобретен у вас. Я сейчас приеду к вам и покажу, как выглядит тот револьвер, а вы мне скажете, прав я или нет. — Поколебавшись, Пауэл тихо, но веско добавил: — Вы нам очень поможете, Джерри, и я буду чрезвычайно признателен. Чрезвычайно. Ждите меня. Я буду у вас через полчаса.

Пауэл отключил видеофон. Взглянул на Мэри. Образ подмигивающего глаза.

«За полчаса малютка Гас должен успеть домчаться до ссудной кассы Черча».

«Но почему вдруг Гас? Я думала, Бен Рич…» — Мэри перехватила схему, в общих чертах составленную Пауэлом для себя еще в доме Экинсов.

«Ага, понятно. Ловушка и для Тэйта, и для Черча сразу. Черч продал Ричу револьвер».

«Возможно. Наверняка, конечно, знать нельзя. И все-таки ссудная касса — это почти то же, что музей».

«Ну а Тэйт, выходит, помогал Ричу осуществить убийство? Не могу поверить».

«В этом почти нет сомнений».

«Ты хочешь натравить двух этих щупачей друг на друга?»

«И обоих на Рича. В качестве следователей мы потерпели полный крах. Попробую их общупачить».

«Но если ты не сможешь натравить этих двоих па Рича? Что, если они сразу вызовут его в ломбард?»

«Его нет в городе. Мы его выманили. Запугали Кено Киззарда так, что он кинулся в бега, а Рич пытается его перехватить, пока Кено не проболтался».

«Да ты и правда жулик, Линк. Держу пари, что не кто иной, как ты, украл погоду».

«Нет», — ответил он, — *«не я, а Нечестивый Эйб».*

Покраснев, он поцеловал Мэри, поцеловал Барбару, снова покраснел и, сконфуженный, вышел из дома.

11

В ссудной кассе было темно. Горела только лампа на прилавке, отбрасывая круг неяркого света. В световом пятне время от времени появлялись лица и руки трех собеседников, то наклонявшихся друг к другу в пылу разговора, то распрямлявшихся и тут же исчезавших в темноте.

— Нет, — твердо сказал Пауэл. — Я не намерен вас прощупывать. Мне нужен откровенный разговор. Вам двоим как щупачам может показаться обидным, что я обращаюсь к вам вслух, но я поступаю так в знак доверия. Я не могу одновременно разговаривать и прощупывать.

— Ой ли? — сказал Тэйт, и в круге света появилось настороженное личико гнома. — Вы и не на такие фокусы способны.

— Только не сейчас. Если угодно, проверьте. И хочу поговорить с вами в открытую. Вы сами знаете, я веду следствие по делу об убийстве. Прощупывание мне здесь не поможет.

— Что вам нужно, Пауэл? — вмешался Черч.

— Вы продали револьвер Гасу Тэйту?

— Ничего подобного, — ответил Тэйт.

— Тогда зачем вы здесь?

— Вам кажется, я должен был оставить без внимания ваше чудовищное обвинение?

— Черч вызвал вас сюда, так как продал вам револьвер и отлично знает, как он был использован.

В круге возникло лицо Черча.

— Никаких револьверов я не продавал и понятия не имею, кто и как ими пользовался: съели?!

— Съел, — ответил, усмехнувшись, Пауэл. — Я сам прекрасно знаю, что вы не продавали револьвера Гасу. Вы его продали Бену Ричу.

В световом круге снова появилась физиономия Тэйта:

— Тогда почему же вы…

— Почему? — Пауэл пристально взглянул ему в глаза. — Мне нужно было вызвать вас сюда для разговора. Но подождите минуту. Я закончу с Джерри. — Он повернулся к Черчу. — В вашей кассе был револьвер. Не могло не быть. Рич пришел сюда за ним. Единственное место, куда он мог прийти. Вы с ним уже обделывали делишки. Я не забыл ваших упражнений на бирже…

— Будьте вы прокляты! — выкрикнул Черч.

— В результате этих упражнений вы и вылетели вон из Лиги, — продолжал Пауэл. — Рискнули

всем и потеряли все только потому, что Рич вас попросил покопаться в мыслях у четырех биржевиков и сообщить ему, что вы узнаете. Он нажил миллион и пальцем не пошевельнув, просто нашел дегенерата щупача, готового к услугам.

— Он заплатил мне за услугу! — крикнул Черч.

— А я вас просто-напросто прошу ответить на вопрос о револьвере.

— Чем вы заплатите?

— Не глупите, Джерри. Я вас выставил из Лиги, потому что я ханжа и чистоплюй, ведь так? Стану ли я вступать в сомнительные сделки?

— Значит, вы ничего не обещаете?

— Ничего. Доверьтесь мне, рискните ответить честно. Только никаких посулов вы от меня не дождетесь.

— А от других дождался, — пробормотал Черч.

— Вот как? Должно быть, от Бена Рича. Обещать-то он горазд. Вот выполняет не всегда. Ну что ж, решайте, кому довериться — мне или Ричу… Так что вы знаете о револьвере?

Черч откинулся назад, и голова его скрылась в тени. Немного погодя из темноты раздался его голос:

— Никаких револьверов я не продавал и понятия не имею, кто и как ими пользовался. Вот вам

мои честные и беспристрастные показания.

— Спасибо, Джерри. — Пауэл с улыбкой пожал плечами и повернулся к Тэйту. — Я хочу задать вам только один вопрос, Гас. Мы не будем говорить о том, что вы сообщник Бена Рича… что по его заданию вы расспрашивали Сэма Экинса о де Куртнэ… не будем говорить о том, что вы отправились вместе с Ричем на вечеринку в Бомон Хауз, где прикрывали его и блокировали, и что такие же услуги вы продолжаете ему оказывать…

«Одну минуту…»

— Не паникуйте, Гас. Я лишь одно хочу узнать: правильно ли я угадал, чем Рич вас купил. Деньгами вас не подкупишь — вы слишком много зарабатываете. Не подкупишь и положением — вы достигли самых вершин. Власть — вот что он вам предложил. Я не ошибся?

Тэйт судорожно его прощупывал и, натыкаясь на спокойную уверенность Пауэла, приходил все в большее и большее волнение. Когда же он убедился, что Пауэл знает о его вине, нимало в ней не сомневается и даже не удивлен, его волнение перешло в панику. Он заразил ею и Черча. Пауэл на это и рассчитывал, чтобы использовать их смятение в нужный момент.

— Рич мог предложить вам власть в своем

мире, в мире бизнеса, — рассуждал между тем Пауэл, — но это сомнительно. Он вряд ли поступился бы частью своего могущества, да и вам оно ни к чему. Скорее он вам предложил власть в мире эсперов. Может он это осуществить? Он финансирует Союз эспер-патриотов. Наверное, он собирался действовать через Союз… устроить переворот? Сделать вас диктатором Эспер Лиги? Возможно, вы уже состоите в Союзе.

«Слушайте, Пауэл…»

— Таковы мои предположения, Гас, — сухо сказал Пауэл, — и что-то мне подсказывает, что я сумею их подтвердить. Неужели вы вообразили, что мы позволим вам с Ричем так запросто уничтожить Лигу?

«Вам не удастся доказать…»

— Что доказать?

«Ваши обвинения голословны. Я…»

— Вы недоумок. Разве вы никогда не видели, как у нас судят щупачей? Мы не прибегаем к судебной процедуре, состоящей в том, что все клянутся говорить правду, а присяжным нужно выяснить, кто же все-таки врет. У нас это иначе, крошка Гас. Вас будет инспектировать комиссия, а состоит она только из эсперов первой ступени. Вы тоже первый, Гас. Пожалуй, вам удастся бло-

кировать двоих… Возможно, и троих. Но не всех же. Говорю вам, вы погибли.

«Погодите, Пауэл, прошу вас… погодите!» — Бесстрастное личико манекена передергивалось от ужаса. — *«Лига принимает во внимание, если виновный признает свою вину. Если он добровольно сознается в ней. Я вам все расскажу. Все до последнего слова. Сам не знаю, что на меня нашло. Но сейчас я выздоровел. Скажите это в Лиге. Когда имеешь дело с таким психопатом, как Рич, то невозможно сохранить свою индивидуальность. Вы невольно себя с ним отождествляете. Но сейчас с этим покончено. Так и скажите в Лиге. Читайте, вот вам вся история. Он жаловался на кошмары, в которых ему снился Человек Без Лица. Он…»*

«Он к вам пришел в качестве пациента?»

«Да. Так он заманил меня в ловушку. Принудил стать его сообщником! Но это уже позади. Скажите в Лиге, что я с вами. Я от него отрекаюсь. Я расскажу вам все чистосердечно. Пусть Черч будет свидетелем…»

— Не буду я свидетелем! — крикнул Черч. — Трус паршивый! После того, как Бен Рич обещал…

— Да заткнитесь вы. По-вашему, я хочу стать на

всю жизнь отщепенцем вроде вас? Слуга покорный. Только такой сумасшедший, как вы, мог с ним спутаться. А я пока еще в своем уме.

— Вы ничтожество и трус. Надеетесь, что спасете свою шкуру? Надеетесь…

— Плевать мне на все! — взвизгнул Тэйт. — Пропадать, так хоть не в одиночку. Я сперва утоплю Рича. Я приду в суд свидетелем и сделаю там все, что сумею, чтобы помочь вам, Пауэл. Скажите это в Лиге, Линк. Скажите им…

— Ни в какой суд вы не пойдете! — рявкнул Пауэл.

— Как так?

— Вас воспитала Лига. Вы пока что состоите в ней. Слыхали вы когда-нибудь, чтобы щупач донес на пациента?

— Но у меня ведь все улики!

— Ну и что? Пусть и останутся при вас. А я не допущу, чтобы щупач трепался на суде и марал честь своих собратьев.

— Но если вы не уличите Рича, вы рискуете своим местом.

— Пес с ним. Мне было бы жаль расстаться со своей работой, жаль упустить Рича, но такой ценой я платить не собираюсь. При ясном солнышке легко не сбиться с курса, а в ненастье — гораздо

трудней. Вы не устояли против непогоды, Гас. И глядите теперь, до чего докатились!

— Но я хочу помочь вам, Пауэл.

— Вы мне не можете помочь. Во всяком случае, не такой ценой.

— Но я же сообщник убийцы! — крикнул Тэйт. — По-вашему, этично отпускать меня по-добру-поздорову? По-вашему…

— Смотрите на него, — засмеялся Пауэл. — Ишь как он рвется навстречу Разрушению! Нет, Гас. Мы вас возьмем вместе с Ричем. Но я его разоблачу, не прибегая к вашей помощи. Я сыграю так, чтобы не нарушить Клятву Эспера.

Пауэл повернулся и вышел из светового круга, скрывшись в темноте. Приближаясь к входным дверям, он ждал: возьмет ли Черч приманку? Вся эта сцена была разыграна лишь для него, чтобы в последнюю секунду… За крючок пока никто не дергал.

Когда Пауэл распахнул дверь и в комнату хлынул с улицы холодный серебристый свет, Черч вдруг окликнул его:

— Погодите-на!

Темный силуэт Пауэла замер на пороге:

— Да?

— О чем это вы толковали Тэйту?

— О Клятве Эспера. Вам следовало бы ее помнить.

— Дайте-ка мне вас прощупать.

— Валяйте. Я открыт.

Пауэл снял почти все блоки. То, чего Черчу знать не следовало, было тщательно замаскировано и затемнено тангенциальными ассоциациями и калейдоскопом телепатем, в которых эсперу второй ступени было не под силу разобраться.

— Не знаю, — произнес наконец Черч. — Сам не знаю, как быть.

— О чем вы, Джерри? Объясните вслух — я ведь вас сейчас не прощупываю.

— Да обо всей этой истории с револьвером. Бог вас знает. Хоть вы ханжа и чистоплюй, а может, мне и в самом деле следовало бы довериться вам.

— Вот этот разговор мне уже по душе. Вы помните, я вам сказал, что ничего не обещаю?

— Помню. Но, может быть, вы из таких, с кем и не нужно загодя сговариваться. Может быть, мое горе в том и состоит, что я всегда старался сторговаться загодя и не…

В это мгновение недремлющий локатор Пауэла уловил на улице смерть. Мгновенно отскочив назад, Пауэл захлопнул дверь.

«Не стойте на полу! Скорей куда-нибудь взбирайтесь!»

В три больших шага оказавшись у прилавка, Пауэл вспрыгнул на него.

«Сюда, ко мне! Джерри! Гас! Живей же, дурни!»

Комната затряслась противной тошнотворной дрожью: вибрация усиливалась, наращивая темп. Пауэл сбросил ногой лампу. Свет погас.

«Прыгайте вверх и цепляйтесь за люстру. Это гармонический дезинтегратор. Прыгайте!»

Судорожно глотнув воздух, Черч прыгнул вверх, в темноту. Пауэл схватил Тэйта за руку; рука дрожала.

«Боитесь не допрыгнуть, Гас? Высоковато для вас… Вытяните руки, я вас подброшу».

Он кинул Тэйта вверх и следом прыгнул сам. Вцепившись в стальные паучьи лапы люстры, Тэйт, Пауэл и Черч повисли в воздухе, спасаясь от смертоносной вибрации, которая создавала гармонию распада во всем, что находилось на полу или с ним соприкасалось. Стекло, металл, камень, пластик… все это со скрежетом разлеталось на куски. Слышно было, как потрескивает пол, глухо рокочет потолок. Тэйт застонал.

«Держитесь крепче, Гас. Это наемные убийцы Киззарда. Отчаянная шайка. Один раз чуть было

меня не укокошили».

У Тэйта отключилось сознание. Он автоматически продолжал цепляться за люстру, но его связи с окружающим все больше и больше терялись, и Пауэл, почувствовав это, обратился к подсознанию.

«Держаться! Держаться! Держаться! Не отпускать! Не отпускать! Не отпускать!»

В подсознании Тэйта так явственно обозначилась обреченность, что Пауэл понял: никакими мерами Лига не смогла бы уже спасти его. Он неуклонно двигался навстречу гибели. Последние остатки чувства самосохранения иссякли, руки маленького щупача разжались, и он упал на пол. Вибрация затихла сразу после того, как, глухо шмякнувшись об пол, распалось тело. Черч тоже слышал этот звук и вскрикнул.

«Тише, Джерри! Еще не кончено. Держитесь».

«В-вы это слышали? Вы слышали ЕГО?»

«Слышал. Мы еще в опасности. Держитесь!»

Дверь ссудной кассы приоткрылась. Острый, как бритва, луч пробежал по полу. Задержавшись на три секунды там, где размазалось страшное месиво, луч мигнул и исчез. Дверь закрылась.

«Отлично, Джерри. Эти молодчики опять решили, что со мной разделались. Теперь вопите

на здоровье».

«Я не могу спрыгнуть, Пауэл. Я не могу на это наступить...»

«Еще бы, Джерри, я вас понимаю».

Повиснув на одной руке, Пауэл схватил другой Черча за плечо и подтолкнул к прилавку. Черч спрыгнул. Пауэл последовал за ним. Их обоих мутило.

«Так вы говорите, что это кто-то из молодчиков Киззарда?»

«Конечно. У него целая банда психопатов. Не успеем выловить и спровадить в Кингстон одних, а Киззард уже подбирает новых. Он их приманивает наркотиками».

«Но что они имеют против вас?»

«Неужели не ясно, Джерри? Они работают на Бена. А Бен начал паниковать».

«Бен? Бен Рич? Но ведь они явились в мою кассу. Я мог здесь оказаться».

«Вы и оказались здесь. Что это меняет, скажите на милость?»

«Как что меняет? Рич не позволил бы им подвергать мою жизнь опасности».

«Вы в этом уверены?» — Образ улыбающейся кошки.

Черч остолбенел. Потом вдруг вскрикнул, охва-

ченный яростью:

— Ах сукин сын! Ах распроклятый сукин сын!

— Не стоит горячиться, Джерри. Рич спасает собственную жизнь. Едва ли от него можно ждать сейчас особой щепетильности.

— Ну что же, если он спасает свою жизнь, то я займусь спасением своей, и пусть не жалуется на меня, подлец… Готовьтесь, Пауэл. Я ничего не утаю, коль скоро уж я раскололся.

После страшной гибели Тэйта, беседы с Черчем и очередного посещения полиции приятно было, возвратясь домой, встретить белокурую озорницу малышку. В правой руке у Барбары был черный карандаш, в левой — красный. Высунув язык и скосив темные глаза от усердия, она что-то старательно малевала на стенах.

— Бари! — строго воскликнул Пауэл. — Ты что это делаешь?

— Рисоваю картиноцки, — отозвалась Барбара, — славные картиноцки для папы.

— Спасибо, душенька, — сказал он. — Превосходная идея. Теперь пойди сюда и посиди с папой.

— Не-е, — ответила она, продолжая рисовать.

— Ты моя девочка?

— Дя.

— А разве моя девочка бывает непослушной? Мэри спутается папу.

Барбара взвесила в уме этот довод.

— Дя, — ответила она, сунула карандаши в карман и села рядом с Пауэлом на тахту, взяв его за руки своими выпачканными в мелу ручонками.

— Право же, Барбара, — пробормотал он, — твоя шепелявость начинает меня беспокоить. Может быть, тебе нужно надеть пластиночку на зубы?

Он сказал это полусерьезно. Как-то забывалось, то рядом с ним сидит взрослая девушка. Он заглянул в темные глубокие глава, сверкающие и пустые, как не наполненный вином бокал.

Медленно пробираясь сквозь верхние слои ее сознания, он приближался к густо затянутому покровом туч взбаламученному подсознанию. Слабый проблеск света там, за тучами, одинокий и трогательный, стал уже чем-то мил ему. Но сейчас его встретил не робкий проблеск, а острие луча, который мог бы исходить разве что от пышущей грозным жаром новой звезды.

«Здравствуй, Барбара. Ты, кажется…»

Откликом был такой взрыв страсти, что Пауэл поспешно отступил.

— Эй, Мэри! — крикнул он. — Скорей сюда!

Из кухни выскочила Мэри Нойес.

— Новые осложнения?

— Пока еще нет. Но скоро будут. Наша пациентка пошла на поправку.

— Я не заметила в ней перемен.

— Загляни вместе со мной внутрь. В ней ожили глубокие инстинкты. Где-то в самой, в самой глубине. Мне чуть мозги не выжгло.

— А при чем тут я? Потребовалась компаньонка? Охранять секреты девичьего сердца?

— Ты шутишь? Это меня нужно охранить. Протянуть руку помощи.

— Барбара держит тебя за обе руки.

— Я выразился фигурально, — Пауэл смущенно посмотрел на спокойное кукольное личико, прохладные пальцы, вяло прикасавшиеся к его рукам. — Ну, пошли.

Снова вглубь по темным переходам к пылающему в ней — к пылающему в каждом из людей — горнилу, вечному источнику душевных сил и психической энергии; безжалостной, безрассудной, алчной. Он чувствовал, как Мэри Нойес на цыпочках пробирается следом за вам. На этот раз он остановился поодаль.

«Привет, Барбара».

— Убирайся!

«Это же я, дух».

Его полоснуло ненавистью.

«Ты меня помнишь?»

Ненависть перешла в смятение, потом прихлынула жаркая волна страсти.

«Линк, спасайся, пока не поздно. Затянет в омут, потом не вырвешься».

«Мне нужно кое-что найти».

«Что ты найдешь? Там только страсть и смерть, во всей своей неприкрытой примитивности».

«Я хочу узнать об ее отношениях с отцом. Почему он чувствовал себя виноватым перед ней?»

«Делай как знаешь. Я ухожу».

Новая вспышка. Мэри убежала.

То отходя, то приближаясь, Пауэл двинулся в поход, настороженный и собранный, как электрик, который ищет среда нескольких оголенных проводов один — обесточенный. Где-то близко полыхнул разряд. Пауэл потянулся в ту сторону, отступил, оглушенный, и сразу почувствовал, как его облепил покров инстинкта самосохранения. Собравшись с духом, он погрузился в водоворот ее ассоциаций и начал их классифицировать. Вокруг бушевал такой хаос энергии, что Пауэлу не без усилия удалось оградить свое сознание от внешних воздействий.

Сигнализация соматических клеток — топливо всего этого котла. Реакции несметных биллионов клеток; их органические вопли; приглушенное гудение мышечных тонов; циркуляция крови и колебаний ее кислотности; все это пенилось и бурлило в неустойчивом равновесии, составлявшем душевный мир девушки. То тут, то там проскальзывали искаженные образы, полусимволы, незавершенные ассоциативные связи… Ионизированные атомы мысли.

Вот это вроде бы напоминает взрывной согласный звук… Пауэл проследил его до буквы «п»… и до сенсорной ассоциации с поцелуем, а дальше путем перекрестной связи перешел к сосательному рефлексу грудного младенца, к младенческим воспоминаниям о… матери? Нет, о кормилице. Сюда же вкраплено общение с родителями — отрицательная величина. Мать со знаком минус. Пауэла чуть не опалила вспышка детской обиды и гнева (комплекс заброшенности), но ему удалось уклониться. Снова подобрав «п», он подыскал соотносящееся с ним «па», потом «папа» и в конце концов «отец».

Неожиданно он оказался лицом к лицу с самим собой.

Уставившись на этот образ, Пауэл только ценою

огромных усилий сумел удержаться на грани вменяемости.

«Да кто же ты такой, черт тебя побери?»

С чарующей улыбкой образ скрылся.

«П»… «па»… «папа»… «Отец». Жар преданности и любви, связанных с… Он снова оказался лицом к лицу со своим образом. На этот раз он обнаженный, могучий; он излучает ток желания и любви; он протягивает руки.

«Я потерялся. Ты сбиваешь меня с толку».

Образ исчез. *«Влюбилась она в меня, что ли?»*

— Здравствуй, дух.

Так вот, оказывается, какой видит себя Барбара, — умилительно карикатурной: белесые патлы, темные кляксы глаз, угловатая, нескладная фигура… Образ расплылся… и снова неудержимым потоком хлынул, обрушился, все вытеснил собой Пауэл — могучий и нежный защитник. На сей раз он не отступил перед своим двойником. Стиснул зубы, но удержался и принялся его разглядывать. Образ оказался двуликим: спереди, как в зеркале, он видел свое лицо: а сзади — лицо де Куртнэ. Сверкнула цепь двойных ассоциаций: бог Янус, двойник, копия, парный, соединенный и вдруг… Рич? Невозмож… Да, в самом деле, Бен Рич и карикатурный образ Барбары срослись

боками, как сиамские близнецы. Брат и сестра. Барбара и Бен. Единство крови. Единство…

«Линк!»

Оклик раздался где-то очень далеко. Непонятно откуда.

«Линкольн!»

Пусть немного погодит. С этим Ричем придется…

«Линкольн Пауэл! Я здесь, идиот!»

«Мэри?»

«Не могу тебя найти».

«Через несколько минут буду с тобой».

«Линк, я уже третий раз пытаюсь тебя обнаружить. Если ты сейчас не выйдешь, ты пропал».

«Третий раз?»

«За три часа. Линк, ну пожалуйста… пока я еще в силах».

Он начал выбираться на поверхность. Но не мог сообразить, куда он должен двигаться. Вокруг бесновался вневременной и внепространственный хаос. Снова появился образ Барбары де Куртнэ, на этот раз — карикатура на эротичную сирену.

— Здравствуй, дух.

«Линкольн, богом тебя заклинаю!»

Он заметался было в панике, потом взяла свое щупаческая выучка. Автоматически он выполнял

все, что требовалось для осуществления «отхода». В строгой последовательности захлопывались блоки; каждый заслон — шаг назад, все ближе к свету. На середине пути он ощутил, что Мари рядом с ним. Она его сопровождала до самого конца, до тех пор, пока он вновь не оказался у себя в гостиной, рядом с Барбарой. Словно обжегшись, Пауэл отпустил ее руки.

«Мэри, я обнаружил какую-то загадочную связь между ней и Беном Ричем. Они каким-то образом...»

Мэри держала намоченное в холодной воде полотенце. Размахнувшись, она больно хлопнула им Пауэла по лицу. Только тогда он понял, что трясется, как в ознобе.

«Вся трудность в том... Понимаешь, пытаться по кусочкам воссоздать целое из обрывков сенсорных сигналов — это все равно что пробовать осуществить химический анализ, находясь в середине солнца».

Снова удар полотенцем.

«И в том и в другом случае ты имеешь дело не с элементами, а с расщепленными частицами...» — Пауэл увернулся от очередного удара полотенцем и внимательно посмотрел на Барбару. — *«Подумай, Мэри, бедняжка, кажется, в*

меня влюбилась».

Образ подмигивающей горлицы.

«Серьезно. Я там все время натыкался на себя».

«Да ну? А за собой ты ничего не замечаешь?»

«Я тебя не понял».

— Чем объясняется, скажи мне, твой отказ послать ее в Кингстонский госпиталь? — спросила Мэри. — Чем ты объяснишь эти телепатические экскурсы, столь регулярно проводимые по два раза в день? И для чего тебе вдруг понадобилась компаньонка? Я вам скажу, что это значит, мистер Пауэл.

— Что же?

— То, что ты в нее влюблен. Влюблен еще с тех нор, когда увидел ее в доме Чуки Фруд.

— Мари!

Вспыхнув, она бросила ему в лицо яркое комплексное изображение: он сам и Барбара, и то, что Мэри подглядела несколько дней назад… то, что заставило ее побледнеть от ревности и гнева. Пауэл знал, что она не ошиблась.

«Мэри, милая…»

— Не беспокойся обо мне. На меня наплевать. Послушай, ты в нее влюбился, а она ведь не щупачка. Мало того, она помешанная. Что ты в ней

любишь? Ее лицо? Инстинкты? Какую часть от целого составляет предмет твоей страсти? Одну десятую? А остальные девять? Ты уверен, что ты их полюбишь? Будь ты проклят! И зачем я тебя вытащила, лучше бы ты сгинул там, в дебрях ее подсознания.

Мэри отвернулась и заплакала.

«Мэри, я умоляю тебя…»

— Заткнись, — сказала она, всхлипывая. — Будь ты проклят! Тебе звонили. Из полиции. Ты должен срочно вылететь на Космическую Ривьеру. Там Бен Рич, он куда-то исчез. Одним словом, ты им нужен позарез. Ты нужен всем. Как видишь, я не исключение.

12

Пауэл уже десять лет не бывал на Космической Ривьере. Усевшись в полицейский аэроскутер, который прибыл, чтобы снять его с борта «Холиди Куин», роскошного космического лайнера, Пауэл с любопытством смотрел вниз, разглядывая порт и раскинувшуюся за ним панораму. То, что он видел, больше всего напоминало шитое серебром и золотом лоскутное одеяло. И, как всегда в эти минуты он улыбнулся, представив себе сцену, которую его воображение рисовало ему каждый раз, когда он приближался к этому космическому курорту. Он вообразил себе, как исследуют Космическую Ривьеру, случайно натолкнувшись на нее во время путешествия, какие-нибудь первопроходцы из отдаленной галактики, сивые и серьезные диковинные создания. Как ни пытался он представить себе, что же они напишут в своих отчетах, ему это никогда не удавалось.

— Это уж работка для Нечестивого Эйба, — пробормотал он.

Ривьера начала свое существование больше столетии тому назад, когда некий энтузиаст, по-

мешанный на культе здоровья, создал для своей цели небольшой, всего полмили в диаметре, искусственный астероид — плоское блюдечко в космическом пространстве. Он нарастил на этом блюдечке коллоидную воздушную полусферу, установил атмосферный генератор и стал основателем колонии. За сотню с лишним лет в космическом пространстве вокруг блюдечка вырос целый пиршественный стол, занявший сотни миль. Каждый новый владелец участка просто-напросто добавлял к общему столу очередную милю, наращивал над ней атмосферу, и дело было сделано. К тому времени, когда специалисты, спохватившись, посоветовали придать Космической Ривьере более удобную и экономную шарообразную форму, сделать это было уже невозможно. Колония просто продолжала размножаться.

Скутер вошел в вираж, и под лучами солнца сотни полусфер заискрились в темно-синем космосе как мыльные пузыри. В центре находился все еще функционирующий пансионат, построенный на участке основателя колонии. Вокруг были отели, луна-парки, санатории, лечебницы и даже кладбище. Со стороны Юпитера располагалась гигантская пятидеситимильная полусфера,

покрывавшая Заповедник Космической Ривьеры. Здесь посетитель получал с каждой квадратной мили куда больше природы и погоды, чем на любой естественно образовавшейся планеты.

— Слушаю вас, — сказал Пауэл.

Сержант полиции, волнуясь, начал рассказывать.

— Мы все делали по инструкции. Выпустили за Хэссопом Недотепу. Ловкач шел следом. Потом девушка Рича выловила Недотепу…

— О, так это девушка его выловила?

— Ага… Бедовая такая красоточка, зовут Даффи Уиг.

— Вот дьявольщина! — вспыхнул Пауэл. Сержант поглядел на него с удивлением. — Как же так, я сам ее допрашивал, и хоть бы… — он осекся. — Выходит, и я сел в калошу. Да послужит мой пример вам уроком. Если имеешь дело с красивой девушкой… — Он не договорил и потряс головой.

— Так вот, значит, — продолжил свой рассказ сержант, — девушка выловила Недотепу, а едва только взялся за дело Ловкач, как Рича принесла нелегкая сюда.

— На чем он вылетел?

— На собственной яхте. В космосе с ними произошла авария. Всю носовую часть вмяло внутрь.

То ли на метеор они налетели, то ли на оставленный командой звездолет. На яхте один убитый и трое раненых, в том числе Рич. Его доставили в больницу, и мы считали, что хоть некоторое время он там пролежит. Но не успели мы оглянуться, как он исчез. Хэссоп тоже пропал. Я хватаю щупача-переводчика со знанием четырех языков, ищем, ищем — все впустую.

— А где вещи Хэссопа?

— Они тоже исчезли.

— Черт те что! Нам просто необходимо взять его с вещами. Только тогда мы сможем выяснить мотив. Ведь Хэссоп старший шифровальщик «Монарха». Нам необходимо узнать у него содержание последней телеграммы, отправленной Ричем Краю де Куртнэ, и ответ…

— В понедельник, за два дня до убийства?

— Да. Возможно, именно этот обмен телеграммами и подтолкнул его к преступлению. К тому же не исключено, что Хэссоп захватил с собой финансовые отчеты фирмы. Они могли бы помочь суду узнать причину, из-за которой Ричу так приспичило расправиться с де Куртнэ.

— А… какую, к примеру, причину?

— В «Монархе» поговаривают, что де Куртнэ совершенно припер Рича и стенке.

— А вы уже выяснили обстоятельства и способ убийства?

— И да и нет. Джерри Черч мне выложил все, что знал, но тут сложная механика. Мы можем рассказать, при каких обстоятельствах произошло убийство. Наши доводы сочтут достаточными, если при этом будут изложены мотив и способ убийства. Способ описать мы можем. И суд будет удовлетворен, если мы прибавим к этому мотив и обстоятельства. То же самое и с мотивом. Это похоже на три шеста, которые подпирают вигвам. Каждый из них поддерживает два остальных. Но ни один не держится сам по себе. Вот такие же установки у старикашки Моза. И вот почему нам так нужен Хэссоп.

— Они ведь здесь, на Ривьере. Хоть за это я могу поручиться.

— Не стоит вешать голову из-за того, что Рич вас одурачил. Он многих одурачивал. Меня в том числе.

Сержант угрюмо кивнул головой.

— Буду искать сразу обоих — и Хэссопа и Рича, — сказал Пауэл, когда скутер проскользнул в воздушный шлюз. — Но сначала мне хотелось бы проверить один свой домысел. Покажите мне труп.

— Чей труп?

— Человека, который погиб во время катастрофы на аэрояхте.

В полицейском морге на воздушной подушке лежал замороженный изувеченный труп мужчины с очень белой кожей и огненно-рыжей бородой.

— Так, так, — негромко сказал Пауэл. — Кено Киззард.

— Вы его знаете?

— Да. Он работал на Рича, но оказался слишком дошлым. Теперь можно не сомневаться, что авария на яхте произошла не случайно, она была подстроена для того, чтобы замаскировать убийство.

— Да, но как же это! — вскрикнул полисмен. — Двое других тоже опасно ранены. Рич, может быть, и симулировал. Допустим. Но ведь и яхта погибла, а потом те двое…

— Те двое ранены. И погибла яхта. Ну и что ж из этого? Зато Киззард теперь уже наверняка не проболтается, а Ричу только этого и надо. Это его работа. Нам, правда, сроду не удастся доказать его вину, но нам это и ни к чему, если мы найдем Хэссопа. Мы тогда и так сможем спровадить нашего дружка на Разрушение.

Раскрашенный в яркий спортивный костюм (в этом сезоне на Космической Ривьере было модно наносить одежду краской из пульверизатора) Пауэл пустился в стремительное турне по мыльным пузырям… «Отель Виктория», «Отель Спортсмена», «Магический», «Родина на Чужбине», «Новый Нью-Трепльсберг», «Марсианин» (очень шикарный), «Венусбург» (форменный бардак) и десятки других… В поисках незабвенных старинных друзей Пауэл перезнакомился со множеством народу и на шести языках описывал приметы Хэссопа и Рича, одновременно осторожно прощупывая собеседника. Убедившись, что собеседник вполне ясно представил себе и того и другого, Пауэл ждал ответа. Все отвечали одно и то же. Нет, не видел. Их ни разу никто не видел.

Со щупачами было легче… На Космической Ривьере работали и отдыхали целые сонмы щупачей… но и от них было не больше толку.

Традиционный сбор в Солнечном Реймсе… сотни коленопреклоненных фанатиков радостным пением приветствуют Празднество Летнего Утра. Результат поисков все тот же. Гонки в Марсе-на-Чужбине. Парусники скачут по воде, как с силой брошенные каменщики. Результат тот же. Санаторий при лечебнице пластической хирур-

гии… сотни забинтованных лиц и тел. Результат поисков тот же. Летное поле. Результат тот же. Горячие серные ключи, Белые серные ключи, Черные серные ключи… Результат все тот же.

Обескураженный Пауэл свернул наконец на кладбище «Рассветный Луч». Оно напоминало английский парк — украшены флагами дорожки, дубы, ясени и вязы и маленькие газончики ярко-зеленой травы. Слышна приглушенная музыка, это в укромно расположенных павильонах пиликают струнные квартеты роботов. Пауэл уже не мог сдержать улыбку.

В центре кладбища находилась очень добросовестно воспроизведенная копия собора Парижской богоматери. На соборе аккуратная табличка: «Наша славная шотландская часовенка». Одна из химер елейным голосом зычно вещала:

«В НАШЕЙ СЛАВНОЙ ШОТЛАНДСКОЙ ЧАСОВЕНКЕ ВЫ УВИДИТЕ ДЕЙСТВО РОБОТОВ, КОТОРЫЕ РАЗЫГРЫВАЮТ ДРАМУ БОГОВ. МОИСЕЙ НА ГОРЕ СИНАЙСКОЙ,
РАСПЯТИЕ ХРИСТА, МАГОМЕД И ГОРА, ЛАО ЦЗЕ И ЛУНА, ОТКРОВЕНИЕ МЭРИ БЕЙКЕР ЭДДИ, ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДА

НАШЕГО БУДДЫ, ЯВЛЕНИЕ ИСТИННОГО И ЕДИНОГО БОГА ГАЛАКТИКИ…»

Пауза и чуть более деловито:

«ВВИДУ БЛАГОЧЕСТИВОГО ХАРАКТЕРА ДЕЙСТВА ВХОД ТОЛЬКО ПО БИЛЕТАМ. БИЛЕТЫ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ У БЕЙЛИФА».

Пауза, и уже новый голос, умоляющий и оскорбленный:

«ПРОСЬБА КО ВСЕМ БОГОМОЛЬЦАМ, ПРОСЬБА КО ВСЕМ БОГОМОЛЬЦАМ… НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ И НЕ СМЕЯТЬСЯ ГРОМКО».

Затем щелчок, и другая камера принялась вещать на другом языке. Пауэл расхохотался.

— Как вам не стыдно, — сказала стоявшая сзади девушка.

Не оборачиваясь, он ответил:

— Извините. В самом деле, ясно сказано: не разговаривать и не смеяться громко. А вам не кажется, — что это уморительнейшая… — И вдруг,

узнав знакомые телепатемы, Пауэл быстро обернулся. Перед ним стояла Даффи Уиг.

— Даффи? Ну и ну! — сказал он.

Сердитое лицо девушки на миг стало растерянным, но тут же его осветила улыбка:

— Мистер Пауэл! — воскликнула она. — Неотразимый сыщик. Вы помните, за вами танец.

— И извинение, — добавил Пауэл.

— Прелестно. Хоть одно. Мне их столько задолжали! За что же в данном случае?

— Я вас недооценил.

— К этому мне не привыкать, — взяв Пауэла под руку, Даффи повлекла его за собой по дорожке. — Ну, скажите же, благодаря чему восторжествовала справедливость? Вы на меня внимательнее взглянули и…

— …осознал, что вы умнее всех остальных работающих на Бена Рича.

— Я умна. Я в самом деле выполняла кое-какую работу для Бена… однако в вашем комплименте мне послышались минорные полутона. Намекните, что вас опечалило?

— Наш хвост за Хэссопом.

— Пожалуйста, чуть поотчетливее ритм.

— Вы сорвали наш хвост. Поздравляю с удачей.

— А-а, я поняла. У вас есть лошадь — Хэссоп. В

жеребячьем возрасте несчастный случай лишил Хэссопа его лучшего украшения, и тогда вы заменили его хвост искусственным, который…

— Плохо, Даффи, никуда не годно. Придумайте что-нибудь поумней.

— Знаете, что я скажу вам, чудо-мальчик: дайте полный ток, хватит темнить. — Ее задорная мордочка повернулась к Пауэлу с полусерьезной, полунасмешливой миной. — Что вы такое городите?

— Сейчас все объясню, прямо по буквам. У нас был хвост за Хэссопом. Хвост — это соглядатай, шпион, тайный агент, которому поручено повсюду следовать и наблюдать за подозреваемым…

— Усекла. А что такое Хэссоп?

— Хэссоп работает у Рича. Он его старший шифровальщик.

— И что я сделала с вашим шпионом?

— Выполняя инструкцию, полученную от Рича, вы очаровали нашего агента, вскружили ему голову, довели до того, что, забыв служебный долг, он целыми днями торчал с вами у рояля, а затем…

— Стойте! — резко перебила Даффи. — Я его знаю. Такой поганчик. Ну, ну, ну! Так он был полисмен?

— Право же, Даффи…

— Я задала вопрос.

— Да, он был полисмен.

— И следил за Хэссопом?

— Верно.

— Хэссоп… это такой белесый? Волосы и глаза будто пылью присыпаны? Глаза голубые?

Пауэл кивнул.

— Мерзавец, — прошептала Даффи. — Подлый мерзавец. А вы, значит, считаете, что я из тех, кто делает для него грязную работу? — яростно повернулась она и Пауэлу. — Вот оно что! Эх вы… щупач называется!

Так вот, послушайте, что я вам скажу. Рич попросил меня оказать ему услугу. Сказал, что этот человек обдумывает очень интересный музыкальный код. Мол, не возьмусь ли я его проинспектировать? Ну как мне было догадаться, что это какой-то там хвост? Как я могла узнать, что ваш агент вздумает выдавать себя за музыканта?

— То есть вы утверждаете, что Рич вас обманул? — удивился Пауэл.

— А что ж еще? — вскипела Даффи. Я своих мыслей не таю, прощупывайте. Если бы Рич не был сейчас в Заповеднике, то вы легко бы убедились…

— Стоп! — нетерпеливо перебил Пауэл. Проникнув за барьер ее сознания, он за десять секунд четко и исчерпывающе обследовал ее. Затем он бросился бежать.

— Э-эй! — крикнула Даффи. — Каково решение присяжных?

— Выдать вам медаль, — не останавливаясь, отозвался Пауэл. — Я пришпилю вам ее лично, как только спасу чью-нибудь жизнь.

— Зачем мне чья-то жизнь? Мне нужны вы.

— Это ваш недостаток, Даффи. Вам нужны все.

— Кто-о-о-о?

— Все-э-э-э.

ПРОСЬБА НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ И НЕ СМЕЯТЬСЯ ГРОМКО!

Пауэл нашел сержанта в местном театре «Глобус», где великолепная эспер-актриса своей игрой волновала тысячи сердец. Трудно сказать, в чем состояла главная прелесть исполнения — в отточенной ли сценической технике или в телепатической чуткости, с какой артистка откликалась на реакцию публики, но во всем зале только один человек остался равнодушным. То был сержант полиции, который угрюмо и методично оглядывал одно за другим лица зрителей.

Пауэл взял его за руку и вывел из театра.

— Он в Заповеднике, — сообщил Пауэл сержанту. — Там же вместе с ним и Хэссоп. И там же вещи Хэссопа. Очень ловко все придумано. Человек только что побывал в катастрофе, и ему хочется развлечься, отдохнуть. Едет он, конечно, не один, а со спутником. Они опередили нас на восемь часов.

— Заповедник? М-м-да… — задумчиво пробормотал сержант. — Две с половиной тысячи квадратных миль, до отказа набитых такой прорвой флоры, фауны, рельефов и климатов, какой нигде больше не увидишь, даже если проживешь три жизни.

— Вы считаете вероятным, что Хэссоп может там погибнуть (если он уже не погиб)?

— Я гроша ломаного не дам за его голову.

— Чтобы спасти беднягу, нам придется взять вертолет и немедленно вылететь.

Сержант откашлялся.

— Кгм… На территории Заповедника не разрешается пользоваться механическим транспортом.

— Но это же особый случай. Старикашка Моз непременно потребует к себе Хэссопа.

— Тогда пусть ваша чертова машина уломает

нашу мэрию. Недельки через три-четыре вы, может быть, получите специальное разрешение.

— К тому времени от Хэссопа и костей не останется. Ну, а если применить телепатический радар или сонар? Мы могли бы определить телепатемы Хэссопа и…

— Кгм… — снова откашлялся сержант. — Никакие приборы, за исключением кино- и фотокамер, не допускаются на территорию Заповедника.

— Послушайте, что за чертовня творится в этом вашем знаменитом Заповеднике?

— Заповедник сулит встречу со стопроцентно девственной природой для тех, у кого шило в заднем месте. Все там делается на свой риск. Опасность придает экскурсии еще более большую пикантность. Вы боретесь со стихией. Боретесь с дикими зверями. Вы вновь становитесь примитивным и обновленным. Так говорят рекламные объявления.

— И что там делают туристы: трут чурки одну о другую?

— Несомненно. Вы путешествуете пешим ходом. Припасы тащите на себе. А чтобы вас не слопали медведи, нужно захватить непроницаемый защитный барьер. Если вам нужен огонь, разведите костер. Рыбку поудить — опять же де-

лайте все сами. Честное состязание с природой. А на тот случай, если она вас победит, вы должны, пока живы, выдать расписку.

— Как же нам искать Хэссопа?

— Подмахнуть расписку и двинуться в путь.

— Вдвоем? Обшарить две с половиной тысячи квадратных миль этой первозданной географии? Сколько патрульных вы можете для меня выделить?

— Человек десять.

— То есть по двести пятьдесят квадратных миль на душу. Вы шутите.

— Может быть, вы сумеете уговорить наше правление… хотя нет, вы и собрать-то их всех вместе сможете не раньше чем через неделю. Впрочем, стойте! Не сумели бы вы их объединить телепатическим путем? Послать какие-нибудь аварийные сигналы, что ли? Как там у вас, щупачей, это делается?

— Вашего брата мы только прощупываем. А что-либо передать мы можем лишь друг другу… Стоп! Ага, вот это уже идея!

— Что за идея?

— Человеческий организм не считается прибором?

— Пока нет.

— И не относится к плодам цивилизации.

— Это точно.

— В таком случае мне нужно как можно скорей кое с кем договориться, и я отбуду в Заповедник с персональным радаром.

Следствием осенившей Пауэла идеи явилось то, что знаменитый адвокат во время щекотливейших переговоров в роскошном, как все на Ривьере, зале заседаний внезапно ощутил непреодолимую тягу к природе. То же чувство овладело секретарем известного писателя, арбитром по вопросам семейного права, консультантом отдела найма при Объединенной Ассоциации Отелей, специалистом по технической эстетике, председателем Вселенского Комитета Жалоб, главным кибернетиком Титана, секретарем Совета Политической Психологии, двумя членами кабинета министров, пятью парламентскими лидерами и десятками других работающих и отдыхающих на Ривьере эсперов.

Длинной вереницей входили они в ворота Заповедника, объединенные ощущением праздничной приподнятости и взаимосвязанности. Те, кто заблаговременно получили сообщение по тайной сети, успели переодеться. Остальные не успели: контролеры, занятые проверкой бага-

жа туристов, с изумлением проводили глазами безумца, который прошествовал в ворота с рюкзаком на спине и при всех дипломатических регалиях. Затем все как один поклонники природы имели при себе большие карты Заповедника, тщательно разбитые на секторы.

Быстрым шагом они разошлись во все стороны миниатюрного искусственного континента. Воздух как бы гудел, насыщенный телепатемами; все сообщения и замечания пробегали по контурам живого радара, сходясь к его центральной точке, к Пауэлу.

«Путь закрыт. Передо мной гора».

«Тут снег. Ну и метель!»

«Болота и (фу, дрянь!) москиты в моем секторе».

«Стоп. Линк! Впереди люди. Сектор двадцать один».

«Дайте мне на них взглянуть».

«Пожалуйста».

«К сожалению, не то».

«Впереди люди, Линк. Сектор девять».

«Перешлите их изображение».

«Держите».

«Нет. Не то».

«Впереди люди, Линк. Сектор семнадцать».

«Дайте изображение».

«А, черт! Это медведь».

«Не удирайте! Действуйте дипломатично!»

«Впереди люди, Линк. Сектор двенадцать».

«Дайте изображение».

«Получите».

«Опять не то».

«Вот это да!»

«Метель?»

«Нет. Льет как из ведра».

«Впереди люди, Линк. Сектор сорок один».

«Дайте изображение».

«Пожалуйста».

«Не они».

«Линк, объясните, как лазят по пальмам».

«Перехватывайте ствол руками и ногами и взбирайтесь вверх».

«Мне нужно вниз, а не вверх».

«А как вы попали наверх, ваша честь?»

«Не знаю. Спросите у носорога, которого я встретил возле этой пальмы».

«Впереди люди, Линк. Сектор тридцать семь».

«Перешлите их изображение».

«Держите».

«Не годится».

«Впереди люди, Линк. Сектор шестьдесят».

«Гоните их изображение».

«Пожалуйста...»

«Шагайте мимо».

«Долго нам еще тут странствовать?»

«Они опередили нас по меньшей мере на восемь часов».

«Нет, щупачи, поправка. Они взяли старт на восемь часов раньше нас, но это не значит, что нас разделяет восемь часов пути».

«Нельзя ли попонятней, Линк?»

«Ричи не обязательно забираться в глубь Заповедника. Он мог и поближе к воротам облюбовать удобное местечко».

«Удобное для чего?»

«Для убийства».

«Простите. Как уговорить дикую кошку, чтобы она вас не сожрала?»

«Прибегните к политической психологии».

«Прибегните к защитному барьеру, мистер секретарь».

«Впереди люди, Линк. Сектор один».

«Дайте их изображение, мистер главный кибернетик».

«Пожалуйста».

«Пройдите мимо, сэр. Это Рич и Хэссоп».

«ЧТО?!»

«Без паники. Не привлекайте к себе внимания. Спокойно проходите мимо. Когда скроетесь из поля зрения, сверните к сектору два. Всем возвратиться к воротам и разойтись по домам. Тысяча благодарностей. С этой минуты я начинаю действовать на свой риск».

«Возьмите нас в долю, Линк».

«Не выйдет. Здесь нужна ювелирная работа. Рич не должен знать, что я похитил Хэссопа. Все будет выглядеть естественно, закономерно и не вызовет подозрений. Так сказать, кража без взлома».

«И совершите ее, конечно вы».

«Кто украл погоду, Пауэл?»

Жаркая вспышка смущения догнала направлявшихся к воротам эсперов.

Облюбованная Ричем квадратная миля представляла собой густые заболоченные, насыщенные влажными испарениями джунгли. Когда спустилась темнота, Пауэл медленно пополз к костру, который Рич разложил на поляне у небольшого озерца. Вода кишела крокодилами, гиппопотамами и водяными. На земле и на деревьях тоже бурлила жизнь. Экологи Заповедника употребили немало усилия, чтобы совместить и сосредоточить максимум живности на кро-

хотном клочке земли. И поскольку их усилия увенчались блестящим успехом, непроницаемый защитный барьер Рича работал с максимальной нагрузкой.

Пауэл слышал, как попискивают, ударяясь о барьер, москиты, как со щелчком отскакивают от невидимой стены более крупные насекомые. Он не рискнул установить свой собственный барьер: защитные барьеры слегка гудят, работая, а у Бена Рича острый слух. Пауэл подобрался поближе к костру и стал прощупывать.

Хэссоп был спокоен и беспечен; ему слегка кружила голову дружба могущественного шефа, слегка пьянила мысль, что в его коробке с пленками хранится судьба Бена Рича. Рич лихорадочно мастерил огромный самодельный лук, обдумывая, как подстроить «несчастный случай» и устранить Хэссопа. Этот лук и лежавший рядом с Ричем на земле пучок стрел с закаленными на огне остриями съели восемь часов, на которые он опередил Пауэла. Но для того чтобы подстроить несчастный случай на охоте, нужно охотиться.

Пауэл встал на колени и подполз поближе, нацелив все свои чувства на восприятие Рича. Он замер как вкопанный, когда в сознании Рича звякнул сигнал тревоги. Рич, который только что

доделал лук, вскочил и, напряженно вглядываясь в темноту, прицелился.

— Что случилось, Бен? — шепотом спросил Хэссоп.

— Не знаю. Там что-то есть.

— Вот страсть-то. Но ведь у нас барьер.

— Да, я о нем все забываю.

Он снова сел на землю и поворошил костер. Рич не забыл о барьере, но недремлющий инстинкт убийцы смутно и в то же время настойчиво предупреждал его… Пауэлу оставалось только удивляться изощренной чуткости человеческого сознания. Он опять прощупал Рича. Тот, как всегда, когда чувствовал приближение опасности, машинально прикрылся привычным блоком: *«И когда сказал „четыре“, получил синяк под глаз. Три, четыре, три, два, раз!»*

Глубже бушевал водоворот. Все острей желание убить… убить немедленно и беспощадно… и уж после позаботиться о том, чтобы придать убийству видимость несчастного случая.

Стараясь не глядеть на Хэссопа, Рич взял лук. Ему не терпелось поскорее выпустить смертоносную стрелу. Пауэл двинулся вперед. Но не успел Рич пройти и десяти футов, как новый сигнал тревоги заставил его вскочить на ноги. Выхватив

из костра горящее полено, он запустил им в темноту, туда, где скрывался Пауэл. Рич так быстро принял и осуществил свое решение, что Пауэл не успел его предугадать. Пылающая головня наверняка бы угодила в Пауэла, если бы не защитный барьер, о котором забыл Рич. На лету наткнувшись на преграду, полено упало на землю.

— А-а! — крикнул Рич и вдруг повернулся к Хэссопу.

— Да что случилось, Бен?

Вместо ответа Рич прицелился в Хэссопа, так туго натянув тетиву, что тупой конец стрелы коснулся мочки его уха.

Хэссоп испуганно вскочил.

— Бен, осторожнее! Вы можете в меня попасть!

Рич выстрелил, но Хэссоп неожиданно метнулся в сторону, и стрела пролетела мимо.

— Бен! Да что вы там…

Внезапно Хэссоп все понял. С приглушенным криком он побежал прочь от костра и от Рича, который положил уже новую стрелу на тетиву. Хэссоп, с разбегу врезавшись в барьер, отлетел назад. Стрела, просвистевшая над самым его плечом, тоже уткнулась в барьер.

— Бен! — взвизгнул Хэссоп.

— У, сукин сын! — прохрипел Рич, еще раз за-

ряжая лук.

Пауэл был уже возле барьера. Но он не мог проникнуть внутрь. Хэссоп с визгом метался у дальней стены, а Рич на него надвигался, держа перед собою лук. Вторично налетев на невидимую стену барьера, Хэссоп упал, пополз на четвереньках, потом встал на ноги и, словно загнанная крыса, шмыгнул в сторону от неотступно преследующего его Рича.

— Боже мой! — прошептал Пауэл и отступил в темноту. Нужно было что-то предпринять и предпринять немедленно. В ушах у него гудело от набегавшего волнами ропота и рева, которыми джунгли откликнулись на вопли Хэссопа. Пауэл весь обратился в телепатическую восприимчивость. Слепой страх, слепой гнев, слепые инстинкты — вот все, что его окружало. Бегемоты, тяжелые, тупые… Глухие, злобные, голодные крокодилы… Огромные водяные, свирепые как носороги, которых они вдвое превышали размером. Издали долетают приглушенные расстоянием телепатические сигналы слонов, вапити, гигантских кошек.

— Ну, была, не была, — решился Пауэл. — Попробую взломать барьер. Другого пути нет.

Он задвинул все блоки, пригнал их впритирку

и, оставив выход только для сообщения эмоций, начал передавать: *«страх, страх, ужас, страх…»* Он посылал самые примитивные эмоции из всего ряда… *«Страх. Страх. Ужас. Страх. СТРАХ — БЕГСТВО — УЖАС. СТРАХ — БЕГСТВО — УЖАС — БЕЖАТЬ!»*

Во всех гнездах, пискнув, пробудились птицы. На птичий писк жалобным воплем отозвались обезьяны, и тысячи ветвей заколыхались под телами четвероруких беглецов. На озерце послышался нестройный залп громких чавкающих взрывов — то вытаскивали из прибрежной отмели охваченные слепым ужасом бегемоты. Стонала земля под ногами слонов, которые бежали в панике и оглашали джунгли пронзительным трубным ревом. Рич услыхал все это и застыл на месте, забыв о Хэссопе, который, плача и крича, все еще продолжал метаться между стенами барьера.

Бегемоты первыми наткнулись на барьер. За ними следовали гигантские водяные и крокодилы. Затем подоспели слоны. А дальше на барьер с тяжелым топотом обрушились стада зебр, гну, вапити. История Заповедника еще не знала такого массового бегства животных. Не мудрено, что и создатели непроницаемого защитного барьера не

предусмотрели возможности столь интенсивного напора. Барьер рухнул с пронзительным скрежетом, будто кто-то резал ножницами стекло.

Бегемоты раскидали и затоптали костер. Пробравшись в темноте к ополоумевшему от ужаса Хэссопу, Пауэл схватил его за руку и потащил к краю поляны, где были сложены вещи. Удар копыта чуть не сбил Пауэла с ног, но он не выпустил Хэссопа и вскоре обнаружил драгоценную коробку с пленкой. В кромешной, напоенной страхом тьме Пауэл различал телепатемы бегущих в панике животных, и ему удалось выбраться, таща за собой Хэссопа, из середины живого потока. Спрятавшись за широким стволом тукового дерева, он приостановился, чтобы отдышаться и спрятать в карман коробку. Хэссоп все еще всхлипывал. Затем Пауэл поймал телепатемы Рича — тот стоял прижавшись спиной к дереву всего лишь в сотне футов и сжимал оцепеневшими руками лук и стрелы. Он был растерян, взбешен, перепуган… и пока что невредим. Больше всего на свете Пауэлу хотелось сберечь его в целости и сохранности для Разрушения.

Отцепив свой собственный защитный барьер, Пауэл швырнул его через поляну к выжженной костром проплешине, где Ричу уже нетрудно

было бы его найти. Потом он повернулся и повел к воротам покорно следовавшего за ним шифровальщика.

13

Дело Рича можно было наконец передать окружному прокурору. Пауэл надеялся, что оно достаточно подготовлено и для того, чтобы им мог заняться толстокожий скептик, ненасытный пожиратель фактов, старикашка Моз.

Пауэл и его сотрудники собрались в кабинете Моза. В середине кабинета стоял круглый стол. На столе находился прозрачный макет Бомон Хауза, населенный миниатюрными андроидами. Сотрудники лаборатории, изготовляя модели, изображающие главных действующих лиц, превзошли себя. Крохотные Рич, Тэйт, Мария Бомон и другие передвигались по макету, воспроизводя все особенности походки оригиналов. Рядом с макетом на столе лежала кипа документов, подготовленных для Моза сотрудниками парапсихологического отдела.

Сам «старикашка» занимал всю окружность стены своего гигантского круглого кабинета. Помаргивали и мерцали холодным блеском его многочисленные глаза. Гудели и жужжали многочисленные блоки памяти. Конус рта чуть

приоткрылся, словно в изумлении перед человеческой глупостью. Многочисленные руки-рычаги застыли над рулоном перфорированной ленты, готовые сразу же вслед за получением данных отстучать логический вывод. Моз, он же Мозаичный Следственный компьютер окружной прокуратуры, держал в страхе всех сотрудников полиции, контролируя и оценивая каждое их действие, решение и заключение.

— Сперва не будем беспокоить Моза, — сказал Пауэл прокурору. — Включим модели и посмотрим, насколько точно их действия совпадут с имеющимся у пас графиком. У ваших сотрудников есть таблицы времени. Сверяйтесь с ними: если наши куклы что-нибудь сделают не так, дайте знать, и мы выбросим макет на помойку.

Он кивнул де Сантису, вспыльчивому заведующему лабораторией, и тот, сдерживая раздражение, спросил:

— Один к одному?

— Нет, это слишком быстро. Сделайте один к двум. Вдвое медленней нормальной скорости движения.

— При таком темпе андроиды выглядит неестественно, — вскипел де Сантис. — Их не смогут оценить. Мы как проклятые вкалывали две

недели…

— Не тревожьтесь. Мы повосхищаемся ими потом.

Употребив титаническое усилие воли, де Сантис сдержался, затем нажал на кнопку. В макете зажегся свет, и куклы ожили. Возник звуковой фон, в котором угадывались музыка, смех, разговоры. В главном зале Бомон Хауза пневматическая модель Марии медленно взобралась на помост, держа крохотный томик в руках.

— Это происходило в одиннадцать ноль девять, — пояснил Пауэл сотрудникам прокуратуры. — Следите за часами над макетом. Они, как и модели, будут работать в два раза медленней обычного.

Все умолкли и затаив дыхание следили за сценой, на которой андроиды воспроизводили события рокового вечера. Вновь, как и тогда, Мария Бомон, стоя на помосте в главном зале, прочитала объяснение к игре в «Сардинки». Свет стал меркнуть и погас. Бен Рич осторожно пробрался из главного зала в концертный, повернул направо, поднялся по ступенькам в картинную галерею, через бронзовую дверцу проник в прихожую брачных покоев, оглушил охрану и вошел в багряно-золотую комнату в форме цветка.

И снова Рич там встретил де Куртнэ, подошел к нему вплотную, вытащил из кармана нож-револьвер и лезвием разомкнул челюсти старика, который и не пробовал сопротивляться. Снова резко распахнулась дверь, впустив Барбару де Куртнэ в белом, искрящемся, как иней, халатике. Снова она все пыталась подбежать к отцу, а Рич никак не мог ее поймать, а потом вдруг выстрелил в рот де Куртнэ и пробил ему череп.

— Подлинные кадры, — шепотом сообщил Пауэл. — Я раздобыл этот материал, прощупывая ее подсознание.

Барбара подползла к телу отца, вынула револьвер и неожиданно выбежала из комнаты. Рич бросился за ней вслед, но не сумел ее найти в темном доме, и девушка через парадный вход проскользнула на улицу. Затем Рич встретил Тэйта, и они оба, сделав вид, что играют в «Сардинки», проследовали в просмотровый зал. Драма закончилась, когда толпа испуганных гостей, ворвавшись в брачные покои, окружила бездыханное тело старика. Куклы застыли в неподвижности, являя собой причудливую живую картину в миниатюре.

Наступила длинная пауза; сотрудники прокуратуры обдумывали увиденное.

— Ну вот, — сказал Пауэл. — Происходило это так. А сейчас давайте вручим наши данные Мозу и посмотрим, что он думает. Сначала — замысел. Вы ведь не станете отрицать, что игра в «Сардинки» предоставила Ричу отличную возможность осуществить его замысел.

— Как мог Рич знать, что там будут играть в «Сардинки»? — буркнул прокурор.

— Рич купил книгу и послал ее Марии Бомон. Он это сделал неспроста.

— Как мог он предугадать, какую игру выберут?

— Он знал, что Мария любит игры. А игра в «Сардинки» была единственной во всем томике, объяснение к которой осталось удобочитаемым.

— Ну, не знаю, — прокурор почесал голову. — Моза не так-то легко убедить. Подайте этот материал. Вреда не будет.

Дверь с грохотом распахнулась, и в кабинет прошествовал комиссар Крэбб с таким видом, словно он командовал парадом.

— Господин префект Пауэл, — произнес он официальным тоном.

— Господин комиссар?

— Мне стало известно, сэр, что вы пытаетесь при помощи этой машины обвинить моего друга

Бена Рича в гнусном и вероломном убийстве Крэя де Куртнэ. Мистер Пауэл, ваши намерения абсурдны. Бен Рич один из наших самых уважаемых и выдающихся сограждан. Кроме того, сэр, я никогда не одобрял тенденции передоверять решение важных вопросов электронному мозгу. Избиратели доверили вам пост префекта, чтобы вы работали своей головой, а не пресмыкались…

Пауэл кивнул Беку, и тот начал вставлять перфокарты.

— Вы совершенно правы, комиссар, — ответил Пауэл. — Теперь коснемся обстоятельств. Первое: скажите-ка, де Сантис, каким образом Рич оглушил охрану?

— К тому же, господа… — продолжил Крэбб.

— Ионизатором родопсина, — резко отчеканил де Сантис. Он достал пластмассовую горошину и перебросил Пауэлу, который продемонстрировал ее всем остальным. — Человек по фамилии Джордан придумал эту штуку для частной полиции Рича. У меня есть эмпирическая формула изготовления ионизатора, которую можно ввести в компьютер, а также созданный в нашей лаборатории образец. Не желает ли кто-нибудь его испытать?

Прокурор не проявил энтузиазма.

— В этом нет необходимости. Моз и без испытаний может сделать вывод.

— И в связи с этим, господа… — подводил итог Крэбб.

— Нет уж, позвольте, — с деланной приветливостью возразил де Сантис.

— Не увидев собственными глазами, вы нам не поверите. Это совсем не больно. Вы всего-навсего становитесь non compos на каких-нибудь шесть или семь…

Шарик начал расползаться в пальцах Пауэла. Яркая вспышка голубого пламени метнулась Крэббу прямо в нос. Комиссар умолк на полуслове и свалился как пустой мешок. Пауэл в ужасе озирался.

— Силы небесные! — воскликнул он. — Что я наделал? Эта горошина сама растаяла в моей руке. — И, повернувшись к де Сантису, строго сказал: — Слишком тонкая оболочка, де Сантис. Полюбуйтесь, что вы натворили с комиссаром.

— Я натворил?

— Передайте эти материалы Мозу, — вмешался прокурор, стараясь говорить бесстрастно и сухо. — Такие данные он примет.

Тело комиссара бережно уложили в глубокое кресло.

— Итак, об обстоятельствах убийства, джентльмены, — продолжал Пауэл.

— Вот, не угодно ли взглянуть? Рука быстрее глаза. — Он продемонстрировал собравшимся револьвер из музея полиции. Вынул патроны, затем из одного вытащил пулю. — Именно так поступил Рич с револьвером, полученным им накануне убийства от Джерри Черча. Он сделал вид, что обезвредил револьвер. Ложное алиби.

— Кой черт ложное? Револьвер действительно не может выстрелить. Это показания Черча?

— Да. Там у вас записано.

— Тогда даже не стоит беспокоить Моза, — прокурор брезгливо отшвырнул бумаги. — У вас нет улик.

— Улики есть.

— Разве можно убить холостым патроном? В вашем протоколе не сказано, что Рич вторично зарядил патрон.

— Он его не заряжал.

— Что правда, то правда, — едко вставил де Сантис. — Ни в ране, ни в комнате мы не нашли ничего похожего на пулю. Ничего!

— Нашли, любезнейший. Только мы не сразу сообразили, что к чему.

— Не было там ничего! — крикнул де Сантис.

— Полноте, де Сантис, ведь вы сами и нашли то, что помогло мне подобрать ключ. Помните комочек глазури во рту де Куртнэ? Вспомнили? А в желудке не оказалось никаких следов печенья.

Встретив изумленный взгляд де Сантиса, Пауэл усмехнулся. Он взял пипетку и наполнил водой сделанную из глазури капсулу. Затем он вставил ее в гильзу патрона и зарядил револьвер. Установив на краю стола деревянную панельку, Пауэл прицелился и нажал на курок. Последовал негромкий, как бы приглушенный звук взрыва, и панелька разлетелась на куски.

— Бог мой… да как же это? — вскрикнул прокурор. — Неужели там была только вода?

Он начал перебирать кусочки дерева.

— Вода, и больше ничего, — ответил Пауэл. — Из револьвера можно выстрелить не пулей, а просто унцией воды. Причем начальная скорость будет достаточно велика для того, чтобы вышибить человеку затылок, если вы стреляли в мягкое небо. Вот почему Ричу было необходимо выстрелить своей жертве в рот. Вот почему мы ничего другого не нашли. Там ничего и не было.

— Передайте это Мозу, — слабым голосом произнес прокурор. — Честное слово, Пауэл, я начинаю верить, что мы наскребем достаточно улик.

— Прекрасно. И последнее — мотив. Изучив финансовые отчеты «Монарха», мы пришли к выводу, что де Куртнэ загнал Рича в тупик. Рич не мог одолеть конкурента, и ему оставалось только сделаться его компаньоном. Он предложил де Куртнэ объединить капиталы, но тот отказался. Тогда Рич убил де Куртнэ. Наши выводы вам кажутся логичными?

— Вполне. Вот только покажутся ли они логичными старику Мозу? Суньте все это ему, и поглядим.

Они вставили в компьютер оставшиеся перфокарты, хорошенько раззадорили «старика», сразу включив его на максимальную мощность, и Моз принялся за дело.

Он сосредоточенно мигнул. В нем что-то тихо заурчало. Послышалось прерывистое сопение. Пауэл и остальные со все возрастающим нетерпением ждали ответа. Внезапно Моз икнул. Раздался тихий звон: «Динь-динь-динь-динь-динь», и руки-рычаги начали колотить по чистой ленте.

С РАЗРЕШЕНИЯ СУДА,

- ответил Моз.

СОГЛАСНО ХОДАТАЙСТВУ НЕУМЫШЛЕННИКОВ И ВОЗРАЖЕНИЮ ПРОТИВНОЙ СТОРОНЫ, ПОДПИСИ. СС. ПРЕЦЕДЕНТ: ХЭЙ prot. КОГОУЗА И РЕШЕНИЕ СУДА ПО ДЕЛУ ШЕЛЛИ.

— Что это он? — Пауэл вопросительно взглянул на Бека.

— Резвится.

— Нашел время!

— С ним это иногда случается. Попробуем еще раз.

Они снова вставили в компьютер перфокарты и добрых пять минут подзадоривали «старика».

И опять Моз заморгал, засопел, опять внутри у него заурчало, а Пауэл и все остальные, встревоженные, ждали ответа. Чтобы узнать этот ответ, десятки людей напряженно трудились целый месяц. Но вот застучали по перфоленте руки-рычаги.

РЕЗЮМЕ

921,088. СЕКЦИЯ С-1. МОТИВ, — сказал Моз. — НЕДОСТАТОЧНО ПОДТВЕРЖДЕНЫ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ШТАТ КФ

прот. ХАНРАХАНА И ПОСЛЕДУЮЩИЙ РЯД ПРЕЦЕДЕНТОВ.

— Эмоциональные мотивы? — растерялся Пауэл. — Что он, ополоумел? Да ведь тут корыстные мотивы. Бек, проверьте секцию С-1.

Бек проверил.

— Там все в порядке.

— Попытаемся снова.

Компьютер запросили в третий раз, и на сей раз он ответил во существу:

РЕЗЮМЕ 921,089. СЕКЦИЯ С-1. МОТИВ. НЕДОСТАТОЧНО ПОДТВЕРЖДЕНЫ ДОКУМЕНТАЦИЕЙ КОРЫСТНЫЕ МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ. ШТАТ КФ прот. РОЙЯЛ 1197 ВЕРХ. СУД 388.

— Вы как следует подготовили материалы для С-1? — спросил Пауэл.

— Мы сделали все, что сумели, — отозвался Бек.

— Простите, — Пауэл повернулся к остальным. — Нам с Беком придется перебросится несколькими мыслями. Надеюсь, вы не возражаете. — Он обратился к Беку.

«Ну-ка уберите блоки, Джексон, дайте мне

взглянуть. Что-то уклончивое померещилось мне в вашем последнем ответе. А ну-ка мы...»

«Честное слово, Линк, я представления не имею...»

«Если бы вы имели представление, это была бы уже не уклончивость, а просто ложь. А ну-кась. А-а... Конечно! Дурень. Вы считаете себя виновным в том, что не готова расшифровка».

— Дело в том, — пояснил Пауэл, обращаясь вслух ко всем сидящим в кабинете, — что у Бека среди подготовленных им материалов недостает одной мелочи. Хэссоп и наши шифровальщики сейчас пытаются раскодировать личный код Рича. Пока же нам известно лишь, что Рич предложил слияние капиталов и получил отказ. Подлинный текст предложения и отказа нами еще не получен. Их-то и требует Моз. Въедливый старикан.

— Если вы не раскодировали код, откуда вам известно, это Рич делал такое предложение и получил отказ? — спросил прокурор.

— Я узнал это от самого Рича через посредство Гаса Тэйта. Тэйт успел мне это сообщить за несколько секунд до своей гибели. Знаете, что мы сделаем, Бек? Добавьте к перфокарте предположительные данные. Что думает Моз о нашем

деле, если допустить (а мы это вправе сделать), что имеющиеся у нас сведения об обмене телеграммами подтвердятся?

Бек от руки перфорировал карту, присоединил ее к основному материалу и снова вставил в компьютер. Моз к этому времени уже разгулялся, и ответ последовал через 30 секунд.

«РЕЗЮМЕ
921,088. С ДОПУСКОМ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ВЕРОЯТНАЯ ДОКАЗУЕМОСТЬ 97,0099 ПРОЦЕНТА».

Сотрудники Пауэла заулыбались и с облегчением перевели дух. Пауэл оторвал ленту и широким галантным жестом вручил прокурору.

— Прошу принять дело, господин окружной прокурор. Как видите, в полном ажуре.

— Ну и ну! — воскликнул прокурор. — Подумать только, девяносто семь процентов. Да у нас и девяноста ни разу не набегало за все время моей службы. Семидесяти были рады. Девяносто семь процентов… И против кого? Самого Бена Рича! — Он ошеломленно оглядел своих сотрудников. — Ну и в историю мы с вами влипли.

Дверь открылась, в комнату, размахивая какими-то листками, вбежали двое вспотевших,

запыхавшихся людей.

— А вот и шифр, — сказал Пауэл. — Раздолбали, значит, наконец?

— Раздолбали, — отозвались шифровальщики. — И код раздолбали, и вас. Все ваше дело раздолбали вдребезги.

— Как? Что вы мелете?

— Рич укокошил да Куртнэ из-за того, что тот не захотел с ним объединяться, так мы считали? Ему во что бы то ни стало нужно было избавиться от старика, ведь так? Черта с два!

Бек тихо застонал.

— В шифровке, которую Рич отправил де Куртнэ, стояло: YYJI TTED RRCB AALK QQBA. А это значит: ПРЕДЛАГАЮ СЛИЯНИЕ НАШИХ КАПИТАЛОВ НА НАЧАЛАХ РАВНОГО УЧАСТИЯ В ДОЛЕ.

— Черт возьми! Да ведь и я то же самое говорю. А де Куртнэ ответил: WWHG, то есть отказался. Рич сообщил об этом Тэйту, а Тэйт — мне.

— Де Куртнэ ему ответил WWHG, что означает: ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО.

— Вранье!

— А вот и не вранье. WWHG — ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРИНЯТО. Именно тот ответ, который был нужен Ричу. Получив такую телеграмму, Рич должен был пылинки с де Куртнэ сдувать. Вы не сможете

убедить ни один суд в солнечной системе, что у Рича были причины убить де Куртнэ. Лопнуло ваше дело.

С полминуты Пауэл простоял неподвижно, стиснув зубы, сжав кулаки. Лицо его подергивалось. Внезапно он повернулся к макету, вынул фигурку Рича и свернул ей голову. Потом подошел к Мозу, вырвал перфорированную ленту, свернул ее в комок и швырнул через всю комнату. Решительным шагом Пауэл направился и креслу, где возлежал Крэбб, и изо всех сил саданул ногой в сиденье. К ужасу зрителей, кресло перевернулось и вместе с комиссаром грохнулось на пол.

— А, чтоб ему пусто было! Вечно торчит в кресле! — срывающимся голосом крикнул Пауэл и выбежал за дверь.

14

Удар! Взрыв! Дверь камеры настежь! Где-то там, снаружи, во тьме, ждет свобода и полет в неизведанное.

Но кто это? Кто стоит там за дверью? Боже милостивый! Человек Без Лица! Притаился. Глядит. Огромный. Безмолвный. Страшный. Бежать! Спасаться! Улететь!

Он летит в космосе… Как спокойно чувствуешь себя в этом пустом уединенном космокаре, опоясанном серебряной полосой, который устремляется в глубины неизведанного… Люк! Он открывается. Но этого не может быть. На космокаре нет никого, а крышка люка открывается медленно, зловеще… Боже мой! Человек Без Лица! Притаился. Огромный. Безмолвный…

Но я же невиновен, ваша честь. Невиновен. Вам никогда не доказать моей вины, а я буду бесконечно опротестовывать приговор, без конца опротестовывать, пусть даже я оглохну от грохота вашего судейского молотка, и… О господи! Там на скамье. В парике и в мантии. Человек без лица. Притаился. Глядит. Воплощение воз-

мездия…

Грохот молотка все глуше. Да это вовсе и не молоток. Это постукивают костяшками пальцев. Кто-то негромко стучит в дверь каюты. Снаружи слышится голос стюарда:

— Мы над Нью-Йорком, мистер Рич. Через час посадка. Мистер Рич, мы уже над Нью-Йорком.

Костяшки пальцев продолжают барабанить в дверь.

Наконец Рич обретает дар речи.

— Ладно, — говорит он хрипло. — Я вас слышу.

Стюард ушел. Рич выбрался из своей жидкой гидропатической постели и почувствовал, что у него подкашиваются ноги. В конце концов, цепляясь руками за стену и кляня себя последними словами, он встал, вое еще полный только что пережитого ужаса, прошел в ванную, побрился, принял душ, паровую и воздушную ванны. Его все еще покачивало. Войдя в нишу для массажа, он нажал кнопку с надписью «Ионизированная соль». Тотчас пульверизаторы рассыпали по его коже два фунта ароматного порошка, щелкнули рычажки электромассажа, готовые приняться за дело. Но тут вдруг Рич решил, что было бы неплохо выпить кофе. Он вышел из ниши, чтобы вызвать стюарда, и в это мгновение в нише по-

слышался глухой взрыв.

Что-то с силой оттолкнуло Рича, и он упал ничком на пол. Град крохотных острых осколков осыпал его спину. Он вскочил, бросился в спальню, схватил саквояж и, затравленно озираясь, начал рыться в нем, разыскивая разрывные баллоны, которые всегда носил с собой.

Потом он взял себя в руки и тут же почувствовал, как щиплет спину попавшая в порезы соль, как сочится из ранок кровь. И еще он почувствовал, что его больше не бьет озноб. Он вернулся в ванную, выключил систему электромассажа и осмотрел то, что осталось в нише. Судя по всему, ночью кто-то похитил у него из саквояжа разрывные баллоны и заложил их под массажные рычажки. Пустая гильза одного из баллонов валялась на полу возле ниши. Его спасло чудо. Еще какая-нибудь доля секунды… Но кто, кто мог подстроить этот взрыв?

Он самым внимательным образом осмотрел дверь. Замок открывал, по-видимому, мастер своего дела. Нигде не осталось даже маленькой царапинки. Но кто он, этот террорист? И зачем ему было устраивать покушение?

— Сукин сын! — прорычал Рич.

Не позволяя себе поддаться панике, он вернул-

ся в ванную, смыл соль и кровь, опрыскал спину коагулянтом, оделся, выпил кофе и лишь после этого спустился в досмотровый зал. Выдержав там яростную стычку с таможенниками-щупачами *(«Получил синяк под глаз! Три, четыре. Три, два, раз!»),* он перешел на борт принадлежащего его фирме авиаскутера, который поджидал его, чтобы доставить в город.

Из кабины скутера он связался с Башней «Монарха». На экране возникло лицо секретарши.

— Узнали что-нибудь новое о Хэссопе? — спросил Рич.

— Нет, мистер Рич. Ничего нового с тех пор, как вы звонили нам с Ривьеры.

— Дайте мне зал отдыха.

На экране замерцала елочка фона, затем появился сверкающий хромированной мебелью зал. Бородатый, похожий на ученого Уэст старательно подшивал в пластиковые папки листки с машинописным текстом. Он поднял голову и улыбнулся.

— Хэлло, Бен!

— Чему это вы радуетесь, Эллери? — хмуро сказал Рич. — Где черти носят этого Хэссопа? Уж вам-то следовало бы…

— Это больше не моя забота, Бен.

— Что вы болтаете?

Уэст показал папки.

— Вот закругляюсь, как видите. Это история моей карьеры на службе фирмы «Монарх. Предприятия общественного пользования». Для ваших архивов. Означенная карьера завершилась сегодня в девять часов утра.

— Что?

— Ну да. Я давно предупреждал вас. По решению Лиги я наконец освобожден от службы в вашей фирме. Лига находит, что методы промышленного шпионажа вашей компании неэтичны.

— Послушайте, Эллери, вы не можете бросить меня сейчас. Вы мне до смерти нужны, я просто в тупике. Сегодня утром на звездолете кто-то подсунул мне мину. Я чудом спасся. Я должен узнать, чьих рук это дело. А для этого мне нужен щупач.

— Мне очень жаль, Бен.

— Вам не обязательно работать для «Монарха». Я заключу с вами персональный контракт на предмет частной службы. Как с Брином.

— Брин? Второступенный? Психоаналист?

— Да. Мой психоаналист.

— Уже не ваш.

— Что?

Уэст кивнул.

— Сегодня объявлено постановление покончить с частной практикой. Она снижает полезную отдачу эсперов. Мы должны посвятить себя тому, чтобы приносить максимальную пользу максимальному количеству людей. Вот почему вы лишились Брина.

— Это все Пауэл! — крикнул Рич. — Откапывает на мусорной свалке всевозможные гнусные щупаческие увертки и все, чтобы прищучить меня. Старается пристегнуть мне дело де Куртнэ, подлый щупач! Все…

— Не сотрясайте понапрасну воздух, Бен. Пауэл не имеет к этому никакого отношения. Расстанемся по-хорошему, а? Мы с вами всегда отлично ладили. Так расстанемся же по-доброму. Что вы сказали?

— Сказал, чтобы вы катились ко всем чертям! — рявкнул Рич и выключил видеофон. Затем точно таким же тоном он бросил капитану скутера:

— Ко мне домой.

Рич ворвался в свой изящный фешенебельный особняк, построенный на крыше гигантского небоскреба, пробудив, как пробуждал уж не раз, страх и ненависть в сердцах слуг. Он запустил саквояжем в камердинера и направился в комнаты, отведенные Брину. Они были пусты. Суховатая

записка на столе извещала Рича о том ее, о чем он только что узнал от Уэста. Рич широкими сердитыми шагами направился в свои покои, подошел к видеофону и набрал номер Гаса Тэйта. На пустом экране вспыхнула надпись:

ПРИЕМА НЕТ.

Рич изумленно поглядел на надпись, отключил видеофон и набрал номер Джерри Черча. И снова на чистом экране появилась надпись:

ЛОМБАРД ЗАКРЫТ.

Рич злобно щелкнул тумблером и начал неуверенно расхаживать по кабинету, затем, направившись к сейфу, мерцавшему в углу, настроил его на временную фазу и, когда появились ячейки, протянул руку, чтобы взять маленький красный конверт, лежавший в левом верхнем углу. Коснувшись конверта рукой, он услышал негромкий щелчок. И тут же, пригнувшись, метнулся в сторону.

Из сейфа вырвалась слепящая вспышка пламени, затем раздался мощный взрыв. Что-то больно толкнуло Рича в левый бок. Пролетев через весь кабинет, он ударился о стену. Посыпался град

осколков. С большим трудом ему удалось встать на ноги. Ошеломленный, разъяренный, свирепо что-то рыча, он принялся срывать с себя изодранный пиджак, чтобы выяснить, насколько сильно его покалечило. Он обнаружил множество ран от осколков, а мучительная боль в боку свидетельствовала о том, что сломано по крайней мере одно ребро.

Услыхав, что слуги бегут к нему по коридору, он заорал:

— Никому не входить! Слышите вы? Никому. Все оставайтесь на месте.

Спотыкаясь об обломки, он начал разбирать то, что осталось от сейфа. Вот нейронный дезинтегратор, отнятый им у красноглазой помощницы Чуки Фруд. А вот зловещий стальной цветок, тот самый нож-револьвер, которым был убит де Куртнэ. В обойме остались четыре нестреляных патрона с наполненными водой ампулами из глазури. Он сунул то и другое в карман (к этому времени он успел переодеться), взял из стола новый запас разрывных баллонов и выбежал из комнаты, даже не взглянув в сторону изумленных слуг.

Спускаясь к гаражу, расположенному в подвале, Рич ругался последними словами. Ругаясь,

он сунул в щель автоматического вызова аэромобилей ключ от своего маленького личного прыгуна и стал ждать. В это время в гараж вошел один из жильцов небоскреба. Остановившись поодаль, он с любопытством поглядывал на Рича. Наконец прыгун вынырнул из хранилища с ключом, торчащим в дверце. Рич повернул ключ, рывком распахнул дверцу и уже собрался сесть в кабину, когда до его слуха донесся тихий звук, похожий на шипение воздуха, вырывающегося из проколотого баллона. Рич бросился ничком на землю. В ту же секунду в прыгуне взорвался бак. К счастью, обошлось без пожара. Вырвался лишь мощный гейзер горючего, и во все стороны полетели обломки искореженного металла. Рич со всей быстротой, на какую был способен, пополз к выходу, кое-как добрался до лестницы и сломя голову бросился вон из гаража.

Вот и улица. Растерзанный, окровавленный, провонявший креозотом, он остановился и как безумный стал озираться во сторонам в надежде поймать общественного прыгуна. Прыгунов-автоматов не было, но ему удалось остановить аэромобиль с водителем.

— Куда? — спросил шофер.

Рич с некоторым даже изумлением взглянул

на свою окровавленную, запятнанную жирными пятнами одежду и хриплым, срывающимся голосом приказан:

— К Чуке Фруд!

Одним прыжком такси перенесло его к Бастиону Уэст, 99.

Не обращая внимания на протесты швейцара, Рич протиснулся в дом, пронесся через приемную мимо негодующего секретаря и высоко оплачиваемого консультанта Чуки Фруд и вломился в личный кабинет гадалки. Кабинет представлял собой комнату в викторианском стиле с захватанными стеклянными лампами, пышными диванами и конторкой на роликах. За конторкой в подозрительного вида халате сидела Чука. Недоверие, написанное на ее лице вначале, сменил испуг.

— Господь с вами, Рич! — воскликнула она.

— Ну вот я и пришел, Чука, — сказал он хрипло. — Можно начинать игру. Но прежде чем нам начать партию, давай-ка пустим пробный шар. Этот дезинтегратор однажды уже помог мне объясниться с тобой. Сейчас у меня появилась охота попробовать еще разок. И виновата в этом ты сама.

Старуха выскочила из-за конторки и завиз-

жала:

— Магда!

Рич схватил ее за руку и отшвырнул в противоположный конец комнаты. В следующий момент в кабинет влетела красноглазая телохранительница. Но Рич поджидал ее. Подскочив сзади, он ударил ее ребром ладони по шее и, когда женщина ничком повалилась на пол, наступил ей на спину.

— Ну, рассказывай-на все начистоту. Зачем ты подкладываешь мне мины?

— крикнул он Чуке, не обращая внимания на возню распластавшейся на полу красноглазой, которая, стараясь освободиться, извивалась всем телом и царапала его ногу.

— О чем вы говорите? — взвизгнула Чука.

— И у тебя хватает наглости об этом спрашивать! Ты умеешь читать мысли. Вот и прочитай по этим кровавым пятнам, негодяйка ты этакая! Я три раза был на волосок от смерти. Не может же мне без конца везти!

— Никак не возьму в толк, о чем это вы, Рич. Не пойму я, о чем вы толкуете…

— Я толкую о смерти, Чука, о большом «С», которое обозначает смерть. Недавно я вошел к тебе силой, увел отсюда эту девчонку, дочь де

Куртнэ, задал хорошую трепку твоей подружке, да и самой тебе досталось. Вот ты в отместку и пытаешься меня ухлопать, подсовываешь мины-сюрпризы. Ведь так?

Старуха растерянно потрясла головой.

— Ты мне подсунула уже три штуки. Одну на космическом лайнере, который вез меня с Ривьеры. Вторую в моем кабинете. Третью — в аэромобиль. Сколько ты мне их еще подкинешь, а, Чука?

— Это не я, Рич. Помогите мне встать. Я…

— Кроме тебя, некому. Узнаю тебя по хватке. А потом кто еще, кроме тебя, станет мараться с разной шпаной, нанимать уголовников? Нет, все улики против тебя. Кончай темнить. — Он снял дезинтегратор с предохранителя. — Некогда мне рассусоливать с тобой. Еще не хватало тратить время на задрипанную старую бесовку и ее вампиров…

— Господи помилуй! — завопила Чука. — Да за каким же дьяволом стала бы я с вами враждовать? Ну, поколобродили вы малость в доме. Ну, Магда от вас схлопотала. Так не от вас же первого. Да и не от последнего. Так зачем мне, пораскиньте-ха мозгами…

— Я уже пораскинул. Если не ты, то кто же?

— Кено Киззард. Он тоже шпану нанимает. Я слыхала, вы с ним…

— Киззард вышел из игры. Он мертв. Еще кто?

— Может, Черч?

— Черч на такое не решится, кишка тонка. А решился бы, так сделал бы это десять лет назад. Кто еще?

— А мне почем знать? Сотни людей вас ненавидят.

— Не сотни, а тысячи, но кто мог влезть в мой сейф, подобрать комбинацию?…

— Может, ее никто и не подбирал, комбинацию-то вашу. Может, не в сейф, а в голову к вам кто залез, прощупал комбинацию…

— Прощупал?

— А что? Хоть бы Черч. Почем вы знаете, тонка у него кишка или нет? Или еще какой щупач, кому не терпится упрятать вас в могилу.

— Боже мой! — прошептал Рич. — Боже мой, ну конечно.

— Черч?

— Нет. Пауэл.

— Фараон?

— Да, Пауэл, конечно же! Его святошеское прохиндейство. Линкольн Пауэл! — злобные восклицания хлынули потоком. — А, черт! Пауэл!

Сукин сын проклятущий, вот за что принялся. Увидел, что честным путем меня не одолеть. Не сумел доказать свои обвинения, так мины мне подкладывает!

— Да вы что, рехнулись?

— Рехнулся? А за каким дьяволом он забрал у меня Эллери Уэста и Брина? Знал, негодяй, что только какой-нибудь щупач сумел бы мне помочь защититься от его мин-сюрпризов. Нет, это Пауэл.

— Но он же полицейский, Рич. Сам ведь в полиции служит!

— Ну и что из того, что служит? — крикнул Рич. — А чем это может ему помешать? Еще удобнее. Кто его заподозрит? Ловкий ход. На его месте я бы сан так поступил. Ну хорошо же!.. Я в долгу не останусь. Такой ему подложу сюрпризец!..

Он пинком отшвырнул красноглазую, подошел к Чуке, рывком поставил ее на ноги.

— Звони Пауэлу.

— Чего?

— Звони, говорю, Пауэлу сейчас же! — заорал он. — Линкольну Пауэлу. Домой. Скажи, чтоб сию минуту шел сюда.

— Нет, Рич…

Он схватил ее за ворот и встряхнул, как мешок.

— Слушай меня, дура набитая. Бастион Уэст принадлежит картелю де Куртнэ. Сейчас, когда старик де Куртнэ умер, его картель станет моим и Бастион моим. Теперь я буду хозяином этого дома. Твоим хозяином, Чука. Хочешь остаться при своем доме? Звони Пауэлу.

Она уставилась на его багровое лицо, кое-как прощупала его и хоть с трудом, но сообразила, что он говорит правду.

— А что я ему скажу?

— Постой-ка… минутку. — Рич подумал, потом вынул из кармана нож-револьвер и сунул его в руки гадалке. — Покажи ему эту штуковину. Скажи, что дочка де Куртнэ оставила это здесь.

— А что это?

— Пистолет, которым убит де Куртнэ.

— Ох… как же так?…

Рич засмеялся.

— Все равно никакой пользы ему от этой штуки не будет. К тому времени, когда этот пистолет окажется у него в руках, я подложу ему мину. Позвони ему. Покажи ему револьвер. Замани сюда.

Он подтолкнул Чуку к видеофону, а сам встал рядом, однако так, чтобы его изображение не попало на экран, и многозначительно взвесил на руке дезинтегратор. Чука поняла угрозу.

Она набрала номер Пауэла. На экране появилась Мэри Нойес, выслушала Чуку и пошла звать Пауэла. Он тут же подошел к видеофону. Худое лицо префекта осунулось, под темными глазами лежали глубокие черные тени.

— Я… У меня тут кое-чего есть. Мистер Пауэл, может, для вас нужное,

— запинаясь, начала Чука. — Вот давеча нашла. Эта девушка, что вы увели отсюдова… Она оставила.

— Что оставила?

— Да револьвер, из которого отца ее… ухлопали…

— Не может быть! — лицо Пауэла внезапно оживилось. — Покажи.

Чука продемонстрировала нож-револьвер.

— Клянусь небом, это он! — воскликнул Пауэл. — Может, мне и в самом деле наконец-то повезет. Никуда не уходи, слышишь, Чука? Я прибуду так быстро, как только сможет домчать меня прыгун.

Экран погас. Так сжав зубы, что во рту появился вкус крови, Рич бросился к выходу, вылетел из Радужного Дома, разыскал свободный прыгун-автомат, сунул в щель монету в полкредитки, отпер дверцу а ввалился в кабину. С оглушительным

свистом прыгун свечой взмыл вверх, ударился о карниз тридцатого этажа и чуть не перевернулся. У Рича промелькнула смутная мысль, что в таком состоянии, пожалуй не рекомендуется ни садиться за штурвал, ни заниматься подкладыванием мин. Однако эту мысль тотчас перебила другая: «Не ломай себе голову, ничего не пытайся рассчитывать. Предоставь все инстинкту. Ты убийца. Прирожденный убийца. Нужно просто выждать время и убить».

Сделав над собой огромное усилие, он повел прыгун в Гудсон Рамп, благополучно долетел до места и начал снижаться, борясь с буйными и неустойчивыми ветрами, которые всегда дуют над Норт Ривер. Он уже почти приземлился, когда, движимый все тем же инстинктом убийцы, снова резко поднял машину, потом бросил ее вниз и сел в садике за домом Пауэла, угробив прыгуна. Инстинкт подсказал ему, что при посадке нужно разбить аэромобиль. Зачем? Этого он еще не знал. Толчком распахнув смятую дверцу кабины, он услышал записанный на пленку голос: «Прошу внимания. Вы ответственны за все повреждения, нанесенные этому летательному аппарату. Пожалуйста, сообщите ваше имя и адрес. Если мы окажемся вынужденными разыскивать вас, вам

придется оплатить расходы, связанные с розысками. Заранее благодарим».

— На здоровье, — проворчал Рич. — Надеюсь, это будет не единственное «повреждение», за которое я окажусь «ответственным»…

Он нырнул под ветви густо разросшихся кустов форситии и стал ждать, держа наготове дезинтегратор. Через несколько секунд он понял, для чего нужно было разбивать аэромобиль. Из дома вышла девушка — та, что подходила к видеофону, — и побежала через сад к разбитому прыгуну. Рич ждал. Кроме девушки, из дома никто не вышел. Значит, она одна. Рич начал выбираться из кустов, но девушка повернулась в его сторону раньше, чем зашелестели ветки. Щупачка! Он передвинул спусковой крючок на первую отметку. Тело девушки вздрогнуло и словно одеревенело. Теперь она была беспомощна.

В тот момент, когда Рич собирался перевести спусковой крючок к большому «С», инстинкт опять остановил его. Он вдруг придумал, каким образом подложить Пауэлу мину. Девушку следовало убить в доме, а не в саду, баллоны со взрывчаткой вложить в ее тело и оставить этот сюрприз для Пауэла. По смуглому лицу девушки градом катился пот, желваки на скулах судорож-

но подергивались. Рич взял ее под руку и повел в дом. Она шла как заводная, переступая негнущимися ногами.

Втащив девушку в дом, Рич через кухню провел ее в гостиную и пихнул на широкий плетеный шезлонг. Он чувствовал, как отчаянно она сопротивляется, хотя мускулы совершенно не повиновались ей. Рич злобно усмехнулся, наклонился к ней и крепко поцеловал в губы.

— Мой сердечный привет Пауэлу, — сказал он и отступил на шаг, поднимая дезинтегратор. Но тут же опустил его.

За ним кто-то наблюдал.

Он машинально обернулся, окинул беглым взглядом комнату. Она была пуста.

— Ваши телепатические выкрутасы, а, щупачка? — спросил он, повернувшись к Мэри Нойес.

Он снова поднял дезинтегратор и опять опустил его.

На него кто-то смотрел.

На этот раз Рич, крадучись, обошел гостиную, заглядывая за все стулья, открывая дверцы стенных шкафов. В комнате никого не было. Он осмотрел кухню, ванную. Никого. Возвратившись в гостиную, он вдруг подумал, что надо бы сходить и на второй этаж, подошел к лестнице,

поднял ногу, собираясь взобраться наверх, и вдруг замер, не успев опустить ее на ступеньку, словно оглушенный внезапным ударом.

Он не ошибся, за ним и вправду наблюдали.

Она была на лестничной площадке наверху и, как ребенок, стоя на коленях, заглядывала сквозь перила вниз. Она и одета была как ребенок, в колготки, зачесанные назад волосы перевязаны ленточкой. Она разглядывала его с озорным и по-детски лукавым выражением лица. Барбара де Куртнэ.

— Хэлло, — сказала она.

Он почувствовал, что его бьет дрожь.

— Я Бари, — сказала она.

Он поманил ее.

Она сразу же встала и, крепко держась за перила, начала осторожно спускаться.

— Мне не разрешают сходить вниз, — доверительно сказала она. — Вы папин друг?

Рич судорожно глотнул воздух.

— Я… — пробормотал он срывающимся голосом, — я…

Она продолжала лепетать:

— Папе пришлось уйти. Но он скоро вернется. Он мне обещал. Если я буду хорошей девочкой, он мне подарок принесет. Я стараюсь, правда. Но

это ужасно трудно. А вы хороший?

— Ваш отец? Ве-ве-вернется? Ваш отец?

Она кивнула.

— А во что вы играли с тетей Мэри? Вы ее поцеловали, я видела. Папа меня тоже целует. Мне это нравится. А тете Мэри понравилось? — Она доверчиво взяла его за руку. — Когда я вырасту большая, я выйду за папу замуж и всегда буду его девочкой. А у вас есть девочка?

Рич повернул ее лицом к себе и заглянул ей в глаза.

— Что ты мне голову морочишь? — хрипло спросил он. — Думаешь, меня так просто обвести вокруг пальцами Что ты рассказала Пауэлу?

— Он мой папа, — сказала девушка. — А когда я его спрашиваю, почему нас с ним по-разному зовут, он такой чудной-чудной делается. А тебя как зовут?

— Отвечай! — заорал Рич. — Я тебя спрашиваю, что ты ему сказала? Кого ты хочешь провести этим кривляньем? Ну, отвечай.

Она растерянно взглянула на него и заплакала. Потом попробовала вырваться из его рук, но не смогла.

— Уйди! — кричала она, всхлипывая. — Отпусти!

— Ты мне ответишь?

— Отпусти!

Он приволок ее в гостиную, бросил в шезлонг рядом с Мэри Нойес, которая еще не оправилась от действия дезинтегратора, отступил назад и нацелил на них свое оружие. Внезапно Барбара приподнялась и замерла, как бы прислушиваясь к чему-то. Ребячливое выражение исчезло с ее лица, теперь оно было страдальческим и напряженным. Она спустила ноги, спрыгнула с кресла, как спрыгивают с постели, и побежала. Потом на секунду остановилась, сделала таков движение, будто открывает дверь, и снова бросилась вперед. Ее желтые волосы разметались, темные глаза расширились от страха — ударом молнии сверкнувшая дикая краса.

— Папа! — закричала она. — О боже мой! Папа!

У Рича замерло сердце. Она бежала к нему. Он шагнул навстречу, чтобы схватить ее. Она остановилась, отступила, метнулась влево и побежала, полукругом огибая комнату, отчаянно крича и все время глядя в одну точку.

— Нет! — кричала она. — Нет! Не надо! Ради всего святого! Отец!

Рич бросился ей наперерез. На сей раз ему удалось схватить девушку, хотя она кричала

и отчаянно вырывалась. Сам он тоже что-то кричал. Вдруг, словно оцепенев, Барбара замерла и прижала к ушам ладони. Рич увидел себя в орхидейной комнате Бомон Хауза. Он услышал выстрел, увидел, как из затылка де Куртнэ вылетел страшный кровавый сгусток. И вдруг почувствовал, как все его тело свело судорогой, и он не смог удержать девушку. Барбара упала на колени, поползла по полу, и он увидел, как она прильнула к застывшему телу старика.

Рич с усилием глотнул воздух, чтобы привести себя в чувство. Сжав кулаки, он так сильно ударил костяшками пальцев друг о друга, что стало больно. Наконец шум в ушах немного утих, и он медленно направился и Барбаре, пытаясь собраться с мыслями и на ходу перестроить свой план. Он никак не мог предположить, что здесь окажется свидетельница. Мерзавец Пауэл! Девчонку придется убить. Успеет он убить двоих за… Нет. Никого он не собирается убивать. Он хочет подложить мину. Паршивец Тэйт. Стоп! Он ведь сейчас не в Бомон Хаузе. Он на…

— Гудсон Рамп, 33, - с порога подсказал Пауэл.

Рич быстро оглянулся, машинально пригнувшись и перебросив дезинтегратор под локоть левой руки, как его научили бандиты Кено Киз-

зарда.

Пауэл шагнул в сторону.

— Не вздумайте стрелять! — сказал он резко.

— Сукин сын! — заорал Рич, машинально повернувшись к Пауэлу. На какое-то мгновенье тот оказался прямо перед дулом дезинтегратора, но снова быстро отступил в сторону. — Щупач проклятый! Сволочь, доходяга…

Пауэл сделал вид, будто собирается броситься влево, а сам одним прыжком подскочил к Ричу и нанес ему резкий удар в локтевой нервный узел. Дезинтегратор упал на пол. Оставшись безоружным, Рич бросился врукопашную. Он дубасил Пауэла кулаками, царапался, бодался, осыпая его площадной руганью. Пауэл ответил тремя молниеносными ударами — по шее у основания черепа, в солнечное сплетение и в пах. В результате у Рича была полностью блокирована деятельность нервного позвоночного столба. Он грузно свалился на пол. Из носу у него потекла струйка крови, тело сотрясали позывы к рвоте.

— А ты думал, ты один умеешь драться? — с усмешкой сказал Пауэл.

Он подошел к Барбаре де Куртнэ, все еще стоявшей на коленях, и помог ей подняться.

— Ну как ты, Барбара? — спросил он.

— Хэлло, папа. Мне снился страшный сон.

— Я знаю, детка. Мне пришлось все так устроить, чтобы проучить этого здоровенного дуралея.

— Поцелуй меня.

Он поцеловал ее в лоб.

— Ну и быстро же ты растешь! — сказал он с улыбкой. — Вчера еще лепетала как совсем маленький ребенок, а сегодня…

— А я нарочно так расту. Потому что ты обещал, что подождешь, когда я стану большая.

— Раз обещал, значит, так и сделаю. Можешь сама забраться на второй этаж или отнести тебя на ручках, как вчера?

— Я сама могу.

— Вот и умница. Беги наверх.

Она подошла к лестнице, крепко уцепилась за перила и начала взбираться наверх. На последней ступеньке она быстро обернулась, показала Ричу язык и скрылась. Пауэл подошел к Мэри Нойес, пощупал пульс и поудобнее усадил в шезлонге.

— Первая отметка, так? — сквозь зубы, произнес он, обращаясь к Ричу.

— Это мучительно, но через час она полностью придет в себя. — Он подошел к распростертому на полу Ричу, посмотрел на него сверху вниз. Его измученное лицо потемнело от гнева. — Мне

следовало бы рассчитаться с вами за Мэри, но что толку? — сказал он. — Разве такому, как вы, что-нибудь объяснишь? Хоть кол на голове теши…

— Убейте меня, — простонал Рич. — Или убейте, или подымите. Но тогда уж, клянусь богом, я сам вас убью.

Пауэл поднял дезинтегратор и искоса взглянул на Рича.

— Попытайтесь немного пошевелить мускулами. Шоковое состояние длится не больше нескольких секунд. — Он сел, держа дезинтегратор на коленях. — Да, с этой вылазкой вам явно не повезло. Уже через пять минут после того, как я вышел из дому, мне стало ясно, что меня выманили обманом. Чука, конечно, действовала по вашему наущению.

— Обманом! Сам ты обманщик! — крикнул Рич. — И ты, и этика твоя, и все твои высокопарные рассуждения — все обман. И все вы со своими…

— Чука сказала, что из этого револьвера был убит де Куртнэ, — невозмутимо продолжал Пауэл. — Стреляли-то, конечно, из этого револьвера, но вот чем стреляли, никто не знает… кроме нас с вами. Я сразу же вернулся, и вот… Однако что-то долго вы не поднимаетесь. Пожалуй, слишком

долго. Ну, попробуйте-ка встать. Вы уже можете это сделать.

Рич, пошатываясь и тяжело дыша, поднялся на ноги. Внезапно он быстро сунул руку в карман и вытащил разрывной баллон. В ту же секунду Пауэл откинулся на спинку кресла, толкнул Рича в грудь каблуком и выбил баллон у него из руки. Рич навзничь рухнул на диван.

— И когда же наконец все вы усвоите, что не в ваших силах захватить врасплох щупача? — сказал Пауэл. Он подошел к валявшемуся на полу баллону и поднял его. — А вы, я вижу, вооружились до зубов. И ведете себя скорее как непойманный преступник, а не свободный человек. Заметьте, я не говорю «невинный человек», я говорю «свободный».

— А надолго ли я свободен? — процедил сквозь зубы Рич. — О виновности или невиновности я тоже не говорю. Но свободен-то надолго ли?

— Навсегда, — ответил Пауэл. — Ах, какое роскошное обвинительное заключение было у меня против вас! Все сходилось тютельку в тютельку, все факты. Окончательно я их проверил сейчас, когда увидел вас здесь, с Барбарой. Все укладывалось в схему, все факты, кроме одного. И из-за этого-то одного фактика все наши усилия пошли

прахом. Вы свободный человек, Рич. Дело против вас прекращено.

Рич вытаращил на него глаза.

— Прекращено?

— Ну да. Обвинение не доказано. Я сел в лужу. Теперь можете разоружаться, Рич. Займитесь своими делами. Вас никто больше не побеспокоит.

— Врешь! Опять щупаческие фокусы. Ты мне не вкручивай…

— Да ничего подобного. Вот послушайте, я вам все расскажу. Я знаю о вас все. Я знаю, какой суммой вы подкупили Гаса Тэйта. Что обещали Джерри Черчу. Каким образом нашли эту игру в «Сардинки». Как применили изобретенные доктором Джорданом капсулы. Знаю, что вы проделали с револьверными патронами: чтобы отвести от себя обвинение, вы вынули из них пули, а потом с помощью унции воды снова сделали смертоносными. Как видите, я собрал неопровержимую цепь улик. Я выяснил все — и способ убийства, и обстоятельства. Одного я не знал — мотива. Суду надо было представить обоснованный мотив преступления, и сделать это я не сумел. Вот почему вы оказались на свободе.

— Врешь!

— Разумеется, я мог бы предъявить вам обвине-

ние в три, что вы ворвались ко мне в дом с явным намерением совершить убийство. Но это было бы несолидно — все равно что стрелять из игрушечного пугача, сделав осечку из пушки. К тому же вы наверняка бы выкрутились и на этот раз. Ведь мои единственные свидетели — щупачка и больная девушка.

— Ты лгун, — отрезал Рич. — Ты лицемер. Ты брехливый щупач. Какой осел тебе поверит? Кто станет слушать твои байки? Не было у тебя никаких доказательств. Ничего не было! Я разбил тебя по всем пунктам. Вот почему ты подбрасываешь мне эти мины-сюрпризы. Вот почему ты… — Внезапно Рич замолчал и стукнул себя кулаком по лбу. — Так это же, наверное, и есть твоя самая главная мина. А я сдуру на нее напоролся. Ну и остолоп же я! Ну и…

— Заткнитесь! — резко оборвал его Пауэл. — Я не могу прощупывать человека, у которого мысли прыгают, как зайцы. Что еще за мины-сюрпризы? Продумайте это как следует.

Рич ехидно рассмеялся.

— Будто ты сам не знаешь. В кающе космического лайнера. У меня в сейфе. В прыгуне…

Почти целую минуту Пауэл сосредоточенно прощупывал мысли Рича, впитывал их, клас-

сифицировал, разбирал. Неожиданно лицо его побледнело, сердце гулко заколотилось в груди.

— Боже мой! — воскликнул он и, вскочив, заметался по комнате. — Боже мой! Так вот в чем дело!.. Тогда все понятно… Старикашка Моз был прав. Эмоциональные мотивы, а мы-то решили, что он дурачится. И этот образ в виде сиамских близнецов среди глубинных инстинктов Барбары… И ощущение вины, терзавшее де Куртнэ… Не удивительно, что Рич не смог убить нас в доме Чуки. Да, но теперь уже речь не об убийстве! Что там убийство? Все это серьезнее. Много серьезнее. И очень опасно… Более, чем я когда-либо воображал себе.

Он замолчал, повернулся к Ричу и с ненавистью посмотрел на него.

— Если бы я мог убить вас, — крикнул он, — я бы свернул вам шею собственными руками! Я разорвал бы вас па куски, развесил бы их на Галактической Виселице, и вся Вселенная благословила бы меня. Да знаете ли вы, как вы опасны? Впрочем, что с вами говорить! Разве знает чума, сколько гибели она несете Разве смерть действует сознательно?

Рич молчал и только изумленно таращил на Пауэла глаза. Префект с досадой мотнул головой.

— Какой смысл вас спрашивать, — пробормотал он. — Вы не знаете, о чем я говорю. И никогда не узнаете.

Он подошел к буфету, достал две ампулы бренди и засунул их Ричу в рот. Рич попытался их выплюнуть, но Пауэл сжал его челюсти.

— Проглотите их, — сказал он повелительно. — Мне нужно, чтобы вы очухались и выслушали меня. Может быть, чтобы успокоиться, вам нужен какой-нибудь наркотик?

Рич поперхнулся бренди, что-то злобно забормотал и стал отплевываться. Пауэлу пришлось встряхнуть его, чтобы утихомирить.

— Слушайте, Рич, — сказал он. — Я со всей прямотой обрисую вам ту сторону дела, которую вы в состоянии уразуметь. Обвинение с вас снято. Сейчас, когда я узнал от вас об этих минах-сюрпризах, я понял, что иначе и быть не могло. Знай я о них раньше, я бы и не подумал начинать расследование. Я наплевал бы на свои принципы и просто убил вас. Постарайтесь же понять все, что я вам скажу.

Рич перестал плеваться.

— Мне не удалось выяснить мотив совершенного вами преступления. Это была единственная прореха в проделанной мною работе. Когда вы

предложили де Куртнэ слияние капиталов, он согласился. В своей шифровке он написал WWHG. Это согласие. У вас не было причины убивать его. Наоборот.

Рич побледнел. Его мысли метались в бешеном водовороте.

— Нет. Нет. Неправда. WWHG — это отказ. Он отказался. Отказался!

— Согласился.

— Да нет же. Мерзавец отверг мое предложение. Он…

— Он принял ваше предложение. Когда я узнал, что де Куртнэ согласился на ваше предложение, я понял, что проиграл. Я знал, что суд не примет нашего обвинительного заключения. Но мне и в голову не приходило подбрасывать вам мины. Я не взламывал замок в вашей каюте на космическом лайнере. Я не подкладывал вам баллонов со взрывчаткой. Я вовсе не тот человек, который хотел вашей смерти. Тот, кто старается вас убить, потому и намеревается это сделать, что знает: я для вас не опасен. Ни я, ни Разрушение. Он всегда знал то, что я открыл только сейчас. Он всегда знал, что вы смертельный враг всего нашего будущего.

Рич пытался заговорить, но не смог. Пошатыва-

ясь, он поднялся наконец с дивана и спросил:

— Да кто же это? Кто он? Кто?

— Ваш старинный враг, Рич. Человек, от которого вам не спастись. Вам не убежать от него, не спрятаться… и, молю бога, чтобы вам и впредь не удалось укрыться от него.

— Кто же это, Пауэл? КТО ОН ТАКОЙ?

— Человек Без Лица.

Рич хрипло вскрикнул, как раненый зверь, повернулся и, спотыкаясь, вышел из дому.

15

Смотри в оба! Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»…
Смотри в оба! Смотри в оба!
И когда сказал «четыре»…

— Заткнись! — крикнул Рич.

Три, два, раз!
А ну еще!
Три, четыре — горячо!

— Богом тебя заклинаю! Заткнись!

Три четыре — горячо!
Ах ты, камбала, не вобла,
Смотри в оба!

— Ты должен все обдумать. Почему ты не думаешь? Что с тобой? Думай же!

Смотри в оба…

— Он лгал. Ты знаешь, что он лгал. Ты ведь сразу все понял: это и была его самая главная мина-сюрприз. WWHG — отказ! Конечно же, отказ. Но

для чего же он врал? Чем это может ему помочь?

И когда сказал «четыре»…

— Человек Без Лица… Брин мог рассказать о нем. И Гас Тэйт тоже мог. Думай же!

Получил синяк под глаз…

— Да его ведь нет, этого Человека Без Лица. Это сон. Ночной кошмар!

Три, четыре…

— А мины? Откуда взялись мины? Сейчас я был в его руках. Почему он не разделался со мной? Он сказал, что я свободен. Что он замышляет? Думай же!

Три, два, раз!

Кто-то тронул его за плечо.
— Мистер Рич.
— А?
— Мистер Рич?
— А? Кто это?

Мало-помалу расплывчатые тени вокруг него приобрели форму: он увидел, что хлещет дождь, а сам он лежит на боку, зарывшись щекой в грязь, поджав колени и обхватив их руками. Он промок до нитки. Рядом печально шелестели мокрые

ветки деревьев. Кто-то наклонился над ним.

— Кто это?

— Гален Червил, мистер Рич.

— А?

— Гален Червил, сэр. Мы познакомились на балу у Марии Бомон. Не пора ли мне оказать обещанную вам услугу, мистер Рич?

— Не прощупывайте меня! — крикнул Рич.

— Что вы, мистер Рич! Мы ведь обычно не… — Молодой Червил вдруг осекся. — Вы знаете, что я щупач? Откуда? Вы бы встали, сэр.

Он взял Рича за руку и потянул, пытаясь помочь ему подняться. Тот со стоном выдернул руку. Тогда молодой Червил взял его под мышки, поставил на ноги и с изумлением заглянул в его перепуганное лицо.

— Вас избили, мистер Рич?

— А? Нет. Нет…

— Несчастный случай, сэр?

— Да нет же. Я… О бог ты мой, — вдруг взорвался Рич, — катитесь-ка вы к черту!

— Да, конечно, сэр. Мне просто показалось, что вам нужна помощь, а ведь за мной обещанная услуга, но…

— Постойте, — перебил Рич. — Идите сюда. — Обхватив ствол дерева, он привалился к нему,

тяжело и хрипло дыша. В конце концов ему удалось выпрямиться, и он уставился на Червила воспаленными главами. — Вы и в самом деле намерены оказать мне услугу?

— Конечно, мистер Рич.

— И ни о чем меня не спрашивать? И не болтать потом?

— Разумеется, мистер Рич.

— Речь идет об убийстве, Червил. Я хочу выяснить, кто покушается на мою жизнь. Можете вы оказать мне эту услугу? Прощупаете для меня одного человека, которого я вам укажу?

— Но мне кажется… тут уж скорее полиция…

— Полиция? — Рич истерически расхохотался, но тут же мучительная боль в сломанном ребре заставила его замолчать. — Именно полицейского-то я и прошу для меня прощупать, Червил. Очень важного полицейского. Их комиссара. Вот так. — Он отпустил ствол и, качнувшись, уцепился за Червила. — Я намерен навестить моего друга комиссара и задать ему несколько вопросов. А вас прошу при сем присутствовать и сказать мне потом всю правду. Пойдете вы со мной к Крэббу, прощупаете его? А сделав это, согласны тут же все забыть? А? Согласны?

— Да, мистер Рич… я согласен.

— Вот как? Честный щупач? Впервые вижу. Ну что ж, идемте. Быстрей, быстрей!

Скорчившись от боли, Рич заковылял по площади. Червил последовал за ним, ошеломленный силой ярости этого человека, которая влекла его вперед, несмотря на лихорадку и боль. В управлении полиции Рич, как разъяренный бык, прорвался сквозь заслон дежурных и клерков и, окровавленный, грязный, вломился в отделанный серебром и черным деревом изысканный кабинет комиссара Крэбба.

— Боже мой, Рич! — Крэбб помертвел от ужаса. — Это вы, это и в самом деле вы, Бен Рич!

— Сядьте, Червил, — сказал Рич. — Да, я, а кто же еще? — Он повернулся к Крэббу. — Вот, полюбуйтесь. Я наполовину мертвец, Крэбб. Вот это красное — это кровь. Все остальное — грязь. Славный у меня денек сегодня. Можно сказать, выдающийся день… Хотелось бы мне знать, где все это время черти носили полицию? Где ошивается ваш ангел во плоти, ваш префект Пауэл? Где ваши…

— Постойте, Бен, почему мертвец, о чем вы толкуете?

— Я толкую о том, что сегодня меня три раза чуть не убили. Этот юноша, — Рич показал на

Червила, — этот юноша нашел меня лежащим на земле, причем я больше походил на труп, чем на живого человека. Да посмотрите в конце концов на меня, только посмотрите!

— Вы говорите, чуть не убили? — Крэбб гневно грохнул кулаком по столу. — Я так и думал. Этот Пауэл просто болван. Не нужно было его слушать. Тот самый человек, который убил де Куртнэ, сейчас пытается убить вас.

Рич незаметно для комиссара сделал яростный знак Червилу.

— Говорил же я Пауэлу, что вы невиновны. Но он и слушать не хотел, — продолжал Крэбб. — Даже когда этот чертов агрегат у окружного прокурора сказал ему, что вы невиновны, он и тогда не хотел слушать.

— Значит, компьютер сказал, что я невиновен?

— Ну конечно. Против вас нет никаких улик. Да никогда и не было. И согласно нашему священному Биллю о правах вас самого надлежит защищать от убийцы как любого честного гражданина. Я немедленно этим займусь. — Крэбб грозно направился к двери. — И, думается мне, что теперь-то уж я заставлю замолчать мистера Пауэла! Не уходите, Бен. Я хочу с вами поговорить по поводу вашей поддержки на выборах в сенат

солнечной системы.

Дверь распахнулась, потом захлопнулась. У Рича все плыло перед глазами, и ему пришлось сделать усилие, чтобы не упасть в обморок. Три Червила смотрели на него.

— Ну, — тихо пробормотал Рич. — Ну?

— Он сказал вам правду, мистер Рич.

— Обо мне? О Пауэле?

— Да как вам сказать… — Червил замялся, пытаясь поточнее сформулировать ответ.

— Ну чего ты тянешь, стервец? — простонал Рич. — Ты думаешь, у меня нервы железные — все могут выдержать?

— О вас он сказал правду, — быстро произнес Червил. — Следственный компьютер отказался санкционировать возбуждение против вас дела по обвинению в убийстве де Куртнэ. Мистеру Пауэлу пришлось отказаться от расследования, и… ну, словом, его могут даже уволить.

— Это правда? — Рич, пошатываясь, подошел к юноше и схватил его за плечи. — Это правда, Червил? Я обелен? Я могу снова заняться делами? Меня больше не будут тревожить?

— Против вас ничего нет, мистер Рич. Вы имеете полную возможность снова заняться делами. Никто вас не потревожит.

Рич торжествующе расхохотался. От смеха боль в изломанном, избитом теле стала такой нестерпимо острой, что он застонал и на глазах у него выступили слезы. Но он взял себя в руки, миновал Червила и вышел из кабинета. Когда, хромая, но по-прежнему надменный, он ковылял по коридорам управления, окровавленный, грязный, хохочущий и стонущий, он напоминал неандертальца. Для полноты картины не хватало только оленьей туши у него на плечах или торжественно влекомого позади пещерного медведя.

«Для полноты картины мне не хватает головы префекта, — усмехнувшись, подумал он. — Велю набить из нее чучело и повесить на стену. А картелем де Куртнэ набью себе карманы. Тоже для полноты картины. Дайте мне время, и, клянусь богом, я для полноты картины вставлю в рамочку всю Галактику!»

Он миновал стальной портал управления и немного постоял на ступеньках, глядя тяжелым взглядом на залитые дождем улицы, на сияющие светом кварталы увеселительного центра по ту сторону площади, покрытые одним прозрачным куполом, на ярко освещенные витрины магазинов, где уже начиналась оживленная вечерняя торговля, на возвышавшиеся на заднем плане

двухсотэтажные башни деловых зданий и связывавшую эти гигантские кубы кружевную сеть воздушных трасс, на мерцающие фары прыгунов, которые, как красноглазые кузнечики, сновали вверх и вниз в темноте.

— И все вы будете моими! — закричал он, воздев руки, словно желая обхватить всю Вселенную. — Все будет моим! И тела, и страсти, и души.

Неожиданно взгляд его упал на высокую зловещую фигуру. Незнакомец переходил площадь, украдкой следя за ним. Рожденная из черных теней, эта фигура блестела, осыпанная, будто драгоценными каменьями, капельками дождя. Она приближалась к нему, безмолвная, страшная… Человек Без Лица.

Раздался придушенный крик. Железные нервы не выдержали. Как высохшее дерево Рич рухнул на землю.

Без одной минуты девять. В кабинете президента Цуна собрались десять из пятнадцати членов Совета Эспер Лиги. Они собрались для того, чтобы обсудить дело чрезвычайной важности. В одну минуту десятого решение было принято и заседание объявлено закрытым. Вот что произошло за эти 120 эспер-секунд.

Стук председательского молотка.

Циферблат часов.

Часовая стрелка на 9.

Минутная на 59.

Секундная на 60.

ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ. *«Обсудить предложение Линкольна Пауэла о массовом катексисе. Роль живого проводника латентной энергии при осуществлении массового катексиса Пауэл берет на себя».*

(Всеобщее оцепенение).

ЦУН. «Я полагаю, вы шутите, Пауэл. Как вы можете выдвигать такое предложение? Что за причина заставляет вас предлагать осуществление столь экстраординарной и опаской для вас меры?»

ПАУЭЛ. «Нечаянное открытие, сделанное мною в процессе следствия по делу де Куртнэ. Мне бы хотелось представить вам его на рассмотрение».

(Члены Совета знакомятся с открытием Пауэла.) ПАУЭЛ. «Все вы знаете, что Рич наш самый опасный враг. Он поддерживает клеветническую антиэсперовскую кампанию. Если его не остановить, то нам грозит участь, которой не раз подвергалось гонимое меньшинство».

ЭКИНС. «Весьма вероятно».

ПАУЭЛ. «Кроме того, он поддерживает Лигу

Эспер-патриотов. Если не удастся помешать деятельности этой организации, мы, возможно, будем ввергнуты в гражданскую войну и навеки увязнем в трясине междоусобицы».

ФРАНЬОН. «И это верно».

ПАУЭЛ. «Но, как вы только что убедились, это еще не все. Рич в самом ближайшем будущем займет главенствующее положение в Галактике. Станет связующим звеном между известным нам прошлым и еще не определившимся будущим. Очень скоро его личность подвергнется радикальной перестройке. Дорога каждая секунда. Если, прежде чем я доберусь до него, он сумеет перестроиться и все увидеть в новом свете, он станет неуязвимым для нас, станет неподвластным существующей ныне реальности и смертельным врагом как ее самой, так и всех признанных в этой реальности истин».

ЭКИНС. «Вы, право же, преувеличиваете, Пауэл».

ПАУЭЛ. «Вы находите? Вглядитесь вместе со мной в эту схему. Обратите внимание на положение Рича в пространстве и времени. Разве его убеждения не станут убеждениями всего мира? Иными словами, разве мир не примет его реальность? Разве может он, обладая столь

исключительным сочетанием могущества, энергии и интеллекта, не привести нас к полной гибели?»

(Собравшиеся убеждаются, что он прав).

ЦУН. «Это, конечно, так. И тем не менее мне не хотелось бы санкционировать проведение массового катексиса. Как вы помните, осуществление этой меры каждый раз влекло за собой гибель живого проводника энергии. Мы слишком ценим вас, Пауэл, чтобы позволить вам погибнуть».

ПАУЭЛ. «Вы должны мне разрешить пойти на риск. Ведь Рич принадлежит к числу тех немногих, кто имеет возможность ниспровергнуть все мировые основы. Он еще дитя, но очень скоро повзрослеет. И вся наша реальность: эсперы, нетелепаты, жизнь, Земля, солнечная система, сама Вселенная — вся наша реальность существует лишь до его пробуждения. Мы не можем позволить ему пробудиться для этой искаженной реальности. Я прошу проголосовать за мое предложение».

ФРАНЬОН. «Вы просите нас проголосовать за вашу гибель».

ПАУЭЛ. «Альтернатива такова: либо моя смерть, либо гибель всего, что существует в настоящее время. Я прошу проголосовать за мое

предложение».

ЭКИНС. «Пусть себе Рич пробуждается когда угодно. Он не застанет нас врасплох. Мы сразимся с ним в любое время».

ПАУЭЛ. «Я прошу, я требую проголосовать за мое предложение».

Предложение принято.

Совещание закончено.

Циферблат часов.

Часовая стрелка на 9.

Минутная на 01.

Секундная на Разрушении.

Часом позже Пауэл пришел домой. К этому времени он написал завещание, расплатился по счетам, подписал нужные бумаги, привел в порядок все свои дела. В Лиге царило глубокое уныние. Такое же уныние встретило его и дома. Мэри Нойес прочитала все, едва он появился в дверях.

«Линк!»

«Замнем. Это было необходимо».

«Но...»

«Я, может быть, еще останусь в живых. Да, чуть не забыл. Лаборатории желательно произвести вскрытие мозга сразу же после моей смерти... если я умру. Я подписал все, что нуж-

но, но если возникнут какие-либо затруднения, помоги им. Они хотели бы получить тело еще до того, как оно окоченеет. Если труп не сохранится полностью, то хотя бы голову. Проследи за этим, ладно?»

«Линк!»

«Прости. Ну а теперь сложи-ка вещи и отвези нашу малютку в Кингстонский госпиталь. Для нее небезопасно оставаться тут».

«Она уже не малютка. Она...»

Мэри повернулась и побежала вверх по лестнице, оставляя за собой знакомый сенсорный импульс: *снег/мята/тюльпаны/тафта,* смешанный сейчас с ужасом и со слезами. Пауэл вздохнул, но тут же улыбнулся: наверху, на лестничной площадке появилась девочка-подросток и с восхитительно небрежным и в то же время величественным видом начала спускаться вниз. Она была одета в платье, на лице — отрепетированное изумление. На полдороге она остановилась, чтобы дать ему возможность оценить и туалет и позу.

— О! Мистер Пауэл, не так ли?

— Он самый. Доброе утро, Барбара.

— Что привело вас сегодня к нашему скромному очагу? — легонько прикасаясь кончинами

пальцев к перилам, Барбара снова двинулась вниз, но на последней ступеньке споткнулась. — О-ой! — взвизгнула она. — Пим!

Пауэл подхватил ее.

— Пам, — сказал он.

— Бим.

— Бам.

Она подняла на него глаза.

— Стойте здесь, не двигайтесь. Я сейчас спущусь снова. Спорим, на этот раз все будет в порядке.

— Спорим, что нет.

Барбара повернулась, взбежала наверх и опять остановилась в важной позе на верхней ступеньке.

— Дорогой мистер Пауэл, вы, наверно, считаете меня ужасно ветреной. — Барбара начала торжественно спускаться по ступенькам. — Вам придется переглядеть свое мнение обо мне. Я уже не такая маленькая, как вчера. Я очень повзрослела. Теперь вы должны обращаться со мной как со взрослой. — Она благополучно преодолела последнюю ступеньку и вопросительно посмотрела на Пауэла. — Переглядеть? Я правильно говорю?

— Я бы сказал, пересмотреть.

— Я думала, что смотреть, что глядеть — все равно.

Она вдруг засмеялась, толкнула его в кресло и плюхнулась ему на колени. Пауэл застонал.

— Ой, Барбара! Что ты делаешь? Ты ведь теперь не такая уж маленькая и не такая уж легонькая.

— Слушай, — сказала она. — Что это я вдруг придумала, будто ты мне отец?

— Чем тебе плох такой отец?

— Нет, ты скажи честно. Совсем-совсем честно.

— А как же еще?

— Как ты ко мне относишься — как отец? Ведь я к тебе отношусь совсем не как дочка.

— Да ну? Как же ты ко мне относишься?

— Раньше ты ответь. Я первая спросила.

— Я отношусь к тебе как любящий и покорный сын.

— Да нет, по правде.

— Я решил быть почтительным сыном для каждой женщины до тех пор, пока Вулкан не займет надлежащего места в содружестве планет.

Она покраснела от досады и спрыгнула с колен.

— Я хотела, чтобы ты серьезно со мной поговорил, потому что мне нужен совет. А ты…

— Ну ладно, прости, Барбара. Что же такое у тебя случилось?

Она опустилась рядом с ним на колени и взяла

его за руку.

— Я и сама не понимаю. Все у меня перепуталось.

— Что перепуталось?

С пугающей прямотой юности она посмотрела ему в глаза.

— Ты знаешь что.

Помолчав, он кивнул.

— Да, знаю.

— И у тебя все так же путано. Я знаю.

— Да, Барбара. И у меня.

— Это нехорошо?

Он поднялся с кресла и, расстроенный, начал ходить по комнате.

— Нет, Барбара, не то чтобы нехорошо, а… преждевременно.

— Расскажи мне об этом.

— Рассказать? Ну что же, пожалуй… Я бы это так определил. Мы с тобой — целых четыре человека. Два человека — ты, два — я.

— Как это?

— Ты заболела, милая. Чтобы вылечить тебя, нам пришлось превратить тебя в ребенка и ждать, когда ты снова вырастешь. Вот так и получились две Барбары. Взрослая — где-то внутри, а снаружи — ребенок.

— Ну а ты?

— Я — двое взрослых. Один из них Пауэл, то есть я сам. Второй же — член Совета Эспер Лиги.

— А что это такое?

— Ну, это неважно. Важно то, что из-за этой моей половины все у нас и спуталось. Бог знает, может быть, из двух моих «я» это меньше всего взрослое. Я не знаю.

Она обдумала его снова и медленно произнесла:

— А вот скажи, когда я отношусь к тебе не так, как дочь, это… какая половина?

— Не знаю, Барбара.

— Нет, нет, ты знаешь. Почему же ты не хочешь мне сказать? — Она подошла к нему и обняла за шею — взрослая женщина и в то же время ребенок.

— Если в этом нет плохого, то почему же ты не скажешь мне? Если я люблю тебя…

— Новое дело, теперь мы вдруг заговорили о любви.

— Да ведь мы о ней и говорили. Все время. Разве нет? Я люблю тебя, а ты меня. Ведь правда?

«Ну вот, дождался!» — в отчаянии подумал Пауэл. — *«Что же теперь делать? Признать правду?»*

— *Да.* — Ответ донесся с лестницы. Сверху спускалась Мэри с саквояжем в руке. — *«Да, признать правду, Линк».*

«Но она же не щупачка!»

«Забудь об этом! Она женщина и любит тебя. А ты любишь ее. Линк, ты будешь горько каяться, если упустишь…»

«Что я упущу? Возможность завести роман, если останусь жив? Ведь другое невозможно. Ты знаешь, что Лига не разрешает нам вступать в брак с нетелепатами».

«Она пойдет на это. Она с радостью пойдет на это. Уж кто-кто, а я-то могу это предсказать».

«Ну а если я умру? Что ей останется? Полувоспоминание полулюбви?»

— Нет, Барбара, — сказал он. — Ты ошиблась. Это совсем не то.

— Нет, — твердо ответила она. — Я не ошиблась. Нет.

— Ошиблась, Барбара. В тебе говорит твоя ребяческая половина. Это ребенок вообразил себя влюбленным, ребенок, а не женщина.

— Ребенок вырастет и станет женщиной.

— И к тому времени меня забудет.

— Ты не позволишь ей забыть.

— Почему?

— Потому что ты чувствуешь то же, что я. Я это знаю.

Пауэл рассмеялся.

— Ох, дитя, дитя! Отчего ты вообразила себе, будто я люблю именно тебя? Да вовсе нет. Нет этого и не было.

— Есть!

— Открой же глаза, Барбара. Посмотри повнимательней на меня. На Мэри. Ты ведь так повзрослела. Как же ты не поймешь? Неужели я должен объяснять тебе то, что и так очевидно?

«Линк, господь с тобой!»

«Прости меня, Мэри. Как видишь, пришлось все-таки за тебя зацепиться».

«Мы с тобой прощаемся... может быть, навсегда... и в такой момент мне еще это нужно вынести? Разве мало я намучилась?»

«Ну-ну, не надо, милая, не надо».

Барбара внимательно посмотрела на Мэри, потом на Пауэла и медленно покачала головой.

— Ты лжешь.

— Вот как? Ну-на взгляни на меня. — Он положил руки ей на плечи и посмотрел ей в глаза. Нечестивый Эйб пришел ему на выручку. Он смотрел на Барбару с отцовской снисходительностью, чуть насмешливо и добродушно. — Взгляни

же на меня.

— Нет! — крикнула она. — Твое лицо лжет. Оно… оно противное. Я его ненавижу! — Она расплакалась и, всхлипывая, проговорила: — Раз так, уходи. Чего же ты не уходишь?

— Мы с тобой уходим, Барбара, — сказала Мэри. Она подошла к девушке, взяла ее за руку и повела к дверям.

«Мэри, вас ждет прыгун».

«А я жду тебя. Жду всегда. И я, и Червилы, и Экинс, и Джордан, и… и… и… и… и… и… и… и…»

«Я знаю. Знаю. Я всех вас люблю. Всех вас целую. Да хранит вас…»

Образ четырехлистного клевера, кроличьих лап, лошадиных подков.

Непристойный ответный образ Пауэла, который вылезает из нечистот, усыпанный бриллиантами.

Слабый смех.

Последнее прощание.

Он стоял на пороге, насвистывая какой-то жалобный замысловатый мотивчик и глядя вслед прыгуну, который уходил в стальную голубизну неба, на север, к Кингстонскому госпиталю. Он чувствовал себя словно выжатый лимон. И немного гордился собой из-за того, что решил

принести себя в жертву. И жгуче стыдился этой гордости. Им овладела легкая, прозрачная печаль. Может быть, взять крупинку никотинового калия и взвинтить себя до психоза? Впрочем, на кой черт ему все это нужно? Вот он раскинулся перед ним, этот огромный сволочной город, где из семнадцати с половиной миллионов душ нет ни одной, которая болела бы за него. Вот он…

Пришел первый импульс. Тонкая струйка латентной энергии. Он отчетливо ощутил ее и взглянул на часы. Двадцать минут одиннадцатого. Уже? Так скоро? Отлично. Значит, пора готовиться.

Он вернулся в дом, взбежал вверх по лестнице в свою туалетную комнату. Импульсы прилетали как первые редкие капли дождя перед бурей. Впитывая эти крохотные капельки латентной энергии, он чувствовал, как набухает, пополняясь, его запас душевных сил. Он сменил костюм, одевшись для любой погоды, и…

Импульсы уже не сыпались отдельными капельками, они моросили, как частый дождик, обмывая его, наполняя сознание лихорадочным ознобом, который неожиданно перемежался эмоциональными вспышками. И… Ах да, питательные капсулы. Вот о чем надо думать.

Питательные. Питательные. Питательные! Он сбегал вниз, в кухню. Нашел пластмассовый футляр, вскрыл его и проглотил дюжину капсул.

Энергия прибывала теперь потоками. Струйки латентной энергии от каждого эспера в городе сливались в ручейки, ручейки — в реку, в бушующий водоворотом океан массового катексиса, направленного к Пауэлу, настроенного на Пауэла. Он снял все блоки и впитывал этот поток. Его нервная система супергетеродировала и свистела, и турбина, с невыносимым воем вращавшаяся в его сознании, крутилась все быстрей и быстрей.

Он уже не дома, он бродит по улицам, слепой, глухой, бесчувственный ко всему, погруженный в эту бурлящую массу латентной энергии. Подобно тому как парусник, оказавшись в объятиях тайфуна, стремится использовать для своего спасения само безумие урагана, так и Пауэл стремился поглотить, впитать в себя этот ужасающий поток, с тем чтобы в нужный момент израсходовать латентную энергию, все до капли катексировать ее и направить на Разрушение Рича, пока еще не поздно, еще не поздно, не поздно, не поздно, не поздно…

16

УНИЧТОЖИТЬ ПУТАНИЦУ.

СЛОМАТЬ ЛАБИРИНТ.

ЛИКВИДИРОВАТЬ ГОЛОВОЛОМКУ. (X*2 / Y*3 d! Пространство d! Время).

РАССЕЯТЬ
(ДЕЙСТВИЯ, ФОРМУЛЫ, МНОЖИТЕЛИ, ДРОБИ, СТЕПЕНИ, ЭКСПОНЕНТЫ, РАДИКАЛЫ, ТОЖДЕСТВА, УРАВНЕНИЯ, ПРОГРЕССИИ, ВАРИАЦИИ, ПЕРЕСТАНОВКИ, ДЕТЕРМИНАНТЫ И РЕШЕНИЯ).

ВЫЧЕРКНУТЬ (ЭЛЕКТРОН, ПРОТОН, НЕЙТРОН, МЕЗОН И ФОТОН).

СТЕРЕТЬ (КЭЛИ, ХОНСОНА, ЛИЛИЕНТАЛЯ, ШАНУТА, ЛАНГЛЕЯ, РАЙТА, ТЭРНБУЛА и СиЭРСОНА).

ИСКОРЕНИТЬ. (ТУМАННОСТИ, СКОПЛЕНИЯ, БИНАРНЫЕ
СИСТЕМЫ, ОСНОВНУЮ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ЗВЕЗД И БЕЛЫХ КАРЛИКОВ).

РАЗМЕТАТЬ
(РЫБ, АМФИБИЙ, ПТИЦ, МЛЕКОПИТАЮЩИХ И ЧЕЛОВЕКА).

УНИЧТОЖИТЬ.

СЛОМАТЬ.
ЛИКВИДИРОВАТЬ.
РАССЕЯТЬ.
ВЫЧЕРКНУТЬ ВСЕ УРАВНЕНИЯ.
БЕСКОНЕЧНОСТЬ РАВНА НУЛЮ.
КОНЕЦ…

— …конец чему? — крикнул Рич. — Чему конец? — Он старался подняться, отталкивая от себя одеяло и чьи-то руки. — Чему конец?

— Конец кошмарам, — сказала Даффи Уиг.

— Кто это?

— И Даффи.

Рич открыл глаза. Замысловато убранная спаленка, замысловатая кровать, застланная на старинный манер, крахмальным бельем и одеялами. Даффи Уиг, свежая, чистенькая, прохладная, упирается руками ему в плечи, пытаясь уложить его на подушки.

— Я сплю, — сказал Рич. — Сплю и хочу проснуться.

— Вот и славно. Положи голову на подушку, и ты увидишь новый сон.

Рич лег.

— Я уже просыпался, — сказал он хмуро. — Впервые в жизни полностью проснулся. Я слышал… Не знаю, как это назвать. Бесконечность и

ничто. Что-то важное. Настоящее! Потом уснул и оказался здесь.

— Маленькое уточнение, — сказала Даффи. — Не уснул, а проснулся.

— Я сплю! — крикнул Рич. Он сел. — Послушай, впрысни-ка мне что-нибудь. Ну, опиум, гашиш, сомнар, летете… Мне нужно проснуться, Даффи. Мне нужно вернуться к реальности.

Даффи наклонилась к нему и крепко поцеловала в губы.

— Ну а это как? Реально?

— Пойми. Все, что было до сих пор, мне только чудилось… галлюцинация. Я должен перестроиться, должен увидеть все в новом свете, новыми глазами. Пока не поздно, Даффи. Пока еще не поздно, не поздно, не поздно…

Даффи всплеснула руками.

— Вылечили, называется! — воскликнула она. — Сперва негодяй-доктор напугал тебя до обморока. Потом поклялся, что ты пошел на поправку. И вдруг на тебе: совсем, оказывается, с ума сошел. — Нагнувшись над кроватью, Даффи строго погрозила пальцем. — Еще слово, сэр, и я вызову Кингстон.

— Что? Как ты сказала?

— Кингстонский госпиталь. Туда забирают

таких мальчиков, как ты.

— Я не о том. Кто напугал меня до обморока?

— Мой приятель доктор.

— На площади перед зданием полиции?

— Именно там.

— Ты уверена?

— Мы вместе с ним тебя искали. Твой слуга сообщил мне о взрыве, и я испугалась. Мы с доктором едва успели.

— Ты видела его лицо?

— Ну еще бы.

— На что оно было похоже?

— Лицо как лицо. Два глаза. Две губы. Два уха. Один нос. Три подбородка. Слушай, Бен, если ты взялся за прежний репертуар насчет яви, сна, реальности и бесконечности, то номер не пройдет.

— Значит, ты привезла меня сюда, когда я потерял сознание?

— Конечно. Разве могла я упустить единственную возможность залучить тебя в свою постель?

Рич усмехнулся. И успокоенный, сказал ей:

— Ну ладно, Даффи, теперь можешь меня поцеловать.

— Мистер Рич, я уже целовала вас. Или это происходило, когда вы бодрствовали?

— Забудь об этом. Страшный сон, и больше

ничего. — Он вдруг расхохотался. — Стоит ли тревожиться о страшных снах. В моих руках весь мир. Так пусть будут и сны в придачу. Даффи, ты когда-то, помнится, просила, чтобы я затащил тебя в сточную канаву?

— Детский каприз. Я надеялась попасть в заслуживающее интереса общество.

— Скажи, какая тебе нужна канава, и ты получишь ее. Золотую… бриллиантовую? Может быть, от Земли до Марса? Пожалуйста. Или ты хочешь, чтобы я превратил в сточную канаву всю солнечную систему? Сделаем. Пустяк! Захочешь, я Галактику в помойку превращу. — Он ткнул себя пальцем в грудь.

— Хочешь взглянуть на бога? Вот он перед тобой. Любуйся.

— Очень мил. Какая скромность в грозный час похмелья!

— Ты думаешь, я пьян? Да, я, конечно, пьян. — Рич спустил с кровати ноги и, слегка пошатываясь, встал. Даффи тут же подошла и обвила его рукой свою талию, чтобы его поддерживать. — Как мне не быть пьяным? Я одолел де Куртнэ. Я одолел Пауэла. Мне всего сорок. Еще шесть десятков лет я буду владеть миром. Да, всем этим проклятущим миром, Даффи!

Он двинулся по комнате, слегка опираясь на Даффи. Пройтись по ее спальне было все равно что совершить прогулку в знойный мир ее эротических представлений. Щупач-декоратор при оформлении комнаты полностью воспроизвел душевные порывы девушки.

— Даффи, хочешь основать вместе со мной династию?

— А как их основывают?

— Я тебе расскажу. Чтобы основать династию Бена Рича, нужно прежде всего выйти за него замуж. Потом…

— С меня достаточно начала.

— Потом родить ему детей. Мальчиков. Десятки мальчиков.

— Нет, девочек. И только троих.

— И ты увидишь, как Бен Рич приберет к рукам картель де Куртнэ и соединит со своей фирмой. А всех своих врагов он опрокинет… вот так! — Рич с размаху ударил ногой во туалетному столику. Столик перевернулся, и размещенные в его округлых выпуклостях и впадинках хрустальные флакончики свалились и рассыпались мелкими осколками по полу.

— После того как «Монарх» и картель де Куртнэ станут «Рич инкорпорейтид», ты увидишь,

как я слопаю остальных… мелкую сошку. Кейз и Амбрел с Венеры. Проглочены! — Рич ударом кулака сломал сделанную в виде торса тумбочку. — Юнайтед Транзэкшнз на Марсе. Смяты в лепешку и съедены.

— Он сокрушил изящный хрупкий стул. — Трест ГКИ на Ганимеде, Каллисто и Ио… Химическая и Атомная Промышленность Титана… Ну а там уж остается шушера: злопыхатели, клеветники, Лига щупачей, моралисты, патриоты… Всех слопал! Слопал! Слопал! — Он колотил ладонью по мраморной обнаженной фигурке, пока она не отломилась от пьедестала и не слетела на пол.

— Чудачок. — Даффи повисла у него на шее. — Что ты зря расходуешь энергию? Если так уж руки чешутся, возьмись за меня.

Он приподнял ее и стал трясти, пока она не взвизгнула.

— Весь мир проглочу по кусочкам, пусть даже они окажутся со всячинкой

— иные сладкие… как ты; а от иных будет разить; я всех их слопаю. — Он рассмеялся и прижал Даффи к себе. — Я не знаю, как и что там заведено у богов, зато знаю, что по вкусу мне. Мы расколотим все вдребезги, а потом построим то, что требуется нам. Нам с тобой и нашей династии.

Он поднес ее к окну, сорвал гардины, с грохотом высадил пинком оконный переплет. Бархатная тьма укутала город. Только вдоль улиц и воздушных трасс мерцали огоньки да по временам из черноты выпрыгивали багровые глаза какого-нибудь прыгуна. Дождь перестал, и тонкий бледный месяц повис на небосводе. Сквозь приторный запах разлитых по полу духов в комнату ворвался ночной ветер.

— Эй вы там! — крикнул Рич. — Слышите меня? Вы… спящие и видящие сны. Теперь уж вам другие сны будут сниться — мои сны. Теперь…

Внезапно он замолчал. Он разжал руки. Даффи выскользнула из его рун и встала с ним рядом. Ухватившись за края оконного проема, он высунулся как можно дальше в темноту и, задрав голову, посмотрел вверх. Когда он снова втянул голову в комнату, его лицо выражало растерянность.

— Звезды, — запинаясь, выговорил он. — Куда исчезли звезды?

— Что исчезло? — удивилась Даффи.

— Звезды, — повторил Рич. Он боязливо указал рукой на небо. — Звезды куда-то девались. Все до одной.

Даффи с любопытством посмотрела на него.

— Что, ты говоришь, пропало?

— Звезды! — крикнул он. — Взгляни на небо. Там совсем нет звезд. И созвездия исчезли. Большая и Малая Медведицы. Кассиопея. Дракон. Пегас. Все куда-то подевались! Только месяц торчит! Гляди!

— Все так же, как всегда, — сказала Даффи.

— Нет, не так же! А где звезды?

— Какие звезды?

— Я не знаю, как они называются… Полярная звезда и… Вега… и… кой дьявол их упомнит? Я не астроном. Но что произошло? Что случилось со звездами?

— А что такое звезды? — спросила Даффи.

Рич схватил ее за плечи и со злостью встряхнул.

— Это солнца. Кипящие, сверкающие светом солнца. Их тысячи… миллионы сияют в ночи. Что с тобой? Как ты не понимаешь? В космосе катастрофа. Исчезли звезды!

Даффи покачала головой. Она смотрела на него с ужасом.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, Бен. Я не понимаю, о чем ты говорить.

Он оттолкнул ее, выбежал из комнаты, бросился в ванную и заперся там. Он наспех принял душ

и начал одеваться. Даффи, которая все время колотила в дверь и уговаривала его не глупить, вдруг замолчала. Он услышал, как она, понизив голос, говорит с кем-то в Кингстонском госпитале.

— Пусть расскажет им про звезды, — пробурчал Рич, чувствуя, как в нем поднимаются злость и ужас.

Закончив туалет, он вышел. Даффи поспешно отключила «видео» и повернулась к нему.

— Бен… — начала она.

— Жди меня здесь, — сказал он резко. — Пока я не узнаю.

— О чем ты хочешь узнавать?

— О звездах! — гаркнул он. — Из царства бога всемогущего исчезли звезды!

Он выскочил на лестничную площадку и торопливо сбежал вниз. На пустынном тротуаре он приостановился и снова посмотрел на небо. Луна была. Кроме луны, сверкала еще одинокая красная точка — Марс. И еще одна — Юпитер. И больше ничего. Чернота. Чернота. Чернота. Непроглядная, зловещая, пугающая чернота нависла над его головой, и казалось, что она жмет на него, давит, мешает вздохнуть.

Продолжая глядеть вверх, он побежал. Сворачивая за угол, он налетел на какую-то женщину,

и та упала. Он помог ей встать.

— Дурак безглазый! — взвизгнула она, отряхивая и приводя в порядок украшавшие ее перья. Потом вдруг вкрадчиво:

— Скучаем, капитан?

Рич взял ее за руку. Он указал на небо.

— Посмотри. Звезды исчезли. Ты ведь заметила? Звезд нет.

— Чего нет?

— Звезд. А ты разве не видишь? Исчезли звезды.

— Я не пойму, про чего такое ты говоришь, капитан. Айда ко мне! Уж у меня погуляем!

Он вырвался из ее цепких лап и убежал. Через полквартала он увидел нишу с видеофоном-автоматом. Рич вошел и набрал номер справочного. Экран осветился, и голос робота сказал:

— Спрашивайте.

— Что случилось со звездами? — спросил Рич. — Когда это случилось? Их исчезновение, наверное, уже заметили. Чем его можно объяснить?

Щелчок, пауза, затем еще щелчок.

— Повторите, пожалуйста, слово по буквам.

— Звезда! — заорал Рич. — З-В-Е-З-Д-А. Звезда!

Щелчок, пауза, щелчок.

— Имя существительное или наречие?

— Существительное, черт бы вас побрал!

Щелчок, пауза, щелчок.

— У нас нет информации под названной вами рубрикой, — сообщил записанный на пленку голос.

Рич выругался, но тут же усилием воли взял себя в руки.

— Где находится ближайшая к городу обсерватория?

— Будьте любезны сообщить, о каком городе идет речь.

— Об этом. О Нью-Йорке.

Щелчок, пауза, щелчок.

— Лунная обсерватория Кротонского парка находится в тридцати милях к северу от города. Вы можете доезжать туда рейсовым прыгуном. Северная координата 227. Лунная обсерватория была основана в две тысячи…

Рич со злостью отключил видеофон.

— Нет информации под этой рубрикой. Ну-ну! С ума, что ли, они сошли?

Он помчался по улице в поисках рейсового прыгуна. Завидев аэротакси, Рич помахал рукой, и машина к нему спикировала.

— Северная координата двести двадцать семь, — отрывисто бросил он, входя в кабину. —

Тридцать миль от города. Обсерватория.

— Плата за рейс по повышенному тарифу, — сказал шофер.

— Согласен. Ну, скорей!

Машина взмыла в воздух. Минут пять Рич сдерживался, но наконец не вытерпел и с напускной небрежностью сказал:

— Вы обратили внимание на небо?

— А что такое, мистер?

— Звезды исчезли.

Водитель выдавил из себя вежливый смешок.

— Я и не думал шутить, — сказал Рич. — Действительно исчезли звезды.

— А не шутите, так говорите поясней, — сказал шофер. — Что это еще за чертовщина — звезды?

Рич позеленел от ярости, но не успел он рта раскрыть, как так и пошло на посадку и приземлилось неподалеку от здания под куполообразной крышей. Сердито бросив: «Подождите меня», Рич побежал через газон к низкому каменному портику.

Дверь была приоткрыта. Он вошел в обсерваторию и услышал тихий скрип поворотного механизма, вращающего купол, и негромкое тиканье часов. В обсерватории было темно, только светился циферблат часов. Работал двенадца-

тидюймовый рефрактор. Рич смутно различил фигуру наблюдателя, склонившегося над окуляром телескопа. Взвинченный и напряженный, нервно вздрагивая от слишком громкого звука собственных шагов, Рич направился к этому человеку через полутемный прохладный вал.

— Послушайте, — начал он тихо. — Мне неудобно вас беспокоить, но я убежден, что уж вы-то не могли этого не заметить. Звезды — ваш бизнес. Вы ведь заметили, верно? Исчезли звезды. Все до одной. Что с ними случилось? Почему никто не говорит об этом и даже притворяются, что так было всегда? Подумать только! Звезды! Мы себе и не представляли, что можно жить без звезд. И вдруг их нет. Что с ними случилось? Куда они делись?

Наблюдатель медленно выпрямился и повернулся к Ричу.

— Звезд не существует, — сказал он.

Это был Человек Без Лица.

Рич вскрикнул. Повернулся, побежал. Он выскочил за дверь, потом вниз по ступенькам и опрометью помчался через газон к такси. С разбегу ударившись о хрустальную стенку кабины, он не удержался на ногах и рухнул на колени рядом с прыгуном. Шофер помог ему подняться.

— Вам нехорошо, Мак?

— Не знаю, — жалобно ответил Рич. — Я просто ничего не понимаю.

— Дело, конечно, хозяйское, — сказал шофер. — Только на вашем месте я сходил бы к щупачу. У вас и разговор психованный.

— Насчет звезд?

— Ага.

Рич вдруг схватил его за руку.

— Послушайте, — сказал он. — Я Бен Рич. Бен Рич из «Монарха».

— Да, Мак. Я узнал вас.

— Хорошо. Вы знаете, что за услугу я могу отплатить чем угодно. Деньги… Новая работа… Все, что вы захотите…

— Вы ничем не можете мне отплатить, Мак. Я уже побывал в Кингстоне, и меня там подвинтили.

— Тем лучше. Честный человек. Вы согласитесь мне помочь из христианских или еще каких-нибудь там добрых чувств?

— Конечно, Мак.

— Войдите в это здание. Посмотрите на человека за телескопом. Хорошенько посмотрите. А потом опишите его мне.

Шофер ушел и через пять минут вернулся.

— Ну?

— Старикан как старикан, Мак. Лет примерно шестидесяти. Лысый, на лице морщины. Уши оттопыренные, а подбородок этакий, как говорят, безвольный. Ну вроде стесанный.

— Это никто… никто, — прошептал Рич.

— Чего?

— Да, насчет звезд, — сказал вдруг Рич. — Вы что же, никогда о них не слышались И никогда не видели их? Совсем не представляете себе, о чем я говорю?

— Не.

— Господи! — простонал Рич. — Боже милостивый!

— Главное, не тушуйтесь, Мак, — шофер изо всех сил хлопнул его по спине. — Я вот что вам расскажу. В Кингстоне разного наслушался. Ну, скажем, так бывает: просыпаетесь вы утром, и вдруг у вас заскок. Он у вас только-только, так сказать, прорезался, а вам-то кажется, что так мол, всегда было. Ну… кгм… например, будто люди раньше были одноглазые, и вдруг ни с того ни с сего у всех стало по два глаза.

Рич с неожиданным интересом взглянул на шофера.

— И начинаете вы бегать да орать: «Люди добрые, с чего это вдруг все стали двуглазые?» Вам

отвечают: «Всегда были двуглавые». А вы кричите: «Ни черта, я точно помню, что у каждого был только один глаз!» И сами в это верите, вот ведь в чем штука. Черт те сколько времени с вами провозятся, пока не вышибут у вас этот заскок. — Шофер снова хлопнул его по спине. — На то похоже, Мак, что у вас с этими звездами такой же выверт, как у тех, что с одним глазом.

— Один глаз, — забормотал Рич. — Два глаза. Три, четыре… Три, четыре…

— Чего?

— Я не знаю. Не знаю. Я так измотался за последний месяц, что… Может быть… вы и правы. Но…

— Так вас в Кингстон отвезти?

— Нет!

— Тут, что ли, останетесь и будете канючить про свои звезды?

Рич вдруг крикнул:

— Плевать мне на них!

Страх сменился бурной вспышкой ярости. Рич снова ощутил прилив энергии и сил и вскочил в кабину.

— Мне принадлежит весь мир. Не глупо ли оплакивать потерю нескольких жалких заблуждений?

— Вот это по-нашему, Мак. Куда?

— В королевский дворец.

— Который?

Рич рассмеялся.

— К «Монарху», — сказал он и, пока не показался силуэт Башни «Монарха», словно парившей в утренних лучах, он продолжал покатываться со смеху. Но в этом смехе слышались истерические нотки.

Управление работало круглосуточно, и служащие, приступившие к работе в полночь, сонливо добивали последний, восьмой час ночной смены. Хотя весь этот месяц Рич редко появлялся здесь, служащим была хорошо известна его манера сваливаться словно снег на голову, и они без труда переключались на третью скорость. Когда он подошел к столу, туда уже подоспели и секретарши, принесшие сведения по самым неотложным делам.

— С этим успеется, — буркнул Рич. — Позвать сюда всех начальников отделов и инспекторов! Я должен сделать сообщение.

Оживление, царившее в Башне «Монарха», успокоило его и возвратило в привычную колею. Он снова чувствовал себя живым, реальным. Да ведь все то, что окружает его здесь, и есть единственная настоящая реальность — спешка,

толкотня, звонки сигнального нумератора, приглушенные голоса, отдающие распоряжения, и быстро заполнивший кабинет поток перепуганных служащих.

— Как всем вам известно, — начал Рич, медленно расхаживая перед сотрудниками и бросая по временам внимательный взгляд на их лица, — наша фирма вела острую, смертельную борьбу с картелем де Куртнэ. Месяц назад Крэй де Куртнэ был убит. В связи с этим возникли некоторые затруднения, которые в настоящее время полностью ликвидированы. Могу порадовать вас сообщением, что путь перед нами теперь открыт. Мы можем заняться осуществлением плана «двойное А», то есть присоединением к «Монарху» предприятий картеля де Куртнэ.

Он сделал паузу, предполагая, что на это сообщение отзовется возбужденный ропот голосов. Но отклика не последовало.

— Кое-кто из вас, возможно, — сказал он, — не представляет себе весь размах и значение наших новых перспектив. Я постараюсь изложить это подоходчивее. Те, кто сейчас являются инспекторами городов, станут инспекторами континентов. Континентальные инспектора возглавят спутники. А те, в чьем подчинении сейчас

спутники, будут инспектировать планеты. Отныне «Монарх» господствует во всей солнечной системе. Мы теперь должны мыслить в масштабах солнечной системы. Все мы теперь…

Рич замялся, его тревожили озадаченные взгляды слушателей. Оглядевшись, он остановил глаза на старшей секретарше.

— В чем, черт возьми, делом — проворчал он. — Вы узнали что-то, о чем я еще не слыхал? Плохие новости?

— Н-нет, мистер Рич.

— Тогда что у вас не слава богу? Случилось то, чего мы все давно ждем. Чем вы недовольны?

— Мы… я… — запинаясь, пролепетала секретарша. — Простите, сэр, но я н-не пойму, о ч-чем вы говорите.

— О картеле де Куртнэ.

— Я… я н-никогда не слыхала о такой организации, мистер Рич, сэр. Я… мы… — секретарша огляделась, как бы ища поддержки. К изумлению Рича, весь его штат недоуменно затряс головами…

— Картель де Куртнэ на Марсе! — крикнул Рич.

— Где, сэр?

— На Марсе. Марс! М-А-Р-С. Одна из десяти планет. Четвертая от Солнца. — И, чувствуя, как его

снова охватывает ужас, Рич бессвязно завопил: — Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн. Марс! Марс! Марс! Сто сорок один миллион миль от солнца! Марс!

Но служащие лишь качали головами. Прошел какой-то шепоток, и все они стали потихоньку пятиться от Рича. Он бросился к секретаршам и выхватил у них из рук пачки бумаг.

— Здесь у вас сотни записей насчет картеля де Куртнэ на Марсе. Бог ты мой, как им не быть, когда мы уже десять лет воюем с де Куртнэ. Когда…

Он судорожно перебирал бумаги, расшвыривая куда придется листки, так что в конторе поднялся настоящий бумажный вихрь. Ни в одном из документов не упоминались ни картель де Куртнэ, ни Марс. Не было там также никаких упоминаний о Венере, Юпитере, Луне и прочих планетах и спутниках.

— Негодяйки, лгуньи! — крикнул Рич. — Ну смотрите. Я вам сейчас свои собственные записи покажу. У меня их сотни в столе. Вот глядите…

Рич бросился к столу и стал рывками выдвигать ящики. Внезапно раздался оглушительный взрыв. Стол разлетелся вдребезги. На служащих посыпались щепки и куски дерева, а крышка стола мощным броском, как рука великана, от-

швырнула Рича к самому окну.

— Человек Без Лица! — крикнул Рич. — Великий боже! — Он потряс головой и с упорством одержимого опять вернулся к тому, что казалось ему самым важным. — Где архивы! Я вам в архивах покажу… Де Куртнэ, и Марс, и все прочее. Я и ему покажу… Человеку Без Лица… Пошли!

Выбежав из кабинета, он бросился в подвал, где располагались архивы. Он опорожнял полку за полкой, расшвыривая бумаги, горстями высыпал кристаллы памяти, старинные магнитофонные записи, микрофильмы, молекулярные фотокопии. Нигде ни одного упоминания ни о Марсе, ни о Крэе де Куртнэ. Нигде ни слова о Венере, Юпитере, Меркурии, об астероидах и спутниках.

А тем временем шум все усиливался, раздавались звонки сигнального нумератора, резкие, повелительные голоса. Служащие в панике носились по этажам; в подвал, где хранились архивы, рысцой вбежали трое плечистых джентльменов, дежуривших в зале отдыха. Их привела исцарапанная осколками секретарша.

— У нас нет другого выхода! Просто нет другого выхода! — убеждала она их. — Всю ответственность я беру на себя!

— А ну, спокойненько, мистер Рич, спокой-

ненько, спокойненько, — приговаривали они свистящим полушепотом, как конюхи, успокаивающие норовистого жеребца. — Полегче, мистер Рич, полегче.

— Пошли вон, сукины дети!

— Легче, сэр. Все будет в порядке, сэр.

Плечистые джентльмены продолжали медленно подступать к Ричу. Между тем наверху стоял дым коромыслом. Звенели звонки, слышались голоса: «Кто его врач? Нужно вызвать врача! Да позвоните же в Кингстон! А полицию известили? Хотя нет, не надо. Лучше без огласки. Позвоните же наконец в юридический отдел, слышите? Больницы уже открыты?»

Хрипло дыша, Рич швырнул под ноги плечистым джентльменам огромную кипу бумаг, пригнул голову, как разъяренный бык, и, могучим рывком протаранив порядки осаждавших, выбежал в боковой коридор и метнулся к пневматическому лифту. Открылась дверь. Он нажал кнопку с надписью «Научный центр, 57-й этаж», вступил в воздушный шлюз и, взлетев к месту назначения, покинул кабину.

Здесь находилась лаборатория и библиотека. Весь этаж был погружен в темноту. Служащие скорее всего решили, что он поднялся из подвала

на тот этаж, где был выход на улицу. Если так, то у него есть время. Все еще тяжело дыша, он пробежал в лабораторию, влетел в библиотеку и, щелкнув выключателем, подошел к справочному пульту. Перед креслом пульта была укреплена приподнятая, как чертежная доска, пластина замороженного кристалла. Рядом с ней находилась панель со множеством кнопок.

Рич сел и нажал кнопку с надписью «Включ.». Пластина осветилась, и в динамике над его головой записанный на пленку голос произнес:

— Тема?

Рич надавил на кнопку **«НАУКА».**

— Раздел?

Рич нажал кнопку **«АСТРОНОМИЯ».**

— Вопрос?

— Вселенная.

Щелчок — пауза — щелчок.

— Термин «Вселенная» в общефизическом аспекте включает всю существующую материю.

— Что подразумевается под всей существующей материей?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Массы материи разной величины от элементарного атома вплоть до крупнейших скоплений, известных астрономам.

— Каковы крупнейшие скопления материи, известные астрономам? — спросил Рич и нажал кнопку **«ГРАФИЧЕСКОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ».**

Щелчок — пауза — щелчок.

— Солнце.

На хрустальной пластине возникло изображение солнца.

— Ну а остальные? Например, звезды?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Звезд не существует.

— А планеты?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Существует Земля.

Появилось изображение вращающегося земного шара.

— Ну а другие планеты? Марс? Юпитер? Сатурн…

Щелчок — пауза — щелчок.

— Других планет не существует.

— А Луна?

Щелчок — пауза — щелчок.

— Луны не существует.

Рич глубоко вздохнул, его трясло.

— Попробуем еще раз. Возвратимся к Солнцу.

На хрустальной пластине снова возникло Солнце.

— Солнце — величайшее скопление материи, известное астрономам, — начал записанный на пленку голос.

Внезапно он замолчал.

Щелчок — пауза — щелчок.

Изображение Солнца стало медленно тускнеть. Голос сказал:

— Солнца не существует.

Модель исчезла, и лишь остаточное изображение маячило на пластине, глядя на Рича, безмолвное, страшное… Человек Без Лица.

Рич застонал. Он вскочил на ноги, опрокинул стул. Потом схватил его и запустил им в страшное видение. Потом он повернулся и неверными шагами выбежал из библиотеки в лабораторию, а оттуда в коридор. У пневматического вертикального лифта он надавил на кнопку **«УЛИЦА».** Дверь открылась, он ввалился внутрь и слетел пятьюдесятью семью этажами ниже, в главный зал научного центра «Монарха».

Зал был полон народу — скоро должна была начаться утренняя смена. Проталкиваясь сквозь толпу, Рич ловил любопытные взгляды, направленные на его окровавленное лицо. Вдруг он заметил, что к нему приближаются с разных сторон полдюжины людей, одетых в форму охраны

«Монарха». Он бросился бежать, прошмыгнул через вращающиеся двери и вылетел на улицу. Но, очутившись на тротуаре, он застыл на месте, будто перед носом у него выросла стена из раскаленного добела железа. Солнца не было.

Горели уличные фонари; в небе мерцали воздушные трассы; мимо проносились фары прыгунов; ослепительным светом сверкали витрины… А вверху — ничего… ничего, кроме глубокой, черной, неизмеримой бесконечности.

— Солнце! — крикнул Рич. — Где Солнце?

Он указал рукой на небо. Служащие окидывали его подозрительными взглядами и проходили мимо. Ни один из них даже не взглянул вверх.

— Солнце! Где же Солнце? Неужели вы не понимаете, вы, идиоты? Исчезло солнце! — Рич хватал их за руки и, потрясая кулаком, указывал на небо. Потом, увидев, что из вращающихся дверей уже выбегают первые охранники, он пустился наутек.

Добравшись до угла, он проворно свернул направо и единым духом промчался через ярко освещенный, полный покупателей пассаж. Сразу же за пассажем был вход в вертикальную «пневматичку», которая вела к воздушной трассе. Рич успел проскочить в дверь и, когда она

задвигалась, оглянувшись, увидел своих преследователей всего в нескольких шагах. Затем он, как мяч, свечой взлетел на семидесятиэтажную высоту и оказался на воздушной трассе.

Тут была расположена электромобильная стоянка, полого спускавшаяся к фасаду Башни «Монарха» и соединенная с воздушной трассой подъездной дорогой. Рич бросился к стоянке, швырнул несколько кредиток служителю, вскочил в аэромобиль и нажал кнопку пуска. Машина двинулась. В конце подъездной дороги он нажал кнопку «Налево». Аэромобиль свернул налево и покатил по трассе. Система управления в этих аэромобилях была очень проста. На щите находилось всего несколько кнопок: «Налево», «Направо», «Пуск», «Стоп». Все управление машиной производилось автоматически. Электромобили этого типа предназначались только для езды по воздушным трассам. Сев в такую машину, вы могли часами кружить над городом как белка в колесе.

Электромобиль не требовал внимания. Рич ехал и попеременно поглядывал то назад, то вверх, на небо. Солнца нет, а им и горя мало, словно его никогда и не было. Вдруг он похолодел. А что, если и это такой же заскок, как у тех, что счи-

тают людей одноглазыми? Неожиданно машина замедлила ход, а затем и вовсе остановилась. Рич застрял посредине воздушной трассы, между Башней «Монарха» и колоссальным «Визиофон энд Визиограф Билдинг».

Он принялся лихорадочно нажимать на все кнопки. Безрезультатно! Тогда он выскочил и поднял задний капот, чтобы проверить, не испортилось ли контактное реле. Вдали на трассе показались бегущие к нему охранники. Тут только Рич понял, в чем дело. Аэромобиль питался энергией, посылаемой со стоянки. Добравшись до стоянки, охранники приказали прекратить подачу энергии в его электромобиль и побежали за ним вдогонку. Рич бросил бесполезную теперь машину и что было духу помчался к «ВВ Билдинг».

Трасса проходила по тоннелю, пронизывавшему здание «ВВ Билдинг». Вдоль тоннеля располагались магазины, рестораны, театр… Кстати, там помещалось и бюро путешествий! Это выход. Быстро купить билет, занять одноместную капсулу… Затем его забросят на какую-нибудь взлетную площадку… Ведь ему нужно совсем немного времени, чтобы перестроиться, взглянуть на все новыми глазами… А в Париже у него

свой дом. Ловко увертываясь от автомобилей, он пересек тоннель и вбежал в бюро.

Бюро путешествий напоминало небольшой банк. Короткая стойка, окошко, защищенное решеткой и взломонепроницаемым пластиком. Рич подошел к окошку, вынул из кармана деньги. Отсчитав несколько кредиток, он подтолкнул их к решетке.

— Билет до Парижа, — сказал он. — Сдачу оставьте себе. Где у вас капсулы? Живо, любезный! Живо!

— Париж? — переспросил кассир. — Какой Париж? У нас нет никакого Парижа.

Рич всмотрелся в человека за полупрозрачным пластиком. За окном маячил, глядя на него, молчаливый, страшный… Человек Без Лица. Ричу показалось, что голова его вот-вот лопнет, сердце бешено колотилось. Он раза два бестолково повернулся на месте, наконец увидел дверь и выбежал наружу. Спотыкаясь как слепой, он ринулся назад к трассе, сделал слабую попытку увернуться от приближающегося автомобиля и погрузился во тьму, плотно окутавшую его со всех сторон.

УНИЧТОЖИТЬ
СЛОМАТЬ

ЛИКВИДИРОВАТЬ РАССЕЯТЬ (МИНЕРАЛОГИЮ, ПЕТРОЛОГИЮ, ГЕОЛОГИЮ, ФИЗИОГРАФИЮ) РАЗМЕТАТЬ (МЕТЕОРОЛОГИЮ, ГИДРОЛОГИЮ, СЕЙСМОЛОГИЮ)

СТЕРЕТЬ (x*2 y*3 d: Пространство (d: Время)

ВЫЧЕРКНУТЬ.

ТЕМОЙ ЯВЛЯЕТСЯ…

— …что является?

ТЕМОЙ ЯВЛЯЕТСЯ…

— …является что? Что? ЧТО?

Чья-то рука прикрыла ему рот. Рич открыл глаза. Он находился в маленькой комнатке с кафельными стенами, наверное, в медпункте при полицейском участке. Он лежал на белом столе, который окружали охранники, трое полицейских в форме и еще какие-то люди. Все они старательно что-то записывали в блокноты, бормоча себе под нос и смущенно пожимая плечами.

Незнакомец отнял руку от губ Рича и наклонился к нему.

— Все будет хорошо, — сказал он мягко. — Не волнуйтесь. Я врач.

— Щупач?

— Что?

— Вы не щупач? Мне нужен щупач, мне нужен кто-нибудь, кто бы влез мне в башку и подтвер-

дил, что я прав. Бог ты мой? Мне это нужно до зарезу. За ценой я не постою…

— Что ему нужно? — спросил полисмен.

— Я не знаю. Он сказал «щупач». — Врач повернулся к Ричу. — Что это значит? Объясните нам, пожалуйста. Что значит «щупач?»

— Это эспер. Тот, кто читает мысли.

Доктор улыбнулся.

— Фантазирует. Разыгрывает бодрячка. Больные часто ведут себя так. Делают вид, что катастрофа их не испугала. Мы называем это юмором висельника.

— Послушайте, — взмолился Рич, — приподнимите меня. Я должен кое-что сказать.

Ему помогли приподняться.

— Меня зовут Бен Рич, — сказал он, обращаясь к полицейским. — Бен Рич из «Монарха». Вы, конечно, слышали обо мне. Я хочу сделать признание. Но я признаюсь лично Линкольну Пауэлу, полицейскому префекту. Доставьте меня к нему.

— Кто такой Пауэл?

— И в чем вы хотите признаться?

— В убийстве де Куртнэ. Месяц тому назад я убил Крэя де Куртнэ. Это произошло в доме Марии Бомон. Скажите Пауэлу. Я убил де Куртнэ.

Полицейские удивленно переглянулись. Один

из них не торопясь поплелся в угол к старомодному телефону.

— Капитан? У нас тут один тип. Называет себя Беном Ричем из «Монарха». Хочет сделать признание какому-то префекту по фамилии Пауэл. Говорит, в прошлом месяце кокнул какого-то малого, которого знали Крэй де Куртнэ. — Полицейский помолчал и обратился к Ричу: — Как пишется эта фамилия?

— Де Куртнэ! Маленькое «дэ», потом «е», потом отдельно заглавная «ка», «у», «эр», «тэ», «эн», «э».

Полисмен продиктовал фамилию по буквам и стал ждать. Некоторое время спустя он усмехнулся и повесил трубку.

— Все наврал, — сказал он и положил блокнот в карман.

— Послушайте… — начал Рич.

— Как он, в порядке? — спросил полисмен у врача, не оборачиваясь к Ричу.

— Небольшой шок, а вообще он в норме.

— Да слушайте же! — крикнул Рич.

Полисмен рывком поставил его на ноги, подтолкнул к дверям.

— Порядок, приятель. Катись!

— Вы должны меня выслушать. И…

— Нет, приятель, это ты меня выслушай. В по-

лиции нету никакого Линкольна Пауэла. В книге происшествий не зарегистрировано убийство этого твоего де Куртнэ. Понял? Так что проваливай подобру-поздорову. Заливать можешь в другом месте, — и он вытолкнул Рича на улицу.

Тротуар выглядел странно. Он был весь вздыблен, словно изрытый пневматическим молотком. Рич споткнулся, но кое-как удержался на ногах и застыл, безгласный, растерянный. Темнота сгустилась еще больше… вечная темнота. Лишь кое-где горели редкие фонари. Воздушные трассы исчезли. Не видно было прыгунов. Даже горизонт стал не сплошным — в нем появились проломы.

— Я болен, — простонал Рич. — Я болен. Помогите…

Прижимая руки к животу, пошатываясь, он побрел по разбитому тротуару.

— Прыгун! — вопил он не своим голосом. — Прыгун! Такси! Да есть ли кто живой в этом забытом богом городе? Где вы все попрятались? Такси!

Ничего.

— Я болен… болен. Мне нужно домой. Я заболел. — Он снова заорал: — Слышит меня кто-нибудь? Я болен. Помогите… По-мо-ги-те!..

Никакого ответа.

Рич застонал, потом вдруг захихикал бессмысленно и жалобно. Срывающимся голосом он запел:

Три, два, раз… А ну еще!
Три, четыре — горячо.
Ах ты, камбала, не вобла,
Смотри в оба! Смотри в оба!..

— Да где же вы все? Мария! — чуть не плача, позвал он. — Мария, включи свет! Ма-а-ри-и-ия! Да прекрати ты эту дурацкую игру в «Сардинки»!

Он споткнулся.

— Где ты? — кричал Рич. — Вернись, умоляю, вернись! Я тут совсем один!

Безмолвие.

Он искал Парк Саут, 9, вглядывался в темноту, не покажется ли особняк Бомонов, дом, где встретил свою гибель де Куртнэ. Как успокоительно было бы встретить «старую прилестницу» Марию!

Безмолвие.

Мрачная, холодная пустыня. Черное небо. Все чужое вокруг. Пусто.

Безмолвие и пустота.

Рич крикнул. Одинокий хриплый крик, крик злобы и страха.

Безмолвие. Даже эхо не откликнулось.

— Ради бога! — кричал он. — Ради бога! Верните все обратно! Куда все девалось? Одно пространство, одно пространство!..

Из пустоты проступила и выросла зловещая гигантская фигура. Она родилась из черных теней. Рич смотрел на нее, оцепенев. Она маячила перед ним, безмолвная, страшная… Человек Без Лица. Внезапно он заговорил:

— Нет пространства. Ничего нет.

Рич услышал пронзительный крик. Это кричал он сам. Услышал оглушительный грохот. То билось его сердце. Он бежал нездешней, неземной тропой, проложенной в пустоте, где не было ни жизни, ни пространства, бежал, пока еще не поздно, пока еще не поздно, еще не поздно, пока еще есть время, еще есть время, время…

И на полном бегу наткнулся на фигуру, рожденную из черных теней, на Человека Без Лица. Человек Без Лица сказал:

— Времени не существует. Ничего нет.

Рич отпрянул. Повернулся. Упал. Теряя последние силы, он полз сквозь вечную пустоту и визжал:

— Пауэл! Даффи! Киззард! Тэйт! О господи! Где вы все? Где все? Ради бога!..

И опять перед ним возник Человек Без Лица.

— Бога не существует, — сказал он. — Ничего нет.

Теперь уже невозможно было спастись бегством. Остались лишь антибесконечность — бесконечность со знаком минус, и Рич, и Человек Без Лица. Намертво вмерзнув в это триединство, Рич поднял наконец глаза и посмотрел прямо в лицо своему смертельному врагу, от которого он не смог спастись, тому, кто преследовал его в ночных кошмарах… тому, кто разрушил всю его жизнь…

Это был…

Он сам.

Де Куртнэ.

Они оба.

Их лица сливались в одно. Бен де Куртнэ — Крэй Рич. Де Куртнэ — Рич. Де — Р.

Он не мог говорить. Не мог шевельнуться. Ведь не существовало ни времени, ни пространства, ни материи. Только умирающая мысль.

«Отец?»

«И сын».

«Ты — это я?»

«Мы — это мы».

«Отец и сын?»

«Да».

«Я не могу понять… Что случилось?»

«Ты проиграл игру».

«Игру в „Сардинки“?»

«Нет. Глобальную игру».

«Но я же выиграл. Я выиграл. Ведь мне принадлежала вся Галактика, до последней песчинки…»

«Потому ты и проиграл. Мы проиграли».

«Что мы проиграли?»

«Возможность выжить».

«Я ничего не понимаю. Не могу понять».

«Зато это понимает моя половина. Ты бы тоже понял это, Бен, если бы ты не отторгнул меня от себя».

«Что же тебя отторгло?»

«Все, что есть в тебе извращенного, испорченного, дурного».

«И это говоришь ты? Ты… предатель, пытавшийся меня убить?»

«Я это делал без гнева, Бен. Делал лишь для того, чтобы сокрушить тебя прежде, чем ты сокрушишь нас. Чтобы выжить. Чтобы помочь тебе проиграть Галактику и выиграть игру, Бен».

«Что за игра? Ты назвал ее глобальной?»

«Да. Это головоломка. Вселенная — это ла-

биринт, путаница, головоломка, которую мы должны решить. Все галактики, звезды, солнце, планеты… весь мир, каким мы его знали. Мы с тобой были единственной реальностью. Все остальное вымысел… куклы, марионетки, бутафория, комедиантство. Нам с тобой предстояло разгадать воображаемую реальность».

«Мне это удалось. Я завладел ею».

«Но не сумел решить головоломки. Решение мы так и не узнаем, но это ни террор, ни воровство, ни ненависть, ни похоть, ни убийство, ни насилие. Ты не решил головоломку, и все уничтожено, развеяно…»

«А что же стало с нами?»

«Уничтожены и мы. Я пробовал предупредить тебя. Остановить. Но мы не выдержали испытания».

«Но почему же? Почему? Кто мы такие? Что мы собой представляем?»

«Кто знает? Разве зерно, которому не удалось упасть на добрую почву, знает, кем и чем оно стало бы? Не все ли нам равно, кто мы и что? Мы проиграли. Испытаниям конец. Конец и нам».

«Нет!»

«Возможно, Бен, если бы мы решили головоломку, все осталось бы реальностью. Но дело

сделано. Реальность превратилась в утраченную возможность. И вот мы проснулись, чтобы упасть в ничто».

«Мы еще вернемся. Мы попытаемся снова…»

«Назад возврата нет. Конец».

«Мы что-нибудь придумаем. Ведь можно же что-нибудь придумать!»

«Ничего нельзя придумать. Конец».

Все было кончено.

Теперь… Разрушение.

17

Их обоих нашли на следующее утро почти в центре острова, в парке, откуда открывался вид на старый гарлемский канал. Оба всю ночь блуждали по улицам и воздушным трассам, не видя ничего вокруг и все же медленно и неуклонно приближаясь друг к другу, как две намагниченные иглы.

Пауэл, скрестив ноги, сидел на влажном дерне. Лицо его осунулось и потемнело, дыхание почти угасло, пульс едва прослушивался, но руки, будто железные тиски, все еще сжимали свернувшегося в тугой ком Рича.

Пауэла немедленно отвезли в его особнячок на Гудзон Рэмп, где, установив круглосуточное дежурство, его усердно принялись выхаживать все сотрудники лаборатории при институте Эспер Лиги, донельзя обрадованные этим первым в истории успешным завершением Массового катексиса. С Ричем не было нужды спешить. В должное время и с соблюдением необходимых формальностей его, по-прежнему недвижимого, доставили в Кингстонский госпиталь на предмет

Разрушения.

Прошло семь дней.

На восьмой Пауэл встал, принял душ, оделся, выиграл сражение со своими «сиделками» и вышел из дому. Заскочив по дороге к «Сюкре и Си», он вышел оттуда с неким таинственным большим пакетом, после чего направился в полицейское управление, чтобы лично доложить комиссару Крэббу об окончании дела. Однако, прежде чем подняться в кабинет шефа, он заглянул к Джексону Беку.

«Привет, Джекс».

«Здра (и бедст) вия желаю».

«Бедствия?»

«Я заключил пари на пятьдесят кредиток, что вас продержат в постели до среды».

«Проиграли. Как отнесся Моз к нашей версии мотива преступления?»

«Поддержал руками и ногами. Заседание длилось всего час. Рича уже готовят к Разрушению».

«Отлично. Ну я пошел наверх. Постараюсь все это растол-ко-вать комиссару Крэббу».

«Что это у вас под мышкой?»

«Подарок».

«Для меня?»

«Сегодня не для вас. Пока, Джекс. Примите мои

наилучшие помышления».

Пауэл поднялся вверх, постучал в дверь отделанного серебром и черным деревом кабинета и, услышав повелительный голос: «Войдите!», отворил дверь. Крэбб был должным образом внимателен, но сух. Дело де Куртнэ не способствовало улучшению его отношений с Пауэлом. А заключительный эпизод явился последней каплей.

— Это был на редкость сложный случай, сэр, — тактично начал Пауэл. — Никто из нас ничего не понимал, и никого нельзя винить. Видите ли, комиссар, даже сам Рич не отдавал себе отчета, по какой причине он убил де Куртнэ. Единственным, кто попал в точку, был наш следственный компьютер, но мы тогда решили, что он дурачится.

— Этот агрегат? Он понял?

— Да, сэр. Когда мы в первый раз снабдили его информацией, компьютер дал ответ, что недостаточно подтверждены документацией эмоциональные мотивы преступления. Мы же все предполагали, что преступление совершено из корыстных соображений. Кстати, так же думал и Рич. Само собой, мы решили, что компьютер чудит, и запросили у него вторичного расчета, подтверждавшего нашу версию об убийстве с корыстными целями. И тем самым укрепились

в ошибке.

— А чертов агрегат, значит, был прав?

— Да, комиссар. Прав. Рич сам себя уверил, что причина убийства — его финансовые взаимоотношения с де Куртнэ. Так он бессознательно скрывал от себя истинный, эмоциональный мотив преступления. Как вы знаете, он предложил де Куртнэ слияние капиталов. Тот согласился. Но подсознательный импульс толкнул Рича к тому, чтобы неправильно расшифровать ответ. Иначе он не мог. Он не мог не верить, что убивает ради денег.

— Почему?

— Потому что он не мог признать действительным подлинный мотив убийства.

— И этот мотив?… В чем же он заключался?

— Де Куртнэ был его отцом.

— Что? — изумился Крэбб. — Его отцом? И свою плоть и кровь?…

— Да, сэр. Мы все это могли узнать гораздо раньше, но не сообразили… поскольку и сам Рич не осознавал этого. Вот, к примеру, это поместье на Каллисто, которым Рич пожертвовал, чтобы удалить доктора Джордана за пределы Земли. Рич унаследовал его от матери, а та, в свою очередь, получила поместье в дар от де Куртнэ. Мы

предполагали, что еще старый Рич каким-то образом оттягал его у де Куртнэ и передал жене. Оказывается, ничего подобного. Де Куртнэ сам подарил его своей возлюбленной — матери Рича, когда узнал, что она ждет от него ребенка. Рич и родился там. Джексон Бек все это выяснил, когда мы подобрали к делу ключ.

Крэбб открыл было рот, потом снова сжал губы.

— Мы много чего проглядели. Например, тягу де Куртнэ к самоубийству на почве острого ощущения своей вины перед кем-то, покинутым им. Он ведь и впрямь покинул сына. Это его мучило. Затем не обратили внимания на проглянувший среди первичных инстинктов Барбары де Куртнэ образ ее самой и Бена Рича в виде полублизнецов. Она каким-то образом знала, что он ее сводный брат. Да ведь и Рич не смог убить Барбару в доме у Чуки Фруд. Инстинктивно он тоже все знал. Отца за то, что тот отверг его, он ненавидел и хотел уничтожить, а вот заставить себя причинить вред сестре не смог.

— Так когда же вы докопались до сути?

— Уже после того, как дело было прекращено, сэр. Когда Рич на меня напустился, обвиняя в том, что я ему подбрасываю мины-сюрпризы.

— Да, он говорил, что это делаете вы. Он… но, постойте, Пауэл, если не вы, то кто же этим занимался?

— Сам Рич, сэр.

— Рич?

— Да. Он убил отца. Сделал то, на что толкала его ненависть. Но его суперэго, его подсознание не позволяло ему оставаться безнаказанным после столь ужасного преступления. Так как полиция, по всей видимости, оказалась не в состоянии покарать его, то его собственная совесть взяла на себя миссию палача, воплотившись в образ, преследовавший Рича в его ночных кошмарах — в образ Человека Без Лица.

— Человека Без Лица?

— Да, комиссар. Это был символ истинной взаимосвязи Рича и де Куртнэ. И так как Рич был не в состоянии увидеть правду, признать, что де Куртнэ его отец, человек этот был без лица. Когда Рич пришел к решению убить своего отца, ему начала сниться эта безликая фигура. Она не давала ему покоя. Человек Без Лица сперва символизировал угрозу наказания за преступный замысел, а позже стал и самой карой за убийство.

— И значит, мины-сюрпризы?…

— Именно так, комиссар. Его совесть требовала,

чтобы за преступлением последовала заслуженная кара. Но поскольку у Рича ни разу не возникла мысль, что он убил своего отца, он мог наказать себя лишь бессознательно. Рич подкладывал себе все эти мины, сам не понимая, что делает… как лунатик, во сне или днем в минуты бегства от реальности, в краткие периоды беспамятства. Ухищрения психического аппарата неисчерпаемы.

— Но если Рич и сам не подозревал обо всем этом, как вам удалось докопаться до сути дела, Пауэл?

— В том-то и дело, сэр. В этом была вся трудность. Рич был настроен к нам враждебно, в то время как для обследований такого рода требуется полное содействие субъекта. К тому же на обследование уходит несколько месяцев, а у нас не было времени. Рич, оправившись от целого ряда свалившихся на него потрясений, вполне мог перестроиться, взглянуть на все новыми глазами и стать для нас неуязвимым. Это было опасно, поскольку он обладал возможностью вывернуть наизнанку всю солнечную систему. Он принадлежал к тем редким ниспровергателям мировых основ, в чьих силах было разрушить все наше общественное здание и создать новое

общество, на свой лад.

Крэбб кивнул.

— И он почти добился цели. Истории известны такого рода деятели. Они

— связующее звено между прошлым и будущим. Если им позволить войти в силу, то человечество окажется прикованным к ужасному завтра.

— Как же вы поступили?

— Прибегли к массовому катексису, как мы его называем. Не так-то просто объяснить, в чем он заключается, но я все же попробую. Психический комплекс каждого человека, то, что называют душевными силами, состоит из двух видов энергии — резервной, или, как мы говорим, латентной, и расходуемой. Латентная энергия скрыта в глубине нашей души как неприкосновенный запас. Расходуемую энергию мы тратим в своей повседневной психической и мыслительной деятельности. Латентную энергию большинство людей расходует крайне редко и в очень малом количестве — ничтожную ее долю.

— Понятно.

— Когда Эспер Лига прибегает к массовому катексису, каждый эспер раскрывает, если так можно выразиться, свою душу и пересылает все

запасы своей латентной энергии в общий фонд. Воспользуется этой энергией один-единственный эспер, у которого из латентной она станет расходуемой. Если он сумеет распорядиться ею, он сможет проделать титаническую работу. Однако операция эта и трудна, и крайне опасна. Выполнить ее — это примерно то же, что отправиться на Луну, вставив себе динамитную шапку в… э… словом, лететь на динамитной шашке.

Крэбб вдруг ухмыльнулся.

— Жаль, что я не щупач, — сказал он. — Хотелось бы мне знать, как вы на самом деле представляете себе этот полет на Луну.

— Вы уже представили, сэр, — усмехнулся в ответ Пауэл.

Впервые между ними установился контакт.

— Нам было необходимо, — продолжил Пауэл, — столкнуть Рича с Человеком Без Лица. Ведь мы могли узнать правду только после того, как ее узнает сан Рич. Используя весь фонд латентной энергии, я вызвал у Рича самые обычные, элементарные невротические представления — иллюзию, будто только он один реален в этом мире.

— Хм, обычные… нечего сказать обычные!

— О, самые обычные, сэр. Такая иллюзия —

один из самых тривиальных методов бегства от действительности. Когда жизнь становится вам невмоготу, вы спасаетесь от ее тягот, вообразив себе, что все ваши беды всего лишь выдумки, гигантская мистификация. Рич уже носил в себе зародыш этой иллюзии. Я просто интенсифицировал ее. В последнее время жизнь ему и впрямь стала невмоготу, и я заставил его поверить, что Вселенная — обман, головоломка. Затем постепенно на его глазах я уничтожил весь окружавший его мир, разобрал головоломку на части и оставил его наедине с Человеком Без Лица. Тогда он впервые взглянул на него открытыми глазами, узнал в нем себя, узнал отца… и мы все поняли.

Пауэл взял сверток, встал со стула. Крэбб тоже вышел из-за стола и, дружески придерживая Пауэла рукой за плечо, проводил его до двери.

— Вы проделали феноменальную работу, Пауэл. Поистине феноменальную. Я просто не нахожу слов. Это, наверно, замечательно — быть эспером.

— И замечательно и страшно, сэр.

— Вы все, наверно, очень счастливы.

— Счастливы? — Пауэл задержался у двери и взглянул на Крэбба. — Были бы вы счастливы,

комиссар, если бы вам пришлось всю жизнь провести в больнице?

— Как в больнице?

— Да, именно там мы все и живем. В психиатрической лечебнице. Без надежды на бегство, на избавление. Так что радуйтесь, что вы не эспер, сэр. Радуйтесь, что вам видна лишь внешность человека. Радуйтесь, что вам не приходится видеть ненависти, ревности, злобы, боли. Радуйтесь, что вам не часто открывается страшная сущность человека. Мир будет чудесным местом, когда все люди станут телепатами и освободятся от пороков, от всех аномалий… А до тех пор радуйтесь своей слепоте.

Он вышел из управления полиции, взял прыгуна и понесся на север к Кингстонскому госпиталю. Сидя в кабине со свертком на коленах, он любовался величественным видом Гудзонской долины и насвистывал какой-то замысловатый мотив. Только раз он улыбнулся и пробормотал: «Подумать только, мне все же удалось просветить хоть немного Крэбба! Теперь остается только стабилизировать наши отношения. И главное, с сегодняшнего дня он будет сочувствовать щупачам и относиться к нам дружески».

Внизу, постепенно развертываясь, показалась

великолепная панорама Кингстонского госпиталя — солярии, бассейны, сады, спортивные площадки, коттеджи, клиники… Весь архитектурный ансамбль госпиталя был спроектирован в изысканном неоклассическом стиле. Прыгун пошел на посадку. Пауэл уже различал отдельные фигуры — сестер, врачей, пациентов. Загорелые, оживленные, они веселились, играли. Пауэл вспомнил о предупредительных мерах Правительственного Совета, которые гот должен был принять, справедливо опасаясь, как бы Кингстон не превратился в модный курорт: слишком много жаждущих развлечения богатых бездельников стремились туда попасть, симулируя различные заболевания.

Справившись в комнате посетителей, где найти Барбару де Куртнэ, Пауэл отправился в указанном направлении. Он очень ослабел за последние дни, но сейчас его так и подмывало перемахнуть через изгородь, взобраться на ворота или пуститься бегом по дорожке. Ему не терпелось поскорее задать Барбаре вопрос, не дававший ему покоя с самого утра, с того момента, когда, очнувшись после недельного оцепенения, он почувствовал, что в силах подняться.

Они увидели друг друга одновременно. Их

разделял широкий газон, примыкавший к великолепному саду и каменным террасам. Барбара замахала рукой и бросилась к нему прямо по траве. Он тоже побежал ей навстречу. И вдруг их охватило смущение. Они остановились в нескольких шагах друг от друга и впустили глаза.

— Хэлло, — сказала она.

— Хэлло, Барбара.

— Я… — начала она. — Давайте пройдем в тень, ладно?

Они повернули к террасе. Пауэл краем глаза взглянул на девушку. Она снова вернулась к жизни, такой он ее еще не видел. Прежним в ней оставалось только знакомое ему озорное выражение лица, лукавая мина сорванца-мальчишки, которую он считал следствием лечения но методу Deja Eprouve. Она вся светилась пленительным веселым озорством. И в то же время была взрослой. Взрослой девушкой, незнакомой ему.

— Сегодня вечером меня выписывают, — сказала Барбара.

— Я знаю.

— Я так благодарна вам за все, что вы…

— Пожалуйста, не говорите этого.

— За все, что вы для меня сделали, — твердо закончила Барбара.

Они сели на каменную скамью.

— Я хочу, чтобы вы знали, как я вам благодарна, — сказала она, серьезно взглянув на него.

— Ради бога, Барбара, пожалуйста, не нужно. Вы меня просто пугаете.

— В самом деле?

— И вас так близко знал, когда вы… как бы это сказаться… были ребенком. А теперь…

— Теперь я снова взрослая.

— Да.

— И нам нужно как следует познакомиться. — Она приветливо улыбнулась.

— Ну, скажем, завтра за чаем в пять часов?

— В пять часов?…

— Попросту. Смокинга не нужно.

— Послушайте, — в отчаянии начал Пауэл. — Я много раз помогал вам одеваться. И причесываться, и зубы чистить.

Барбара небрежно махнула рукой.

— Ваше поведение за столом было ниже всякой критики. Вы любили рыбу и терпеть не могли баранину. Однажды вы запустили бараньей котлетой мне в глаз.

— Это было сто лет назад, мистер Пауэл.

— Всего лишь две недели, мисс де Куртнэ.

Она величественно поднялась.

— Право же, мистер Пауэл, мне кажется, нам следует прервать нашу беседу. Ваша склонность к хронографическим инсинуациям… — Она остановилась, посмотрела на него, и опять выглянул сорванец-мальчишка. — Хронографические? — переспросила она.

Пауэл выронил пакет и сжал девушку в объятиях.

— Мистер Пауэл, мистер Пауэл, мистер Пауэл, — шептала она. — Здрасте, мистер Пауэл.

— Бог ты мой, Барбара… Бэри, милая. А я-то уж решил, что ты это серьезно.

— Вот тебе расплата за то, что сделал меня взрослой.

— Ты всегда была злопамятным ребенком.

— А ты придирой. — Барбара отклонилась назад и посмотрела на него. — Какой же ты на самом деле? Какие мы оба? Успеем мы узнать друг друга?

— Успеем?

— Прежде чем… Не, не могу сказать. Лучше прочитай у меня в мыслях.

— Так нельзя, моя хорошая. Скажи сама.

— Мэри Нойес мне рассказала. Все рассказала.

— О! Вот как?

Барбара кивнула.

— Но мне все равно. Все равно. Она права. Я на все решусь. Даже если ты не можешь на мне жениться…

Он засмеялся. Его радостное возбуждение вот-вот готово било хлынуть через край.

— Ни на что ты не должна решаться, — сказал он. — Сядь. Я хочу задать тебе один вопрос.

Она села к нему на колени.

— Вернемся еще раз к той ночи, — сказал он.

— В Бомон Хаузе?

Он кивнул.

— Мне трудно говорить об этом.

— Это займет меньше минуты. Ну а теперь представь: ты в постели, спишь. Потом вдруг просыпаешься и стремглав бежишь в ту комнату. Ты помнишь остальное…

— Да.

— Всего один вопрос. Тебя разбудил крик. Что за крик?

— Ты сам знаешь.

— Я знаю, но хочу, чтобы ты сказала. Скажи вслух.

— А что, если у меня… А если опять будет припадок?

— Не будет. Говори.

Она долго молчала, потом тихо проговорила:

«На помощь, Барбара!»

Он кивнул.

— Кто это кричал?

— Как кто? Ну, конечно… — девушка вдруг замолчала.

— Кричал не Бен Рич. Зачем ему было звать на помощь? Он в ней не нуждался. Кто же кричал?

— Мой… мой отец.

— Но он не мог говорить, Барбара! У него был рак горла, он и слова не мог вымолвить.

— Я услыхала его.

— Нет, приняла телепатему.

Она вскинула на него глаза. Потом покачала головой.

— Нет, я…

— Ты приняла телепатему, — мягко повторил Пауэл. — Ты скрытый эспер. Отец позвал тебя телепатически. Если бы я не был таким ослом и не сосредоточил все мысли на Риче, то давно бы уже догадался. Когда ты жила у меня, ты бессознательно прощупывала и меня и Мэри.

Барбара все не могла усвоить эту мысль.

«Ты меня любишь?» — вдруг спросил он.

— Люблю, конечно, — тихо отозвалась она, — только, по-моему, ты выдаешь желаемое…

— Кто это спрашивал?

— О чем?

— Любишь ли ты меня?

— Да ведь ты сам только что… — она запнулась, но все-таки попробовала договорить. — Ты сказал… т-ты…

— Я ничего не говорил. Теперь ты поняла? Вот почему нам не нужно ни на что решаться.

Прошло, казалось, несколько секунд, а на самом деле добрых полчаса, когда страшный грохот на террасе над их головами заставил их отстраниться друг от друга и с удивлением взглянуть вверх. На каменной стене появилось какое-то голое существо. Некоторое время оно стояло, что-то невнятно бормоча, взвизгивая и подергиваясь всем телом, потом низвергнулось вниз, скатилось по клумбам цветника и плюхнулось на газон, дергаясь, как гальванизированная лягушка и крича истошным голосом. Это был Бен Рич, почти неузнаваемый, полуразрушенный.

Пауэл быстро повернул Барбару к нему спиной и прижал к себе.

— Ты по-прежнему моя девочка? — проговорил он, взяв ее за подбородок.

Она кивнула.

— Я не хочу, чтобы ты видела это. Это не опасно, но тебе не нужно на это смотреть. Беги-ка в

павильон и подожди меня там. Будь умницей, ладно? Отлично. Ну, беги, скорей!

Она схватила его руку, быстро поцеловала и, ни разу не оглянувшись, перебежала черве газон. Пауэл проводил ее глазами и, когда она скрылась, повернулся к Ричу.

Когда в Кингстонском госпитале человека подвергают Разрушению, то разрушают всю его психику. В результате серии осмотических инъекций разрушение начинается с самых верхних пластов сознания, корковых слоев, постепенно продвигаясь вглубь, размыкая все циклы, стирая все виды памяти, истребляя все накопленное психикой со дня рождения. И по мере того как пласт за пластом стирается мироощущение пациента, каждая клетка, возвращая свою долю энергии, превращает его тело во вздрагивающий клубок, в водоворот распада.

Но не в этом боль, не в этом ужас Разрушения. Самое страшное состоит в том, что сознание не покидает человека, что, в то время как стирают душу, разум сознает свою медленную, движущуюся вспять смерть, сознает, что в конце концов тоже исчезнет, и ждет нового рождения, и прощается с жизнью, и скорбит на собственных нескончаемых похоронах. В мигающих, вздра-

гивающих глазах Бена Рича Пауэл увидел это сознание своей гибели, и боль, и трагическое отчаяние.

— Как это он умудрился отсюда сверзиться? Что его связанным, что ли, держать? — Над стеной террасы появилась голова доктора Джимса. — О, здравствуйте, Пауэл. Вот ваш приятель. Вы его помните?

— Очень живо.

Обернувшись назад, Джимс распорядился:

— Пройдите на газон и подберите его. Я с него теперь глаз не спущу. — Он повернулся к Пауэлу. — На редкость энергичный малый, прямо бурлит весь. Мы возлагаем на него большие надежды.

Рич пронзительно завизжал и дернулся.

— Как проходит Разрушение?

— Великолепно. У него такой запас жизненных сил, что хватит на что угодно. Мы воздействуем на него по ускоренной системе. Через год он должен быть готов к новому рождению.

— Я жду этого с нетерпением. Нам нужны такие люди, как Рич. Жаль было бы его лишиться.

— Лишиться? Каким образом? Не думаете же вы, что такой пустяк, как это его падение со стены…

— Нет, я имею в виду совсем другое. Три или четыре сотни лет назад наш брат полицейский ловил людей, подобных Ричу, только для того, чтобы предать их смерти. Это называлось смертная казнь.

— Вы шутите.

— Честное скаутское.

— Но это же бессмыслица! Если у человека хватило смелости в таланта, чтобы переть против общества, он, несомненно, незауряден. Его нужно ценить. Исправьте его и превратите в положительную величину. Зачем его уничтожать? Если мы станем разбрасываться такими людьми, так у нас, чего доброго, останутся одни овцы.

— Не знаю. Может быть, в те времена им и нужны были овцы.

На газон рысцой примчались санитары, подняли Рича, поставили на ноги. Он кричал и вырывался. Мягко и искусно утихомиривая его с помощью особых приемов кингстонского дзю-до, они быстро проверили, нет ли у него переломов или растяжения, и, удостоверившись, что все в порядке, повели его прочь.

— Одну минутку, — окликнул их Пауэл. Он взял со скамьи таинственный сверток и развернул его. Это была коробка конфет, одна из самых ве-

ликолепных, какие только продавались у «Сюкре и Си». Пауэл подошел к разрушаемому человеку и протянул ему коробку.

— Вот вам подарок, Бен. Возьмите.

Голое существо угрюмо уставилось сперва на Пауэла, потом на коробку. Наконец две неловкие руки неуклюже вытянулись вперед и взяли подарок.

— Фу ты черт, валандаюсь с ним как нянюшка, — сердито буркнул себе под нос Пауэл. — Все мы няньки в этом сумасшедшем мире. Стоит ли он того?

И вдруг из клубившегося в Риче хаоса вспышкой вырвалось:

«Пауэл — щупач — Пауэл — друг — Пауэл — друг...»

Это было так внезапно, так неожиданно, так наэлектризовано жаркой благодарностью, что Пауэла словно залило горячей волной, и к глазам подступили слезы. Он попробовал улыбнуться, потом молча повернулся и зашагал через газон к павильону, где ждала его Барбара.

— Слушайте, — восклицал он, исполненный ликования, — слушайте, вы, нетелепаты! Вы должны узнать это. Должны это понять. Вы должны смести барьеры. Сорвать покровы. Мы видим

истину, которая вам не видна. Мы видим, что в человеке нет ничего, кроме любви и верности, мужества и доброты, самоотверженности и благородства. Все остальное — это лишь барьер, воздвигнутый вашей слепотой. Настанет день, когда не останется преград, разделяющих наши умы и сердца.

В бесконечной Вселенной не существовало ничего неповторимого и нового. Странный случай, миг чудесный, поразительное совпадение событий, обстоятельств и взаимоотношений — все это уже не раз бывало на планете, обращающейся вокруг светила, Галактика которого девятикратно возрождалась заново каждые двести миллионов лет. В мире была радость. Радость придет вновь…